

А. И. КОЛЕСНИКОВ

**ЗАВОЕВАНИЕ
ИРАНА
АРАБАМИ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. И. КОЛЕСНИКОВ

ЗАВОЕВАНИЕ ИРАНА АРАБАМИ

(Иран при «праведных» халифах)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

9 (М) 1
К 60

Ответственный редактор
О. Г. БОЛЬШАКОВ

В монографии рассматривается малоизученный период истории Ирана, когда Сасанидское государство лишилось политической независимости и территория державы Сасанидов была включена в состав Арабского халифата (середина VII в.).

К 0504020000-122 70-82.
013 (02)-82

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1982.

В истории Ближнего Востока VII век был ознаменован крупными социальными и политическими переменами, завершившимися образованием теократического мусульманского государства (Халифата) и утверждением новой мировой религии — ислама. Новое государственное образование включило большую часть владений Византийской империи и полностью сасанидский Иран.

Наиболее бурная экспансия арабов за пределы Аравийского полуострова имела место в первые десятилетия завоеваний, приходившиеся на время правления четырех «праведных» халифов: Абу Бакра, Омара, Османа, Али (632—661). Походы и сражения мусульман тех лет стали позже важной частью исторических хроник и сочинений, специально посвященных военной истории ислама.

Традиция изучения истории стран Ближнего Востока в период возникновения ислама, арабских завоеваний и создания Халифата насчитывает несколько столетий. Интерес к этому предмету не был случаен, ибо и новая религия, и завоевательные войны, проходившие под ее знаменем, существенно изменили судьбу не только арабов, но и народов покоренных ими стран.

Возможность научного подхода к теме представилась лишь в XIX в., когда более тесное знакомство европейских ориенталистов с рукописями и их изданиями открыло широкое поле деятельности для углубленной исследовательской работы. Уже тогда определились два пути исторического исследования: с одной стороны, богатая событиями и запутанная военно-политическая история времени первых халифов, с другой — проблемы догматики, мусульманского права, социальных отношений.

Историография арабских завоеваний в Иране в разной степени получила отражение в работах, упомянутых в многочисленных библиографических сборниках литера-

туры по исламу и в обзорных исследованиях, публиковавшихся с конца прошлого века и ныне составляющих специальную отрасль науки ¹.

* * *

Характеристику основных работ, исследующих преимущественно военно-политическую историю, следует начать с «Истории халифов» Г. Вейля, в которой впервые сделана попытка критически соединить вместе сведения разнообразных источников, построив на них цельное повествование о событиях, имевших место после смерти Мухаммеда ². Каждому халифу автор пятитомного труда посвятил отдельную главу, в которой дается конспективное изложение наиболее примечательных событий, происходивших в годы его правления. В этом отношении «История» Г. Вейля во многом похожа на сочинения некоторых средневековых историков, располагавших свой материал по периодам правления халифов. В списке использованных источников названы рукописи сочинений Бакри, Суйути, Мас'уди, фрагмент «Хроники» Табари. В приложении к первому тому Г. Вейль поместил список важнейших побед арабов по Балазури, с сочинением которого он познакомился позже. Труд Г. Вейля был высоко оценен А. Кремером и В. Мьюиром. Итогом многолетних исследований Г. Вейля явилась обзорная работа «История мусульманских народов от Мухаммеда до времени султана Селима», рассчитанная на широкий круг читателей и представляющая конспект его прежних трудов с учетом современной автору литературы вопроса ³.

Современника Г. Вейля, французского востоковеда А. П. Коссена де Персваля интересовала главным образом доисламская и раннеисламская история арабов; в третьем томе «Очерка по истории арабов» он поместил пространный рассказ о времени халифов Абу Бакра и Омара ибн ал-Хаттаба ⁴. Изложение событий доведено им до 640 г. У своих источников (скорее всего у Табари) автор заимствовал композицию: он располагает материал по годам хиджры. Коссен, не уступая Вейлю в отношении количества привлеченных источников, выигрывает в живости и ясности изложения. Автор проявляет интерес к отождествлению исторических населенных пунктов, в которых разворачивались те или иные события. Помимо Табари

и Ибн Халдуна он ссылается иногда на Хамзу [Исфахани], Абу-л-Фиду, Вакиди, Балазури и Мас'уди (по рукописям), «Китаб ал-агали», Ибн ал-Аспра, Димишки, Феофана.

Политической истории арабов посвятил одну из своих работ Г. Флюгель. Второе, переработанное и улучшенное издание его «Истории арабов до падения Багдадского халифата» вышло в 1864 г.⁵ В разделе, посвященном четырем «праведным» халифам, автор сосредоточил внимание на внутренней политике Халифата; военная история завоеваний изложена им конспективно. Эта часть книги написана по сочинениям его современников, которые упомянуты автором в предисловии.

Появление двухтомника А. Мюллера «Ислам на Востоке и Западе» явилось новым шагом в изучении истории ислама⁶. Автор также учел и переработал отдельные исследования, опубликованные после Г. Вейля. В первом томе, где речь идет и о четырех «праведных» халифах, он не только коснулся завоевательных походов арабов, но и дал общую характеристику мусульманского государства и системы управления. Здесь автор вначале перечислил важнейшие победы арабов на востоке и западе, затем более подробно рассказал о военных действиях против Ирана и Византии. В первой четверти XIX в. работу А. Мюллера считали одной из лучших⁷.

В Англии наиболее популярным трудом по истории Халифата стала книга В. Мьюира «Халифат, его возникновение, упадок и падение», выдержавшая пять изданий⁸. обстоятельный отзыв о ней содержится в работе В. В. Бартольда «Мусульманский мир»⁹. К недостаткам книги относили пренебрежение научной литературой предмета, не всегда критическое отношение к источникам, тенденциозное отношение к исламу. Частично эти недочеты были устранены при переиздании книги. Изложение политической истории первых четырех халифов и Омейядов считают наиболее удачной частью его труда. Она написана увлекательно, в ней достаточно внимания уделяется анализу политической обстановки в Халифате, сообщаются сведения по географии района действий. Главными источниками для В. Мьюира были Табари и Ибн ал-Асир.

После выхода ряда общих работ, рассматривавших раннюю историю ислама на протяжении первых двух-трех столетий, в конце XIX в. делается попытка осмысле-

ния самой ранней истории ислама в рамках пророческой деятельности Мухаммеда и военной экспансии при первых халифах. Небольшие по объему, эти статьи и монографические исследования имеют важное методологическое значение. К ним относятся работы Ю. Вельхаузена и Т. Нельдеке. Первым был написан сводный очерк истории Халифата при четырех «справедливых» халифах для девятого издания Британской энциклопедии. Его перу принадлежат и «Прологомены к старейшей истории ислама», в которых дается критический анализ информации Сайфа ибн Омара, одного из главных авторитетов Табари¹⁰. Т. Нельдеке исследует причину тенденциозности начальной истории ислама и обнаруживает ее в тенденциозности изображения лиц из ближайшего окружения Мухаммеда¹¹.

К началу XX в. относятся «Летописи ислама» итальянского ориенталиста Л. Каззани, представляющие собой свод фактического материала из средневековых хроник¹². Задуманная им грандиозная задача отбора и критики сведений по истории ислама от Мухаммеда до 922 г. х. оказалась неосуществимой. Только история пророка и первых двух халифов занимает пять томов. Шестой том содержит указатели к пяти предыдущим. Продолжением его «Анналов» явилось изложение событий истории ислама, доведенное до 65 г. х./684-5 г. «Летописи» были высоко оценены современниками и до сих пор остаются незаменимым пособием при изучении раннего Халифата.

Начало XX в. обозначило рубеж, за которым попытки составления всеобщей политической истории Халифата практически прекратились. Внимание исследователей сосредоточивается теперь на региональных историях. Начало новому направлению положили работы Н. А. Медникова и А. Батлера¹³. В последнее время появляются монографии, в которых военно-политическая история отдельных стран (или провинций) Халифата освещается в контексте общественных и культурных отношений эпохи¹⁴.

Переходя к обзору литературы, в которой тема арабских завоеваний в Иране является ведущей либо рассматривается специально в одном из разделов, следует вернуться к середине XIX в., когда в периодическом журнале Американского востоковедного общества была напечатана работа Дж. П. Брауна «Завоевание Ирана арабами по Табари»¹⁵. Она представляла собой английский перевод части турецкой версии «Хроники» Табари, но выпол-

ненной не непосредственно с оригинального арабского текста, а, как полагал Катрмер, через посредство персидской переработки Бал'ами. Труд Брауна сохраняет свое значение главным образом для истории науки.

Арабские завоевания в Иране рассматривались специально в курсе лекций А. Е. Крымского, сейчас уже значительно устаревших ¹⁶, и в соответствующих разделах книги Б. Шпулера. В последней помимо военно-политической истории затронуты вопросы государственного управления, культуры и общественной жизни Ирана. Хотя хронологические рамки книги Б. Н. Заходера «История восточного средневековья» охватывают период от утверждения династии Сасанидов до упадка Сефевидского государства, т. е. эпоху классического феодализма на Востоке, в ней получили освещение арабские завоевания и образование Халифата, в тезисной форме высказывается точка зрения о предпосылках завоевательных походов и их ближайших следствиях, о формах организации власти и управлении подвластными территориями. Автор обращает также внимание на этническую и классовую структуру мусульманского войска ¹⁷. Завоеванию Сасанидского государства посвящена большая глава в исследовании арабского ученого Ну'мана Абд ал-Мута'ал ал-Кади. Краткое изложение военных походов дается по Табари, другие источники почти не привлекаются. Ценным для нас здесь является то, что автор пытается определить начало и последовательность завоеваний на востоке и разделяет их на три этапа ¹⁸.

Книгу Дж. Б. Глабба «Великие арабские завоевания» ¹⁹ можно считать наиболее удачной работой по военной истории раннего Халифата. Хронологически она охватывает период от начала VII в. (более подробно с 630 г.) до 680 г., примерно половина книги посвящена изложению событий, связанных с покорением Ирана. Автор более тридцати лет находился на военной службе на Ближнем Востоке, ему удалось пройти основными маршрутами походов арабских войск в первой половине VII в. Особенностью книги является то, что она написана военным специалистом и поэтому в ней нашли наибольшее освещение проблемы организации войск, вопросы тактики и стратегии. Средневековые источники Глабб использовал, по-видимому, в переводах, но чаще черпал сведения по военной истории из монографий европейских авторов

(ни на те, ни на другие он не ссылается, за редким исключением). Автор полностью уверен в том, что средневековые историки, писавшие о войне, были мирными городскими жителями, далекими от бедуинов и пустыни и мало представлявшими себе то, о чем они пишут. Поэтому он сосредоточил свое внимание на вопросах, мало разработанных мусульманской историографией. Сведения об эпохе раннего ислама автор дополнил знанием быта, психологии современных кочевников и исторической топографии района, где в VII в. имели место сражения мусульман с иноверцами. Это позволило ему создать увлекательный рассказ об эпохе, отстоящей от нас на тринадцать с половиной столетий. Слабыми местами книги Дж. Б. Глабба являются излишняя уверенность в суждениях, пренебрежение источниками, переоценка субъективного фактора (психологии), вряд ли оправданные современные параллели событиям раннего Халифата.

Наряду с монографиями на тему арабских завоеваний в Иране существует ряд статей, посвященных отдельным этапам или отдельным ярким эпизодам военно-политической истории²⁰. В них на основании глубокого анализа источников дается оценка исторического факта.

Мусульманских завоеваний в Иране касались в сводных работах по арабской истории, ставших учебными пособиями, К. Юар, Ф. Хитти, К. Брокельман²¹, но у них этой теме отведено незначительное место.

* * *

Параллельно с изучением военно-политической истории Арабского халифата в XIX в. известное внимание уделялось проблеме социально-экономических и культурных отношений, хотя в то время первая тема оставалась ведущей. Исследователей интересовали прежде всего вопросы земельной собственности, землепользования и налогообложения в завоеванных арабами странах, тем более что характер источников, вводимых в научный обиход, давал возможность проследить эволюцию различных институтов на протяжении столетий. Проблем земельного права в Халифате касались Сильвестр де Саси, Хаммер-Пургшталь, Вормс, Белан, Торнау и др. С учетом их исследований была написана небольшая, но содержательная монография М. Берцема о собственности на землю и поземельном

налоге при первых халифах, которая как бы подводила итог предыдущим изысканиям ²². В конце книги приложен фрагмент о харадже из сочинения Маверди. Кроме трудов европейских авторов XIX в. М. Бершем использовал книги о харадже Кудамы ибн Джа'фара, Йахьи ибн Адама и Абу Йусуфа.

В двухтомном труде А. Кремера по истории культуры ислама ²³ предметом исследования стали также вопросы государственного управления, финансов и права.

Ценный материал по экономике, администрации и социальным отношениям собран в многолетней работе П. Шварца, объединенной общим названием «Иран в средние века по данным арабских географов» ²⁴. Интерес автора выходил далеко за пределы собственно географических штудий, и наряду со сведениями о природных условиях, границах и административном делении Ирана он сообщает любопытные факты о населении, торговле и ремеслах, об управлении провинциями и налогообложении. Собранные воедино сведения арабских и арабоязычных географов о различных сторонах жизни иранского общества оказывают неоценимую услугу исследователю восточных областей Халифата.

Проблема налогообложения в раннем исламе получила дальнейшее развитие в трудах Ю. Вельхаузена, К. Беккера, Л. Каэтани, а позже — в работах Д. Деннета, Г. Локкегарда, А. Фатталя и других исследователей ²⁵. В этой проблематике выделялось два направления: «критической» школы, представленное штудиями Ю. Вельхаузена и его современников, и «умеренной» школы, наиболее четко сформулированное в работе Д. Деннета. В основе разногласия между представителями этих направлений по многим частным вопросам (формы налогообложения, налоговый иммунитет, исполнители фискальных функций и др.) лежит разное отношение к источникам. Все исследования Ю. Вельхаузена проникнуты духом гиперкритицизма. В книге «Арабское государство и его падение» он обвинил историков-традиционалистов и юристов в фальсификации фактов, обнаружив у них расхождения по большинству вопросов. Эта фальсификация, считает Вельхаузен, объяснялась желанием авторов VIII—IX вв. отнести происхождение современных им институтов к периоду арабских завоеваний. Ю. Вельхаузен создал собственную концепцию организации фиска

в раннем Халифате, многие положения которой и сейчас представляются неоспоримыми. Взгляды Ю. Вельхаузена приняли и развили К. Беккер (применительно к истории Египта) и Л. Каэтани, с большой придирчивостью относившийся к сообщениям средневековых авторов.

Противопоставляя свои взгляды теории «критической» школы Ю. Вельхаузена, Д. Деннет заявляет, что к проблеме налоговой политики в раннем исламе он подходит с позиции историка. Налоговая система интересует его не столько сама по себе, сколько ее политические и экономические аспекты²⁶. Уязвимой частью теории Ю. Вельхаузена он считает чрезмерную формализацию: пользуясь источником, представители «критической» школы отбрасывали все, что казалось им противоречивым, выходило за рамки концепции; в попытках создать стройную систему налогообложения они не учитывали всего многообразия местных особенностей, которые выступали в сочинениях мусульманских историков и юристов. Д. Деннет, реабилитируя авторов книг о харадже, доказывает, что их информация о налоговой системе в Саваде (Ираке) наиболее надежна и что положение в других провинциях Халифата было иным, чем в нижнем Междуречье²⁷. Определяя свое отношение к полемике «критической» школы вокруг налоговой терминологии, он уверен, что здесь проблема не столько филологическая, сколько историческая и важно не то, каким термином обозначался тот или иной налог, а его реальное содержание.

Точку зрения Д. Деннета относительно разнообразия местных условий развил А. Фатталъ. В его работе «Правовой статус немусульман в странах ислама» имеется пространственный экскурс в историю фиска Византии и сасанидского Ирана, отмечаются особенности, характерные для налоговой практики Аравии, Ирака, Месопотамии, Сирии, Египта и других территорий Арабского халифата²⁸.

В списке литературы по социально-экономическим отношениям особняком стоит небольшая работа М. Х. Фатеха «Налогообложение в Иране»²⁹. Она представляет собой конспективное изложение податных систем в Иране на протяжении длительного периода его истории: от Ахеменидов и до монгольского завоевания в начале XIII в. Несколько подробнее автор останавливается на податях, существовавших при Сасанидах и в послесасанидское время.

Монография А. К. С. Лэмбтон «Лендлорд и крестьянин в Иране» по структуре напоминает работу М. Х. Фатеха, но посвящена более широкой теме ³⁰. Предметом исследования является современное состояние двух основных классов общества и исторические факторы, обусловившие его. В книге предпринята попытка дать историю землевладения (land tenure) и организации поземельных налогов в Иране в мусульманскую эпоху до провозглашения конституции 1906 г. Анализ разновременных и разнохарактерных источников, а также личные наблюдения автора дали ей возможность сделать вывод о том, что «поведение землевладельцев в отношении крестьян, хотя и модифицированное условиями двадцатого столетия, во многом напоминает поведение землевладельцев более ранних времен» ³¹. В главе, посвященной арабским завоеваниям в Иране, дается схема общественных отношений в Иране от появления там арийских племен до падения державы Сасанидов. Элементы феодализма в западной части державы, в Месопотамии, автор видит уже у предшественников Ахеменидов. По ее мнению, полного развития доисламский феодализм достиг при Парфиянах и был унаследован Сасанидами. Она видит преемственность между податной системой Хосрова I Ануширвана и практикой налогообложения, существовавшей при первых халифах. Относительную легкость и быстроту арабских завоеваний на востоке А. К. С. Лэмбтон объясняет в значительной степени социальными причинами ³².

Мусульманскому обществу в Иране А. К. С. Лэмбтон посвятила специальную брошюру ³³. В ней проводится мысль о том, что идеальное общество, какое представляли себе средневековые философы ислама, должно быть обязательно иерархическим. В их воззрениях на общество она видела сильное иранское влияние. Доказательством тому, по ее мнению, являются схемы, отдаленно напоминающие сословное деление иранского общества при Сасанидах. Но поскольку в исламе теоретически все члены общества равны, то здесь различие по рангам уступает место функциональному различию. В работе заслуживает внимания и социологический анализ терминов, обозначающих различных должностных лиц.

В отечественной русской и советской востоковедной литературе проблем социально-экономических отношений в раннем исламе вообще и в послесасанидском Иране

в частности касались В. В. Бартольд, Б. П. Заходер, И. П. Петрушевский, А. Ю. Якубовский, Е. А. Беляев, Л. И. Надирадзе и другие исследователи³⁴. В трактовке ряда вопросов, относящихся к развитию феодализма в Арабском халифате (проблемы генезиса феодализма, его институтов, рабства в Халифате, собственности на землю и пр.), между советскими историками существуют разные точки зрения. Но, за небольшим исключением (работы Л. И. Надирадзе, Е. А. Беляева), их полемика касается периода, лежащего за пределами настоящего исследования.

В литературе по раннему исламу давно оформилось направление исследования, сконцентрировавшее свои усилия на проблеме взаимоотношения ислама с другими религиями. При этом вопрос ставился шире: не просто отношения победителей и побежденных, отношения, базировавшиеся на экономической поддержке мусульманской общины посредством уплаты налогов и дани, а правовой статус немусульман в странах ислама вообще в совокупности их личных, семейных, экономических, гражданских, политических и конфессиональных прав. Мусульманские и христианские источники содержат богатую информацию по этой проблеме, часто противоречивую, но всегда заслуживающую внимания. Ввиду неисчерпаемости темы исследователи, как правило, ограничивали изыскания временными, географическими, конфессиональными рамками. Первые исследования такого рода носят обзорный характер³⁵ и несколько устарели. Более ценными представляются работы, ориентированные на эпоху пророка Мухаммеда и первых халифов и раскрывающие этап становления взаимоотношений мусульман с иноверцами³⁶. К последним примыкает уже упоминавшаяся книга А. Фатталя, хронологические рамки исследования которой хотя и шире, но в ней значительное внимание уделено анализу материалов, относящихся к периоду арабских завоеваний.

* * *

Исследования, о которых говорилось выше, излагают историю арабов и Арабского халифата в широких хронологических и территориальных рамках. Как всякие сочинения такого рода, они отличаются масштабностью изображения и позволяют выявить общие закономерности

в политической, экономической и культурной жизни общества. Введение в научный оборот новых источников позволяет вносить коррективы в уже сложившиеся представления.

В работах по истории ислама не все периоды получили одинаковое освещение. К наименее изученным относится и период раннего ислама — этап формирования единой мусульманской общности на обширных пространствах Ближнего Востока и Северной Африки. Что касается истории Сасанидского государства в последние десятилетия его существования, когда оно вошло в состав Халифата в середине VII в., то из этих работ мы получаем лишь общее представление о подчинении Ирана, о последовательности завоевания его городов и провинций. В исследованиях сформулированы и основные причины, способствовавшие успеху арабов: экономическое истощение Ирана, обострение социальных противоречий внутри страны, междоусобицы феодальных правителей. Эти общие выводы в равной мере справедливы и для бывших владений Византии, в которых утвердилось господство ислама. Для суждения об эпохе сегодня уже недостаточно этих выводов, изложенных иногда в тезисной форме.

В сложном процессе экспансии ислама за пределы Аравийского полуострова многие важные явления еще требуют своего объяснения. Вряд ли можно усомниться в том, что наряду с общими признаками, характерными для арабских завоеваний всего Ближнего Востока, существовало и то особенное, что отличало покорение Сирии и Египта от областей Сасанидского государства. На нынешнем этапе развития науки не менее существенно учитывать местные (локальные) и временные особенности, которые в общих работах по исламу не нашли достаточного отражения. Именно поэтому, как кажется, в XX в. больше внимания уделяется изучению региональных историй. Этому способствовало расширение круга источников, вводимых в научный оборот. Но и в региональных историях, рассматриваемых в широком хронологическом диапазоне, исследователи чаще всего не задерживаются на периоде арабских завоеваний и довольствуются той информацией, которую они почерпнули из книг Г. Вейля, Г. Флюгеля, В. Мьюира. Это особенно заметно, когда мы обращаемся к Ирану времени «справедливых» халифов.

В свете изложенного выше обращение к истории Ирана в период завоевания его арабами представляет несомненный интерес. В истории Сасанидского государства 30—50-е годы VII в. были переломными. Арабские завоевания ускорили крушение некогда могущественной Сасанидской державы. В Иране это вылилось не только в смену царствующей династии; падение Сасанидов знаменовало упадок иранской государственности, который подготавливался столетиями внутренней жизни общества. Включение территории сасанидского Ирана в состав обширного Арабского халифата заложило основы особых взаимоотношений между арабами и покоренными народами, между мусульманами и приверженцами древних религий, которые в раннем Халифате составляли еще большинство населения.

Короткая эпоха⁴ «справедных» халифов интересна не только с точки зрения военно-политической истории. Она примечательна и тем, что многие решения мусульманской администрации того времени по экономическим, социальным и религиозным вопросам стали нормой жизни общества в последующие столетия.

Специфику арабских завоеваний в Иране невозможно обнаружить без активного привлечения всех доступных письменных источников: мусульманских и христианских хроник, географических, юридических и иных сочинений. В них картина многочисленных военных походов и связанных с ними социальных явлений предстает во всем ее многообразии. Это позволяет не только глубже понять события военно-политической истории в рассматриваемую эпоху, но и выделить информацию, которая авторам средневековых хроник могла показаться второстепенной (несущественной), а для современного исследователя, обратившегося к теме взаимоотношений завоевателей и покоренного населения, представляет исключительный интерес.

Обилие и разнородность привлеченного материала, необходимость дать хотя бы краткую оценку каждому из использованных сочинений в русле затронутых проблем позволили посвятить первый раздел настоящей работы характеристике источников.

Второй раздел книги целиком посвящен военно-политической истории периода. В нем путем сопоставления параллельных и противоречивых версий повествования,

которыми изобилуют средневековые хроники, делается попытка воссоздать логическую цепь событий. Отдавая себе отчет в том, что завоевания арабов на востоке продолжались и при Омейядах, мы тем не менее ограничили рамки исследования временем «праведных» халифов с небольшими экскурсами в предысторию событий и в эпоху Омейядов. Мы почти не касаемся здесь фактов, связанных с покорением областей Закавказья, входивших ранее в зону политического господства Сасанидов, ибо об этом уже написаны монографии А. Н. Тер-Гевондяна и З. Бунятова. Области Средней Азии интересуют нас постольку, поскольку там погиб последний державный представитель рода Сасанидов.

В третьем разделе книги предметом исследования является совокупность отношений между мусульманами и покоренным населением, сложившихся и оформившихся в то смутное время.

* * *

1. Все имена собственные, топонимы и этнонимы обозначаются в тексте русской транскрипцией без знаков долготы и диакритики, но с обязательным фиксированием «айна» (‘) и «хамзы» (’) в середине слова. Ряд имен и географических названий дается в их традиционном написании: Мухаммед (вм. Мухаммад), Омар (вм. Умар), Осман (вм. Усман), Шатт-эль-Араб (вм. Шатт ал-Араб), Герат (вм. Харат) и т. д. В исключительных случаях арабская графика сохранена в примечаниях.

2. Поскольку в языках, пользующихся арабской графикой, существуют различные системы передачи относительных имен, нисб (в арабских текстах эти имена обязательно пишутся с артиклем ал-, а в персидских те же имена пишутся без артикля), то мы в целях единообразия приняли написание их в начальной позиции без артикля, а в связной позиции в многосоставных именах — с артиклем (например, Табари, Истахри, но Абу Ханифа ад-Динавари, Ибн А’сам ал-Куфи).

3. Немногочисленные среднеперсидские термины традиционно даются в латинской транскрипции.

ИСТОЧНИКИ

Существует обширный круг источников, характеризующих обстановку в Иране времени арабских завоеваний. Они включают как нарративные сочинения, так и памятники материальной культуры (в данной работе используется только позднесасанидская и арабо-сасанидская нумизматика). Подавляющую часть сведений дают письменные источники, среди которых можно выделить множество подгрупп в зависимости от характера информации («всемирные хроники», сочинения по военной истории, книги о харадже, региональные истории, географические сочинения), времени составления (источники, современные событиям, и более поздние), вероисповедания авторов (христиане, мусульмане, зороастрийцы), языка памятников (сирийский, арабский, среднеперсидский, новоперсидский).

В обзоре источников мы сочли целесообразным разделить их на несколько больших групп, которые в значительной мере отражают специфику систематизации по перечисленным выше признакам:

- а) христианские, преимущественно сироязычные, сочинения (VII—XII вв.);
- б) мусульманские хроники и книги о завоеваниях (IX—XI вв.) и их персидские переводы и переработки;
- в) местные хроники;
- г) книги о харадже — арабоязычные сочинения VIII—X вв.;
- д) географические труды мусульманских авторов в большинстве иранского происхождения (IX—XI вв.) с пространными экскурсами в историю, этнографию и историческую географию отдельных регионов;
- е) «Шах-наме».

Особую группу составляют памятники материальной культуры, из которых для настоящего исследования наиболее ценны нумизматика и эпиграфика.

Каждая из названных групп содержит специфическую информацию, ограничена своими хронологическими рамками, принадлежит определенной культурной общности со своими традициями, литературным языком, религией. Собранные вместе источники помогают восстановить события, имевшие место в Иране в VII в., в пору потери государством политической независимости.

Более подробно мы анализируем сочинения, богатые фактическими данными и обнаруживающие оригинальный подход к освещению событий.

Сочинения христианских авторов

В эту группу источников включены труды сирийских писателей, сохранившиеся либо в оригинальной сирийской редакции, либо переработанные и переведенные на арабский язык. Поскольку они принадлежат одной культурной среде, объединение разноязычных версий в одну группу сделано по конфессиональному признаку.

«Анонимная сирийская хроника VII в.». Составлена во второй половине VII в., повествует о светских и религиозных событиях, имевших место в Сасанидском государстве в конце VI—первой половине VII в. Политическая история державы Сасанидов излагается в ней на фоне ожесточенных споров враждующих между собой течений христианской церкви. Источник, довольно немногословный при описании большинства исторических фактов, подробно останавливается на завоевании арабами городов Хузистана — Шуша и Шуштре, сообщая ценные сведения, которые отсутствуют в мусульманских хрониках. Автором этого сочинения был клирик-несторианин ¹.

«Хроника Сеерта», или *«Несторианская история»*, — несторианское сочинение, сохранившееся в арабоязычной редакции. Автор неизвестен. Хроника издавалась в первой четверти XX в. сирийским архиепископом округа Сеерт в Курдистане А. Шером по рукописи сирийской патриаршей библиотеки в Мосуле и рукописи епископской библиотеки в Сеерте ². Издатель пришел к выводу о том,

что мосульская рукопись представляет собой первую, а сеертская — вторую часть одного сочинения, несторианскую хронику, написанную не ранее IX в. Рукопись датируется XIII в., арабский текст имеет множество отклонений от традиционной орфографии.

Основное содержание «Хроники Сеерта» составляет церковная история, в которой судьбы несториан рассматриваются на фоне истории Византии, арабов, сасанидского Ирана. В дошедшем до нас виде сочинение не имеет начала и конца. Хронологические рамки событий в сохранившейся части охватывают период от царствования императора Валериана и до конца VII в., а указание на копию договора Мухаммеда, обнаруженную в 265 г. х./878-79 г., свидетельствует о том, что хроника могла быть составлена не ранее конца IX в. Военная история арабских завоеваний интересует автора лишь в той мере, в какой она имеет отношение к участи несторианского населения. В то же время автор со знанием дела освещает положение несторианской церкви при последних Сасанидах и первых халифах. Начальный период завоеваний изображается им как время бед и испытаний для христиан; впоследствии их положение меняется в зависимости от фискальной и религиозной политики арабской администрации. В хронике достаточно широко освещается деятельность христианских миссионеров среди язычников неарабов, рассказывается о строительстве новых монастырей, приводятся тексты договоров Мухаммеда и Омара ибн ал-Хаттаба с руководителями христианской общины, в которых регламентируются основные права и обязанности христиан при новой администрации. Проблема подлинности договоров — вопрос, требующий специального изучения, однако содержание документов в целом представляется правдоподобным. «Несторианская история» содержит ряд оригинальных сведений, отсутствующих в мусульманских хрониках.

Агапий Менбиджский. «Всеобщая история». Сочинение епископа из Менбиджа Агапия (середина X в.) было издано в Европе по четырем рукописям А. А. Васильевым в 1910—1912 гг.³

Труд Агапия состоит из двух частей. В первой дается изложение событий от сотворения мира до появления Христа, вторая включает историю раннего христианства, историю Византии и Арабского халифата до перехода

власти от Омейядов к Аббасидам. Точнее, ее можно охарактеризовать как конспект церковно-политической истории Рима-Византии и соседних с ними государств. События в Иране при Йездигерде III включены автором в раздел истории арабов. Из того, что написано у него о военных действиях в Сасанидской державе, оригинальных сведений мало, если не считать дополнения к версиям о гибели Йездигерда III. При датировке событий Агапий пользуется разными летосчислениями: по хиджре и селевкидской эре, по годам правления императора, шаханшаха или халифа. Агапий, как правило, не называет своих источников, но есть указания на то, что в основе его сочинения лежали труды более ранних греческих и сирийских авторов, в частности Феофила Эдесского, писавшего в VIII в. ⁴.

Михаил Сириец. «Хроника». «Хроника» Михаила Сирийца, выдающегося религиозного деятеля и писателя второй половины XII в. ⁵, сохранилась как в оригинальном сирийском варианте, так и выполненных с него переводах на армянский и арабский языки. Сирийский текст с французским переводом был издан на рубеже XIX—XX вв. ⁶. По содержанию «Хроника» представляет синхронистический свод сведений по церковной и гражданской истории Византии и сопредельных стран. Факты церковной истории и истории Византии освещаются с большей полнотой и компетентностью, чем события, имевшие место в соседних государствах. Здесь Михаил Сириец целиком зависит от своих источников, избегая говорить больше, чем в них содержится. Отсюда и конспективность изложения, и противоречивость отдельных версий, и отмеченная исследователями неточность датировок некоторых событий.

Для нас особенно интересна одиннадцатая из двадцати одной книги «Хроники», посвященная периоду с 611 по 776 г., в который произошло образование Арабского халифата. Военно-политическая история завоевания Ирана у Михаила Сирийца отсутствует; вместо нее дается перечень отдельных событий, которые автор считает определяющими: борьба группировок высшей знати за шаханшахский престол, первые вторжения арабов, отступление иранцев, убийство Йездигерда III в Мерве и отправка короны «царя царей» в храм Ка'бу. Любопытно упоминание о Хормизде как одном из претендентов на корону

шаханшаха, сопернике Йездигерда сына Шахрийара. Заслуживают также внимания сведения о фискальной политике халифа Омара ибн ал-Хаттаба в отношении христиан, об участии христианского населения накануне и в первые годы завоеваний, рассказ об иранце, сражавшемся на стороне Византии, а затем предложившем свои услуги арабам, и другая информация.

Григорий Бар Эбрэй. «Сирийская хроника». «Сирийская хроника» написана во второй половине XIII в., издана в конце XIX в.⁷ Сочинение посвящено светской истории. В предисловии к своему труду автор сообщает о том, что он заполнил лакуны, имеющиеся в других сочинениях, но Р. Дюваль в обзоре сирийской литературы считает хронику Бар Эбрэя сокращенным вариантом «Хроники» Миханла Сирийца⁸. Для нашего периода такое заключение полностью верно. Историю позднесасанидского Ирана Бар Эбрэй рассматривает как часть истории арабов. Об арабских завоеваниях говорится в главах о «справедливых» халифах Омаре ибн ал-Хаттабе и Османе ибн Аффане.

*«Анонимная сирийская хроника 1234 г.»*⁹. В главах, посвященных событиям периода арабских завоеваний, сочинение во многом повторяет «Хронику» Михаила Сирийца и новых сведений почти не сообщает. Но более развернутое изложение фактов в Анонимной хронике дает возможность точнее оценивать отдельные события. Здесь, как нам кажется, гражданская история расширена за счет сокращения церковной.

*«История несторианских патриархов»*¹⁰. Анонимное сочинение, написанное по-арабски, сохранилось в двух сборных арабо-сирийских рукописях конца XIX в. Оно представляет собой очень краткую историю несторианских патриархов, стоявших во главе несторианской церкви до середины XVIII в. Имена патриархов и названия ряда населенных пунктов приведены в сирийской транскрипции, события датируются по селевкидской эре. Деятельность патриархов первой половины VII в. привязывается ко времени царствования шаханшаха, императора или халифа. Имеется указание на договор Ишо'яба II от лица христиан с пророком Мухаммедом.

Значение трудов христианских писателей для изучения периода арабских завоеваний в Иране VII в. состоит в том, что они дополняют сочинения мусульманских авторов уникальными фактами и с иных позиций оценивают

положение христианского населения в рассматриваемый период. Без них сделать ряд важных выводов было бы невозможно.

Мусульманские хроники и сочинения по истории завоеваний

Эта группа источников наиболее значительна как в количественном отношении, так и по обилию собранного в них материала. Большинство сочинений написано в IX—XI вв. Отображенные в них события VII в. восходят к рассказам мусульман — участников завоевательных походов через традицию устной передачи. В VIII в. их рассказы были уже литературно обработаны и записаны, но труды первых писателей-традиционалистов (Сайф ибн Омар, Вакиди, Мадаини и др.) до нас не дошли; они послужили исходным материалом для историков последующих поколений.

В этой главе мы сначала охарактеризуем сочинения, выделенные историками в разряд трудов по всеобщей истории, а затем книги о завоеваниях.

Йа'куби. «История». Первая часть сочинения посвящена доисламскому периоду и представляет собой краткое изложение всеобщей истории, вторая является историей Халифата. Она начинается рассказом о рождении пророка Мухаммеда и доводится до последней трети IX в., т. е. до современных автору событий¹¹.

История завоеваний в Иране в первой половине VII в. изложена в главах, посвященных первым четырем халифам. Дата избрания каждого халифа сопоставляется у него с расположением планет относительно знаков зодиака, что свидетельствует не только об увлечении Йа'куби астрологией, но и о надежности его данных по хронологии. В каждой главе дается краткое описание внутривластной деятельности халифа и совершенных в период его правления походов, а также сообщаются сведения о размерах дани или поземельного налога с населения покоренных провинций. Глава завершается рассказом об обстоятельствах смерти халифа, списком его наместников и других прославившихся современников.

Шиитская позиция Йа'куби, которая в свое время была отмечена исследователями¹², внешне проявляется

в том, что имена халифов Абу Бакра, Омара и Османа приводятся без соответствующей титулатуры. На освещение мусульманских завоеваний при Йездигерде III шиитская позиция автора не оказывает влияния. Факты военной истории Йа'куби излагает лаконично, без описания многочисленных поединков между героями. Там, где он считает нужным или возможным, автор сообщает об условиях договоров мусульман с местным населением, касается административно-хозяйственной деятельности наместников халифа в провинциях.

Йа'куби очень редко называет свои источники и почти никогда не дает параллельных версий событий (немногочисленные исключения сделаны им для датировки). Несмотря на краткость изложения, в его труде встречаются сведения, дополняющие информацию современных ему писателей или дающие иное истолкование известным историческим фактам.

Динавари. «Книга длинных известий»¹³. Описывая эпоху арабских завоеваний, автор IX в. Динавари пользуется в основном теми же источниками, что и его современники, но без ссылок на информаторов. Из множества версий он выбирает одну и дополняет ее массой интересных подробностей. Все события излагаются у него без вариантов, и часто приводятся данные, отсутствующие у других историков. Не исключено, что он приводил рассказы передатчиков без сокращений. Но в той же мере можно допустить и литературную обработку полученной им информации. В сущности, военная история мусульманских завоеваний в Иране сводится у Динавари к описанию наиболее ярких сражений (так, битве при Кадисии отводится пять страниц текста, в то время как о других, не менее важных событиях говорится вскользь, им посвящается всего несколько строк).

Раздел завоеваний автор завершает рассказом о гибели Йездигерда III. «На этом, — заключает он, — прекратилось царство персов; сейчас, когда они ищут свою историю, они датируют по нему»¹⁴. Эта фраза свидетельствует о знакомстве Динавари с иранской литературной традицией.

И в мусульманской истории автора занимают главным образом события, происходившие в Иране; о событиях в Сирии и Египте, даже очень значительных, он упоминает от случая к случаю. Это относится как к повество-

ванию о военных походах мусульман на восток, так и к изображению распрей в Арабском халифате при Али ибн Абу Талибе. Сказанное выше свидетельствует в пользу мнения И. Ю. Крачковского об иранском происхождении Динавари.

Давая описание событий в хронологической последовательности, автор редко называет даты. По той же причине, очевидно, он не располагает материалом по годам хиджры. Сочинение Динавари насыщено множеством имен, географических названий и цифровых данных, что имеет значение для сопоставления их с данными других источников.

Наряду с фактами военно-политической истории завоеваний в труде Динавари встречаются сведения социально-экономического характера, хотя их значительно меньше, чем в сочинении его современника Балазури.

*Табари. «История пророков и царей»*¹⁵. Значение летописи Табари, выдающегося ученого-историка второй половины IX—первой четверти X в., для изучения истории первых трех веков мусульманского мира невозможно переоценить. Об этом свидетельствуют как неоднократное использование его труда в качестве основного источника средневековыми авторами, так и усиленный интерес к его творчеству, проявляемый ориенталистами на протяжении последних ста лет. Компильтивный характер сочинения, сохранившего все доступные Табари версии событий, дает возможность наглядно представить многообразие традиций устных передатчиков информации и на основании этого определить направления критики первоисточников. Табари был последним в ряду историков-традиционалистов, которые тщательно перечисляли поколения информаторов и особо заботились о полноте иснадов, предоставляя возможность самим читателям разбираться в противоречивых версиях.

В то же время акцентирование на компильтивности произведения в значительной степени затуманивает творческий подход автора к исходному материалу. Табари не ограничивается простым заимствованием фактов из более ранних сочинений. Уже в начале XX в. благодаря исследованиям Н. А. Медникова и Ю. Вельхаузен¹⁶ стало известно о том, что Табари пользовался источниками довольно оригинально, выделяя в каждом из разделов своей «Истории» одного автора или же целую группу,

которым он доверял больше; по выражению Н. А. Медникова, «выбирал себе руководителя». То отдает он предпочтение Мухаммеду ибн Исхаку, то Ибн Са'ду, то Вакиди, то Сайфу ибн Омару. Предпочтительную, со своей точки зрения, версию события Табари чаще приводит в начале рассказа и затем кратко упоминает о других версиях, воздерживаясь от категорических заключений.

Для соединения различных версий между собой Табари обычно прибегает к сравнениям вроде: «Сказал Абу Джа'фар, но его рассказ относительно Обоиллы и ее завоевании противоречит тому, что...»¹⁷; «...что же касается Ибн Исхака, истинно, он рассказал о Джарире, Арфадже, Мусанне и убийстве Мусанной Михрана не то, что рассказал о них Сайф»¹⁸ и т. п.

Основным источником Табари в той части летописи, которая повествует о времени правления первых четырех халифов, был Сайф ибн Омар ал-Асади ат-Тамими, арабский историк из Куфы, написавший две книги, одна из которых, «Большая книга о завоеваниях и отступничестве»¹⁹, целиком посвящена военно-политической истории завоеваний. Его труд не сохранился; о содержании сочинения Сайфа можно судить по тем многочисленным рассказам, которые полностью или в сокращении помещены у Табари. Примерные даты рождения и смерти Сайфа ибн Омара — 720—800 гг.

С сочинением Сайфа Табари был знаком как по копии, выполненной Сари²⁰, который сам пользовался списком Шу'айба, так и в изложении Убайдаллаха²¹. Отступления вроде «...а Сайф сказал...» или «Возвращение к изложению Сайфа...» все же не позволяют допустить, что Табари, которого от Сайфа отделяли три поколения, пользовался источником в оригинале. И если в повествовании о событиях в Иране Табари иногда опускает имена Сари и Шу'айба, он делает это из-за экономии места и времени и, таким образом, отступает от своего первоначального намерения давать все иснады полностью.

Из современников Табари, писателей IX—X вв., одни считали Сайфа ненадежным, другие не советовали им пользоваться, третьи привлекали его в качестве источника, хотя и не так часто, как Табари²². Европейские исследователи второй половины XIX—начала XX в. Ю. Вельхаузен и Л. Каэтани относились к сведениям этого историка скептически. Н. А. Медников посвятил Сайфу специальную

статью и многие страницы в большом труде о Палестине, но ограничил круг своих изысканий установлением примерных дат рождения и смерти автора, его религиозной принадлежности, места деятельности и круга его источников. В 30-х годах XX в. К. Брокельман на основании выводов Ю. Вельхаузена и Л. Каэтани охарактеризовал сочинения Сайфа как «в высшей степени некритические и фантастические»²³. В сводной работе Ф. Сеггина об арабской письменности подчеркивается важность трудов Сайфа ибн Омара для изучения истории арабских завоеваний²⁴.

Наиболее пристрастными оппонентами Сайфа оказались авторы второго и третьего поколений, современники Табари; более поздние, по-видимому, руководствовались оценкой своих предшественников. Важной, но едва ли единственной причиной негативного отношения к Сайфу ибн Омару была ненадежность четырех (из нескольких десятков) его информаторов²⁵. Н. А. Медников мотивы пренебрежения автором усматривает и в идеологической концепции писателя. Куфиец Сайф был, очевидно, шиитом и своей деятельностью способствовал укреплению позиции алидов в Ираке. Теме прославления халифа Али была посвящена его «Книга о Дне верблюда и походе Айши и Али». Вероятно, он принимал участие в спорах законов-едов и богословов. Его первым противником оказался ханбалит Абу Дауд²⁶.

Критика Сайфа европейскими учеными включает следующие положения: расхождение хронологии Сайфа с датировкой событий представителями хиджазской школы историографии, противоречия в работе Сайфа, апология тамимитов.

Возражения оппонентов Сайфа сами заслуживают критического разбора. Шиитская позиция Сайфа не могла повлиять на изложение автором событий, связанных с завоеванием Сирии и Ирана и происходивших до идеологического раскола в исламе. И в остальных случаях не обнаруживается явного шиитского пристрастия автора.

Средневековые историки-традиционалисты считали надежными четверых информаторов Сайфа ибн Омара: Муджалида, Абдалмалика ибн Умайра, Джабира ибн Йазида и Мубарака ибн Фадла. На трех последних Сайф ссылается редко. Муджалида ибн Са'ида (ум. в 144 г. х./761 г.) он цитирует довольно часто, но либо с дальнейшей ссылкой на Ша'би (ум. в 103 г. х./721 г. или

105 г. х./723 г.), которого традиционалисты относили к разряду постоянных ученых ²⁷, либо в группе с другими передатчиками, современниками Муджалида, значительно увеличивая тем самым степень достоверности передаваемой информации.

Ю. Вельхаузен и Л. Каэтани отмечают анахронизмы в тех частях «Истории» Табари, которые написаны на материале сочинения Сайфа ибн Омара. Хронологию событий военной истории у традиционалистов хиджазской (мединской) школы можно было бы считать более достоверной, чем хронологию куфийцев, если бы она подкреплялась данными христианских авторов. Между тем, даже когда христианские хроники и сообщают кое-какие даты о событиях, связанных с завоеванием Сирии, contemporaneous им события в Иране они либо вовсе не датируют, либо датируют крайне редко из-за предельно конспективного изложения фактов военно-политической истории.

Для Сайфа ибн Омара и его информаторов закономерно смещение в хронологии событий: многое из того, что происходило в Сирии или Иране, он датирует годом двумя раньше, чем хиджазцы. Табари, со своей стороны, тоже вносит свою лепту в споры о датировке: разновременные версии он помещает под определенным годом хиджры, косвенно выражая собственную точку зрения на время события. Разнобой в датировке, как нам кажется, можно объяснить разницей между устной традицией мединцев и куфийцев. У тех и других традиция устной передачи информации восходила в конечном счете к свидетельству очевидцев, принимавших участие в завоевательных походах. Участники сражений отлично могли передавать виденное и слышанное, время же каждого события устанавливалось только им одним известным способом. Летосчисление по хиджре было принято только в 638 г. и то для целей делопроизводства и официальной переписки. Источники указывают на одновременное использование в различных районах Аравии нескольких лунных летосчислений ²⁸, и трудно с уверенностью сказать, каким из них пользовались арабы, поселившиеся в Куфе. В последние годы предлагаются даже попытки исправления начала эры хиджры ²⁹. И при господстве Омейядов, как это убедительно показано на материале арабо-сасанидской нумизматики, на различных молетных дворах бывшей Сасанидской державы при датировке эмиссии использовали

по крайней мере три эры: эру Йездигерда III, последнейездигердскую (со времени гибели Йездигерда III) и эру хиджры, пока последняя не утвердилась окончательно на всей территории Халифата ³⁰.

Хронологические факты военной истории завоеваний у Сайфа опережают датировку передатчиков хиджазской школы, в то же время синхронные им события внутриполитической истории Ирана отстают у него от своего времени. Таким образом, начало завоевания Ирака (633 г.) автор приурочивает ко времени правления шаханшахов Кавада II Шируйе и Ардашира III (629—630 гг.), а события после Бувайба (636 г.) относит ко времени вступления на престол Йездигерда III (632 г.). Анахронизмы подобного рода встречаются не только у Табари, полагавшегося на Сайфа, но и у его современников (Балазури, Динавари, Йа'куби), хотя и в меньшей степени ³¹. Табари нередко выходит из этого затруднения, помещая по-разному датируемые версии в главах разных годов хиджры ³².

Апология тамимитов — одна из слабостей Сайфа ибн Омара как историка, однако часто она оправдывает себя логикой событий. Считают, например, абсурдным сообщение Сайфа о назначении тамимита Ка'ка ибн Амра помощником Халида ибн ал-Валида в его иракском походе на том основании, что тамимиты участвовали в «риdde» и до провозглашения халифом Омара бывших вероотступников не принимали в войско. При этом игнорируется замечание Абу Бакра о возможных исключениях из правила: «И пусть не воюет вместе с вами ни один из тех, кто отступил от веры, пока я не сочту нужным!» ³³. Таким исключением вполне могли быть и тамимиты. В данном случае Сайф черпает сведения у Ша'би, которого традиционалисты считают надежным источником. Сайф не только называет племя тамим, он тщательно перечисляет многие другие племена, принимавшие участие в иракских походах. Его сообщения на этот счет особенно наглядно отражают племенную нестроту мусульманского ополчения ³⁴.

Преувеличения Сайфа, когда речь идет о численности противостоящего мусульманам войска неприятеля или о числе убитых врагов, в одинаковой мере характерны и для представителей хиджазской школы, и на них вряд ли стоит останавливаться.

Проблема логических противоречий в сочинении является наиболее существенной из всех направлений кри-

тики Сайфа ибн Омара, хотя их не так уж много. И здесь, естественно, встает вопрос о ценности автора как историка. Знакомство с материалом дает возможность сделать вывод о том, что Сайф не меньше, чем кто-либо другой из его современников, выступает в роли компилятора. В таком случае не остается иного решения, как обратиться к его иснадам, проверить их полноту и выделить надежную информацию. Игнорирование Сайфа в том случае, когда он противоречит другим писателям, не может быть оправдано, ибо и в средневековье были историки, которые так же не доверяли Ибн Исхаку и Вакиди, как другие обличали во лжи Сайфа³⁵. Противопоставление двух школ историографии и не всегда верно: Сайф ссылался не только на передатчиков из Куфы, среди его информаторов встречаются и некуфийцы³⁶.

Хотя главным источником Табари при изложении истории завоеваний в Иране был Сайф ибн Омар, автор летописи неоднократно обращается к сведениям и таким известных писателей-традиционалистов, как Хишам ибн ал-Калби, Мадаини, Вакиди, Ибн Исхак и многие другие. Во всеобщей истории Табари мы находим массу имен, названий, интересных фактов. По богатству собранного материала она не имеет себе равных. Если другие мусульманские хроники в чем-то дополняют или уточняют труд Табари, то без него понять историю раннего Халифата невозможно.

Бал'ами. «История Табари». Во второй половине X в. Абу Али Мухаммед ибн Мухаммед Бал'ами, везир саманидского правителя Мансура ибн Нуха, осуществил сокращенный перевод летописи Табари на персидский язык. Произведение «персидского Табари» получило широкую известность на Ближнем и Среднем Востоке, было переведено на другие восточные языки. Более ста лет назад французским исследователем А. Зотанбером был выполнен перевод сочинения Бал'ами на французский язык³⁷. Переводчик пользовался при этом старейшими в Европе списками: парижским, готским, лондонским и кентерберийским.

Критического издания всего текста сочинения Бал'ами пока не существует, и исследователям приходится обращаться к рукописям разного времени и качества.

В рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР хранится семь списков

«Истории Табари» Бал'ами, самый ранний из которых датирован 972 г. х. / 1564 г.³⁸ В разделе мусульманской истории и, в частности, истории арабских завоеваний списки в целом повторяют друг друга. Имеется также ряд литографированных изданий труда Бал'ами. В нашей работе мы пользовались канцурской литографией 1896 г.

У Бал'ами больше, чем у других историков его времени, проявляется интерес к событиям, происходившим на территории Сасанидского государства. История «праведных» халифов воспроизводится у него на фоне больших и малых сражений мусульман с зороастрийцами в Междуречье, на Иранском нагорье, в прикаспийских провинциях и в Хорасане. Если события в Восточном халифате освещаются подробно, то о действиях арабских войск в Сирии и в Египте говорится вскользь.

Характеризуя деятельность Бал'ами как автора перевода-переработки многотомной хроники Табари, необходимо отметить следующее: как переводчик он взял за основу сочинение выдающегося историка-традиционалиста, как мусульманин сохранил в персидском тексте перевода многочисленные стихи из Корана, как редактор выбрал из первоисточника то, что представляло интерес для него и его покровителя, а дополнительные факты почерпнул из других доступных ему сочинений.

Повествуя о том или ином историческом факте, автор то следует за своим первоисточником (например, при описании военных действий в Месопотамии), то отходит от него, излагая события в самом общем виде или в несколько ином освещении. Такие отступления представляют собой отдельные попытки осмысления огромного фактического материала, собранного Табари в «Истории пророков и царей».

Хамза ал-Исфাহани. «Хронология царей земли и пророков»³⁹. Сочинение Хамзы ал-Исфাহани, написанное в 351 г. х. / 962 г., представляет собой систематизированную хронологию правящих династий, составленную на материале многих источников. Достаточно сказать, что в главе, посвященной доисламскому Ирану, автор использовал несколько версий «Хвадай намак»; повествуя об арабах, он называет среди своих источников Хишама ибн ал-Калби (в передаче Ваки ал-Кади), Маданни, Табари и других мусульманских авторов. В главе о римлянах и греках

встречаются ссылки на произведения античных писателей, с которыми Хамза был знаком по переводам и переработкам более поздних христианских авторов.

Хронологию событий в пределах одной царской династии (даты вступления на престол, продолжительность правления, войны и социальные потрясения) Хамза ал-Исфахани сверяет с синхронными событиями, происходившими в соседних странах. Симпатии автора к Ирану проявляются не только в размерах посвященной ему главы, но и в том, что в десятой главе, где речь идет о мусульманском мире вообще, значительное место занимают факты политической истории восточной части Халифата (например, рассказы о правителях Хорасана и Табаристана). Автор, прервав изложение событий, дает описание портретов сасанидских шахапшахов, которые он увидел в старинной иллюстрированной рукописи. Отстояв в полемике с другими авторами свою дату начала летосчисления по хиджре, Хамза дает краткую справку о длительности правления халифов, а затем как истый иранец приводит синхронистический список соответствия ноурузов датам лунной хиджры с начала летосчисления по 351 г.

К истории и хронологии последних Сасанидов Хамза ал-Исфахани обращается несколько раз: в главах I, VI, VIII и X своего сочинения⁴⁰. Особенно содержателен его рассказ о правлении шахапшаха Йездигерда III.

Ибн Мискавейх. «Книга об опытах народов»⁴¹. Известный арабоязычный философ и историк, иранец по происхождению, Ибн Мискавейх жил и творил на рубеже X—XI вв. Его историческое сочинение является хроникой, в которой повествование доведено до 369 г. х./979 г. Но в этой хронике материал не всегда распределяется по годам хиджры и почти полностью отсутствуют ссылки на источники. В отличие от своего предшественника Табари, ограничившегося возможно более полным сбором материала и расположением его в хронологическом порядке, Ибн Мискавейх поставил перед собой задачу создания такого сочинения, которое бы по своей структуре явилось изложением основных идей автора по вопросам истории и государственного управления⁴².

Заслуживает внимания обращение автора с источниками, из которых он черпал материал для своей книги. Все, что в древней истории кажется Ибн Мискавейху

сверхъестественным и легендарным, он опускает: полностью игнорирует рассказы о сотворении мира, первых пророках и библейские легенды, всю доисламскую часть книги он сводит к обзору истории Ирана с древнейших времен до падения Сасанидского государства. Касаясь доисламской истории Аравии, автор отмечает только те события, которые имеют прямую связь с Ираном ⁴³.

Повышенный интерес Ибн Мискавейха к истории государства Сасанидов был обусловлен, как отмечал Л. Каэтани, характером эпохи, в которую жил автор. Это было время расцвета могущества династии Буидов, ознаменовавшееся культурным возрождением Ирана и появлением литературы на новоперсидском языке. Сам автор в течение своей жизни занимал высокие посты при Буидах. Часть, посвященная истории завоеваний, — это пересказ наиболее ярких событий эпохи. Как отмечают исследователи, Ибн Мискавейха отличает от Табари большая категоричность суждений, что нашло отражение и в оценке им отдельных эпизодов арабских завоеваний в Иране.

Ибн ал-Асир. «Совершенная книга истории». Известный средневековый автор второй половины XII — первой половины XIII в. Ибн ал-Асир в числе других сочинений составил компилятивный труд по всеобщей истории — хронику событий от сотворения мира до 628 г. х.⁴⁴ Периоду арабских завоеваний посвящены второй и третий тома хроники, в которых повествование доведено до 60 г. х./680 г.⁴⁵

Охарактеризовать Ибн ал-Асира как историка можно, лишь сопоставив его сочинение с «Историей» Табари, хотя оно и появилось на три столетия позже. Необходимость сопоставления была вызвана тем обстоятельством, что в основу труда Ибн ал-Асира положена летопись Табари. Вместе с тем у него были известные отклонения от текста оригинала. Выявлению зависимости сочинения Ибн ал-Асира от Табари было посвящено специальное исследование К. Брокельмана ⁴⁶.

В результате филологического анализа К. Брокельману удалось показать, что в основной части работа Ибн ал-Асира представляет собой отредактированную переработку сочинения Табари. Автор основательно перестроил стиль изложения: отказался от бесчисленных сюжетных повторов, которые затемняли смысл повествования, ус-

транили многословие, вызванное обилием синонимов и сложных оборотов, заменил имена собственные местонаимениями и наоборот. Сокращение объема было достигнуто не только путем стилистической обработки первоисточника, но и в результате структурных изменений: отказ от иснадов и описания подробностей событий, крайне умеренное цитирование речей, посланий и стихов, отбрасывание сомнительных версий ⁴⁷.

Следует отметить и другую сторону редакторской деятельности Ибн ал-Асира: в целом следуя за Табари, он дает иногда иную хронологию событий и во многих случаях сообщает новые сведения. Фактические отклонения от первоисточника свидетельствуют об использовании автором дополнительных сочинений. В предисловии к своему труду Ибн ал-Асир пишет: «Я собрал в этой книге не только то, что собрано в книге одной» ⁴⁸. И далее: «Из всего написанного им (т. е. Табари. — А. К.) я взял то, что не искажает единого изложения. . . Покончив с ним, я обратился к другим известным историческим сочинениям, изучил их и дополнил оттуда написанное по „Истории. . .“ Табари тем, что в ней отсутствует» ⁴⁹. Эти дополнительные источники Ибн ал-Асир называет редко. К. Брокельману удалось установить имена семнадцати предшественников Ибн ал-Асира, труды которых автор использовал в различных главах своего сочинения: в их числе Шахристани, Ибн Исхак, Ибн ал-Калби, Хамза ал-Исфахани, Вакиди, Ибн Мискавейх и другие. Список его источников можно было бы пополнить десятками новых названий ⁵⁰.

Ибн ал-Асир не ограничился редактированием Табари, но как историк продолжил изложение событий еще на три века и довел до своего времени. От Табари автор сохранил деление повествования по годам хиджры. Распределение информации в пределах каждого года подчинено определенному правилу: крупным событиям посвящаются отдельные повествования, мелкие объединяются общим заголовком и выносятся в конец года. Характерными чертами Ибн ал-Асира являются умелый отбор фактов из обширного материала первоисточников, ясность изложения мысли и вспышки исторической интуиции ⁵¹.

Балазури. «Книга о завоеваниях стран» ⁵². Один из самых выдающихся арабских историков, Ахмад ибн

Йахйа ибн Джабир ал-Балазури, во второй половине IX в. среди прочих исторических сочинений написал «Книгу о завоеваниях стран», принесшую ему широкую известность. Труд Балазури начинается с описания войн пророка Мухаммеда, за ним следует изложение «ридды», которое сменяется историей завоевания мусульманами Сирии, Джазиры (верхнее Междуречье), Армении, Египта, Магриба (Северной Африки), Испании, Ирака и провинций сасанидского Ирана. Завоеванию каждого большого региона посвящается отдельная глава, в которой изложение материала дается в хронологической последовательности от первых походов мусульман до окончательного подчинения провинции. Автор не ограничивается изложением событий только военной истории, он пытается также объяснить явления, имевшие место в покоренной области с момента ее завоевания и до своего времени. Так, он делает существенные замечания о социальных и культурных явлениях эпохи: управлении покоренными территориями, налогообложении, государственных учреждениях, монетном деле и пр.

При изложении событий военно-политической истории Балазури предельно краток: касаясь того или иного сражения, он часто ограничивается одной-двумя фразами, простой констатацией факта. Возможно, именно это обстоятельство дало повод для суждения о том, что «Книга о завоеваниях стран» представляет собой сокращенную версию более объемистого труда⁵³. На краткость повествования мог повлиять и отмеченный Х. Гиббом выборочный метод цитирования источников, при котором опускались различные варианты преданий⁵⁴.

Особенностью Балазури является то, что он почти всегда указывает на характер подчинения территории, отмечает условия мирного договора, если подчинение было осуществлено не силой оружия. В его сочинении часто встречаются сведения, освещающие взаимоотношения мусульман и покоренного населения.

В труде об арабских завоеваниях Балазури использовал сочинения историков старшего поколения. Он учился у Мухаммеда ибн Са'да, Али ибн Мухаммеда ал-Мадаини⁵⁵. Кроме своих учителей он ссылается на Хусейна ибн Асвада ал-Куфи, Касима ибн Салама, Амра ибн Мухаммеда Накида, Аббаса ибн Хишама ал-Калби⁵⁶. Из наиболее ранних авторитетов, живших в первом веке хиджры,

упомянуты Урва ибн аз-Зубайр, Мухаммед ибн Муслим аз-Зухри и Ибн Исхак⁵⁷.

Книга Балазури является ценным источником не только для изучения военно-политической истории периода арабских завоеваний. Она сохраняет первостепенное значение и для исследования социально-экономических явлений в раннем Халифате, дополняя и проверяя сведения составителей книг о харадже.

Куфи. «Книга о завоеваниях»⁵⁸. В начале X в. Абу Мухаммед Ахмад ибн А'сам ал-Куфи завершил труд по истории арабских завоеваний, который представляет для современных исследователей несомненную ценность из-за наличия в нем информации, отсутствующей в сочинениях других мусульманских историков. Это сочинение стало доступно после издания в г. Хайдарабаде. Положенный в основу издания готский список «Книги о завоеваниях» оказался дефектным, в нем отсутствуют целые главы, и для восстановления общей картины арабский текст лакун заменен в издании персидским переводом, сделанным несколько веков спустя. В интересующих нас первом и втором томах заполненные лакуны составили в сумме не менее 50 страниц.

Несмотря на недостатки арабоязычного списка, он вместе с существующим персидским переводом дает возможность судить о содержании, особенностях и значении труда Куфи.

На персидский язык была переведена первая часть «Книги о завоеваниях», в которой освещаются события времени «справедных» халифов и начала правления Омейядов. Перевод был выполнен на рубеже XII—XIII вв. по заказу одного из хорасанских меценатов⁵⁹.

Персидский перевод в отличие от арабского первоисточника известен во множестве рукописных списков, из которых семь хранятся в Ленинграде: два в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР и пять в Восточном отделе библиотеки ЛГУ⁶⁰. Самые ранние списки датируются XVI в., более поздние относятся к XIX в., равно как и бомбейское литографированное издание.

Персидский перевод представлен в полной и сокращенной редакциях. Сокращение проводилось переписчиками за счет выбрасывания отдельных фраз и целых рассказов, что и привело к разному объему списков. Большинство

ленинградских списков перевода сочинения Ибн А'сама представлено в полной редакции.

В числе информаторов, на которых ссылается Куфи, названы Мадаини, Вакиди, Зухри, Абу Михнаф, Ибн ал-Калби и другие известные традиционалисты. Отдавая предпочтение Мадаини перед другими источниками, автор все же отмечает, что он объединил информацию традиционалистов в одно связное повествование. Поставив перед собой такую задачу, Куфи смог добиться лишь того, что его изложение вылилось в форму увлекательного романа (например, о перипетиях подчинения Рам Хормузда или о споре куфийцев и сирийских арабов по поводу добычи, длинные речи персонажей, переписка главных действующих лиц и прочее).

По-видимому, решение взять за основу сочинение Мадаини возникло у Куфи после безуспешных попыток примирить между собой противоречивые версии источников. «Книга о завоеваниях» дает не столько описание военных походов, сколько того, что так или иначе связано с ними. За счет сокращения фактов военной истории и привнесения сопутствующей информации увеличивается масштабность изображения. Военная история у Куфи хронологически выдержана, хотя даты и отсутствуют. В ней много лакун, поэтому по объему фактического материала труд Куфи значительно уступает сочинениям Табари и Балазури. Но в нем встречаются и свежие данные: имена новых полководцев, сведения о численности войск, суммы обусловленных договорами налогов и т. д.

Персидский перевод в целом сохранил структуру и стиль первоисточника. Переводчик пошел дальше, убрав имена всех информаторов Куфи, кроме Вакиди (единичная ссылка). Опускание имен информаторов — это своеобразная дань сложившейся литературной традиции переводных исторических сочинений⁶¹. Вместо указания конкретного источника информации переводчики часто ограничивались дежурной формулой вроде «Передатчики информации сообщают следующее...» или «Рассказчик говорит следующее...»⁶².

Композиционные особенности сочинения Куфи четко проявляются и в персидском переводе. Сложный узел событий, связанных с покорением провинций Парса, сводится к яркому рассказу об экспедиции Абу Мусы ал-Лш'ари, и нигде не говорится о завоевании Парса

с моря — факте, достаточно хорошо известном современникам Куфи. Но в ущерб фактологической стороне повествования автор в этой связи более подробно останавливается на предпосылках и последствиях завоевания.

Сочинение Ибн А'сама ал-Куфи сохраняет значение ценного источника для периода арабских завоеваний в Иране своей дополнительной информацией, почерпнутой из несохранившихся произведений писателей-традиционалистов старших поколений. Персидский перевод «Книги о завоеваниях», выполненный почти три века спустя, уступает первоисточнику в той мере, в какой каждый перевод уступает оригиналу.

Местные хроники

Каждую из местных хроник в известном смысле можно считать частью всеобщей истории, ограниченной территориальными рамками, поскольку и в ней излагаются события от сотворения мира и до времени автора. В послесасанидском Иране местные хроники на арабском и новоперсидском языках известны с X в. В них еще многое сохранилось от пехлевийских трактатов о достопримечательностях: пестрота информация, ярко выраженный местный патриотизм, стремление отметить все то, чем, по мнению автора, может и должна гордиться провинция. Вместе с тем в местных хрониках собран интересный материал по истории, географии и экономике своих регионов.

Ибн ал-Балхи. «Книга о Фарсе» ⁶³. Для изучения периода мусульманских завоеваний представляют интерес две первые главы сочинения Ибн ал-Балхи, написанного в начале XII в.: в одной из них говорится о правлении шаханшаха Йездигерда III, в другой — о завоевании Парса. Рассказом о царствовании Йездигерда автор завершает первую часть книги и переходит ко второй, которую он целиком посвящает Парсу ⁶⁴.

В сущности, все, что написано у Ибн ал-Балхи по поводу завоевания Парса, представляет синтез сведений, почерпнутых у Табари и Хамзы Исфахани. Ибн ал-Балхи кратко информирует читателя о маршрутах походов мусульман, упоминает имена арабских военачальников и названия пунктов, где разворачивались военные действия,

приводит договоры завоевателей с населением покоренных районов.

Хасан ал-Кумми. «История Кумма». Первоначальная, арабоязычная версия сочинения принадлежит перу Хасана ибн Мухаммеда ибн Хасана ал-Кумми и закончена в 378 г. х./988-89 г. Ни один из списков подлинника «Истории Кумма» не сохранился, но известен ее перевод на персидский язык, выполненный более четырех веков спустя (1402—1403). Автор персидского перевода — Хасан ибн Али ибн Хасан ибн Абд ал-Малик ал-Кумми.

Оригинальная арабоязычная версия состояла из двадцати глав. Персидский перевод существует в нескольких списках, которые различаются между собой по объему текста. А. К. С. Лэмбтон, посвятившей анализу сочинения специальную статью ⁶⁵, были известны пять начальных глав «Истории Кумма». В конце XIX в. «Ком-намэ» широко цитировал А. Хутум-Шиндлер ⁶⁶, но, так как исследователь не дал общей характеристики источника, о его полном объеме судить трудно. Литографированное иранское издание 1907 г. включает двенадцать глав ⁶⁷. Их содержание составляют:

а) легенды об основании Кумма, описание города, окрестных селений и земель, системы орошения;

б) рассказы о взимании податей;

в) повествование о приходе арабов аш'аритов в Кумм и их история в раннеисламский период;

г) сведения о реках, каналах, местных правителях (везирах), о строительстве мечетей, мазаров и прочих достопримечательностях.

Автор сочинения, как явствует из его многочисленных ссылок, использовал три группы источников: устную традицию, официальные документы и местные хроники, от которых в подавляющем большинстве для нас сохранились одни названия («История Хамадана», «История Рейя» и т. д.) ⁶⁸.

«История Кумма» освещает события политической, экономической и культурной жизни провинции в послесасанидский период, в основном в VIII—X вв. Вместе с тем многие явления, описанные автором со знанием дела, представляются в таком же виде, какой они имели и при Сасанидах (в частности, практика взимания податей, пользование старой хронологией, персидские имена наместников, иранские названия большинства населенных пунктов;

ирапский термин для обозначения налогового чиновника в деревне и другие). В этом смысле источник может быть полезен для ретроспективного анализа социальной обстановки в Иране при последних Сасанидах.

«История Систана». «История Систапа» — условное, принятое современными исследователями название анонимного сочинения XI—XIV вв., посвященного легендарной и реальной истории края, описанию его достопримечательностей. По языку его относят к древнейшим памятникам новоперсидской прозы. Основная часть сочинения написана во второй половине XI в., в XIV в. к нему было сделано дополнение⁶⁹.

Все исследователи, обращавшиеся к «Истории Систапа», подчеркивали ценность сочинения как источника. Вероятно, наиболее оригинальными в этом отношении следует считать главы, посвященные Саффаридам. Для периода раннего Халифата (время «праведных» халифов и Омейядов, т. е. до середины VIII в.) существенно то, что всю доступную ему информацию о событиях в Систане автор из многочисленных источников свел воедино. Особенно интересными представляются сведения об арабских наместниках в Систане: они не только ценны в плане восстановления хронологии, но и позволяют судить о функциях наместников, дают возможность сравнения их с функциями наместников Куфы и Басры.

Собственно, реальная история Систана в сочинении начинается с ислама. Ее предваряют легендарная древняя история, составленная из сюжетов «Шах-наме», Библии и Корана, перечень достопримечательностей, сведения об административном делении провинции: списки округов, рустаков и селений. Эти сведения позволяют точнее представить границы Систана в эпоху, непосредственно следующую за завоеваниями.

Во многих отношениях «История Систана» дополняет информацию Табари и Балазури.

Книги о харадже

Сочинения этого рода представляют интерес тем, что они касаются социально-экономических явлений в раннем Халифате и проливают свет на зарождение экономических отношений между мусульманской администрацией и поко-

ренным населением на основе первых договоров периода завоеваний.

Абу Йусуф. «Книга о харадже». Из всего литературного наследия автора VIII в. наибольшую известность получила его «Книга о харадже», написанная для Харуна ар-Рашида в форме советов «эмиру правоверных» по вопросам финансов, налоговой политики, уголовного права и т. д.⁷⁰ Для подтверждения правоты своих рекомендаций по налоговой политике и финансам Абу Йусуф ссылается на авторитет Мухаммеда, первых халифов и их соратников, но из возможных вариантов решения он выбирает тот, который больше всего отвечает сложившейся в его время практике аграрных отношений в Халифате. В зависимости от характера принятого решения автор то следует за своим учителем Абу Ханифой, то отходит от него, проявляя большую самостоятельность в суждениях. В труде Абу Йусуфа содержится также много экскурсов в военнополитическую историю завоеваний.

Юридическое сочинение Абу Йусуфа для своего времени могло служить и практическим руководством по взиманию налогов.

Йахйя ибн Адам. «Книга о харадже». Арабоязычное сочинение Йахьи ибн Адама, иранца по происхождению, написано в конце VIII—начале IX в. Имеются три издания его труда: первое и третье выполнены в Лейдене и второе — в Каире⁷¹. Последнее издание, выполненное по первому, сопровождается пространным введением, английским переводом и примечаниями. От второго издания заимствовано разделение всего текста на 640 параграфов по числу приводимых в тексте мнений, традиций и коротких рассказов, касающихся социально-экономических проблем⁷².

Как считают исследователи, «Книга о харадже» — не самостоятельная работа автора, а сборник традиций по социально-экономическим вопросам, прочитанный в курсе лекций аудитории слушателей⁷³. Бен Шемеш, осуществивший третье издание «Книги о харадже» Йахьи ибн Адама, очерчивает круг проблем, которых касается средневековый автор. Среди них значительное место занимают вопросы земельной собственности и налогообложения⁷⁴.

Для истории периода арабских завоеваний сочинение Йахьи ибн Адама интересно тем, что многие решения по социальным вопросам мусульманская традиция связывает

с именами первых халифов. Ареал упомянутых в книге географических названий ограничивается в основном пределами бывшей Сасанидской державы: Савад (Ирак, Вавилония), Хузистан, Ирак персидский, Бахрейн.

Кудама ибн Джа'фар. «Книга о харадже и профессия писца». Кудама ибн Джа'фар жил на рубеже IX—X вв. (умер не позже 932 г., т. е. спустя столетие после Абу Йусуфа и Йахьи ибн Адама). Биографические данные об этом авторе весьма скудны. Известно, что он родился в христианской семье, перешел в ислам, служил в центральной канцелярии в Багдаде. Результатом его служебной деятельности стала «Книга о харадже», написанная, как полагают, вскоре после 316 г. х./928 г.⁷⁵

Сочинение Кудамы сохранилось не полностью в единственной рукописи, хранящейся в медресе Кёпрюлю. Известно, что «Книга о харадже» включала восемь (по сведениям Ибн ан-Надима и Йакута — девять) частей. Из них уцелели пятая, шестая, седьмая и восьмая. Тематика сочинения неоднородна: в пятой и шестой частях преобладают сведения географического характера, что позволило Де Гуйе издать их с переводом в известной географической серии; этим подчеркивался вклад автора в развитие арабской географической литературы⁷⁶. Седьмая часть состоит из девятнадцати глав; первые восемнадцать посвящены вопросам налогообложения, девятнадцатая представляет собой очерк истории арабских завоеваний, заимствованный, как считает К. Брокельман, у Балазури⁷⁷.

Восемнадцать глав седьмой части изданы Бен Шемешем с английским переводом и примечаниями⁷⁸. Главными источниками Кудамы в этой части послужили сочинения его предшественников: Абу Убайда, Абу Йусуфа, Йахьи ибн Адама, Вакиди и многих других. В предисловии к седьмой части автор пытается доказать, что правила взимания налогов в фискальных учреждениях основываются на предписаниях веры. В доказательство своего тезиса он всегда называет источники, ссылаясь на известных ученых и их сочинения. Другими словами, Кудама стремится приблизить практику мусульманского фиска своего времени к идеальной теории.

Выдвигая какое-либо спорное положение, он часто сопоставляет между собой мнения юристов иракской и хиджазской школ и в ряде случаев принимает точку зрения одной из сторон.

Для периода раннего Халифата наибольшую ценность представляют первые главы седьмой части, в которых речь идет о налогах с ушровых и хараджных земель, их классификации, о землях, передаваемых в икта, формах подушной подати с немусульманского населения Халифата и так далее. Здесь встречается больше ссылок на хозяйственную политику первых халифов и их наместников. Последующие главы заметно отличаются влиянием более поздней и более современной автору традиции. Теперь вместо одного авторитета чаще называются несколько, иногда их имена заменяются названием какой-нибудь школы (см. главы IX, XI, XII, XV, XVIII).

Географические сочинения IX—X вв.

Расцвет жанра географической литературы в мусульманском мире раннего средневековья приходится на восточные провинции Халифата. Именно там в IX—X вв. создаются ценные географические труды, которые появляются в результате компиляции и переработки сочинений более ранних авторов, личных наблюдений и путешествий. Дошедшие до наших дней сочинения в основном изданы в конце прошлого века ориенталистом Де Гуйе⁷⁹; некоторые из них впоследствии переиздавались и были переведены на европейские языки. Тот факт, что описанию областей Ирана и Средней Азии в географических трудах отводится больше места, чем географии других частей Халифата, свидетельствует не только о важности их для экономики государства (сама география как наука развивалась для удовлетворения практических запросов времени⁸⁰), но и о том, что авторами сочинений были по преимуществу представители местного, ираноязычного населения: чиновники, купцы, путешественники. Их труды представляют интерес не только как географические справочники своего времени. В сочинениях часто встречаются любопытные сведения по этнографии, экономике, религии описываемых стран и народов, даются экскурсии в историю и историческую географию.

Наиболее ценными для нашей темы являются труды Ибн Хордадбега, Ибн ал-Факиха ал-Хамадани, Истахри и Ибн Хаукала.

Ибн Хордадбех — один из самых ранних мусульманских географов (IX—начало X в.), чьи сочинения дошли до нас с минимальными изменениями. Известность автору принесла его «Книга путей и стран», которая часто копировалась и использовалась в качестве модели для подражания⁸¹. Из предисловия видно, что автор написал свое сочинение по заказу халифа. В части общей географии он многое заимствовал у Птолемея. Главный интерес *Ибн Хордадбе*ха проявляется в вопросах экономической географии Халифата. При описании отдельных провинций, которое он начинает с Ирака, автор обычно приводит подробное или краткое административное деление, сообщает фиксированные размеры налогов в натуре и денежном выражении, указывает расстояния в фарсангах или дневных переходах между населенными пунктами, называет почтовые и торговые маршруты. Представляют интерес описания аграрной политики халифа Омара ибн ал-Хаттаба, глава о спахбедах и марзбанах Хорасана, сведения о народах, населяющих окраины мусульманского мира.

Ибн ал-Факих ал-Хамадани (как и *Ибн Хордадбех*) был иранцем. В начале X в. он написал географическое сочинение на арабском языке — «Книгу о странах», сокращенная версия которой сохранилась и была издана в конце XIX в.⁸². В обнаруженной позже более полной Мешхедской рукописи сочинения имеются дополнительные сведения, которые отсутствуют в опубликованном тексте. Сочинение *Ибн ал-Факиха* можно отнести к историко-географическим. Описание провинций выполнено по следующей схеме: народная этимология названия города (области) и связанные с ней легенды; перечисление населенных пунктов с указанием расстояний между ними в фарсангах; административное деление в подробном или кратком изложении; исторический очерк (сасанидский период, арабские завоевания, правление наместников халифа); достопримечательности.

Географ Мукаддаси, приписывавший Хамадани написание пятитомного труда, критиковал последнего за неоправданные отступления от географической темы. Наряду с документальным материалом в сочинении встречаются литературные сюжеты, заимствованные из устной иранской традиции, оды и панегирики (например, в разделе, посвященном Хамадану). Современные исследователи

не разделяют критицизма Мукаддаси, полагая, что отступления Хамадани не результат легковесности, а литературный прием, предназначенный для привлечения интереса читателя к книге ⁸³. Соглашаясь с этим мнением, добавим, что в своих литературных исканиях Ибн ал-Факих не был одинок. Смешение нескольких жанров в одном произведении было в то время обычным явлением, которое обуславливалось целым рядом причин: существующей модой, характером использованных источников, личными наклонностями автора и т. д. Хамадани добросовестно называет авторов, у которых он черпал сведения для описаний. В числе его источников названы труды Ша'би, Сайфа ибн Омара, Джахиза, Мадаини, Хишама ибн Мухаммеда ал-Калби, Балазури. Обращает на себя внимание предпочтение, которое автор отдает одним странам (прежде всего Ирану) перед другими. Это выражается главным образом в объеме и характере описаний регионов. А. Массе полагает, что эта пристрастность свойственна не Хамадани, а автору сокращенной версии его труда.

Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммед ал-Истахри, автор X в., в основу своей «Книги путей и стран» ⁸⁴ положил географическое сочинение Балхи. К нему он добавил информацию других письменных источников и личные впечатления. Большую часть сочинения Истахри занимают описания восточных провинций Халифата, среди них — Фарса, родины писателя. Автор достаточно подробно останавливается на административном делении, физической и экономической географии регионов. Его интересуют также этнография, градостроительство, религия, денежное обращение. За счет сокращения исторического очерка он дает более полную по сравнению с сочинением Ибн ал-Факиха характеристику городов с точки зрения наличия в них крепостей, соборных мечетей, храмов огня, особенностей местного населения.

Ибн Хаукал (X в.) — автор географического описания мусульманских стран и провинций, известного как «Книга путей и стран» ⁸⁵. Оно было составлено по образцу одноименного сочинения Истахри. Зависимость от последнего настолько велика, что расположение материала и названия глав в книге фактически повторяют схему Истахри, если не считать новых глав об Андалусии и Сицилии. Но, хотя компиляция труда Истахри очевидна, следует отметить и личный вклад Ибн Хаукала как географа.

В описание стран автор привносит элемент собственных наблюдений и впечатлений. Его изложение повторяет текст Истахри в случаях, не вызывающих сомнения. В остальном он либо сокращает текст старшего современника, либо расширяет его, дополняет новыми фактами, проявляя известную самостоятельность в суждениях. Как отмечалось исследователями, Ибн Хаукал сообщает дополнительные сведения о соседях мусульман и дает более углубленное описание ряда провинций Халифата ⁸⁶.

Фирдоуси. Шах-наме

Иранский национальный эпос, поэтически обработанный в выдающемся произведении Фирдоуси, имеет непосредственное отношение к теме настоящего исследования. События времени последних Сасанидов нашли отражение в завершающей части поэмы, им посвящен девятый том издания критического текста, осуществленного в СССР ⁸⁷.

Обращаясь к «Шах-наме» как к источнику по истории арабских завоеваний в Иране, тщетно пытаться восстанавливать события в их хронологической последовательности: вся история завоеваний сведена автором к описанию деталей, касавшихся сражения при Кадисии, и скитаний шаханшаха Йездигерда III по стране вплоть до его гибели под Мервом. Ценность сочинения в другом. В «Шах-наме» с позиций легитимиста, каким был Фирдоуси, правдиво отображаются дух эпохи, настроения правящих классов иранского общества. В главе о царствовании Йездигерда III лейтмотивом звучит тема тленности бытия, неизбежности гибели сасанидской династии, а с нею и иранского государства, потому что такая судьба предопределена им свыше; о предстоящих испытаниях свидетельствует неблагоприятное расположение светил. Устами Рустама, главного героя битвы при Кадисии, автор вещает о приближении социальных потрясений, обусловленных приходом арабов. Пришельцев он характеризует самыми нелестными эпитетами. И такая позиция объясняется не столько его отношением к более сильному противнику, сколько тем обстоятельством, что приход арабов ломал сложившиеся представления об общественном порядке, нарушал незыблемость сословного деления, усугуб-

лял кризис иранского общества. Конкретными проявлениями этого кризиса являются: нарушение верности договорам, упадок высших сословий и возвышение низших, обострение социальной борьбы, разрушение семейных традиций и т. д.⁸⁸. Социальная обстановка в Иране в годы арабских завоеваний у Фирдоуси очень напоминает внутриполитический кризис VI в., вызванный маздакитским движением.

В оценке автора «Шах-наме» (или его источника) кульминационным моментом длительной арабо-иранской войны является сражение при Кадисии. Все последующие битвы не стоят упоминания. Вместо них Фирдоуси излагает злоключения Йездигерда III на востоке, куда он отправился в надежде собрать войско, могущее противостоять арабам. В этой части образно показаны взаимоотношения шаханшаха со своими подданными, преданность одних и предательство других, и так до трагической развязки на мельнице. Сценой участия христиан в похоронах шаханшаха Фирдоуси как никто другой показал роль и влияние христианской общины Мерва, дал представление о ее численности (не называя цифр). Данные «Шах-наме» о событиях, последовавших за смертью Йездигерда III, и судьба его потомков также заслуживают внимания исследователя.

Нумизматика и эпиграфика (монеты, печати, надписи)

Необходимость привлечения нумизматического материала в качестве источника по истории Ирана первой половины VII в. определяется заключенной в нем информацией. Монеты и печати можно рассматривать и как памятники искусства, и как источники, помогающие понять многие явления политической и экономической истории общества.

Ценную информацию, касающуюся политической и экономической истории периода, дают позднесасанидские и арабо-сасанидские драхмы. Все без исключения монеты поздних Сасанидов имеют на лицевой стороне (аверсе) внутри круга официальный портрет шаханшаха и его имя; на оборотной стороне (реверсе) непременно присутствует изображение алтаря огня с двумя священнослужителями, монограмма монетного двора (регулярно, начи-

ная с Варахрана V), дата выпуска по эре царствующего шаханшаха (регулярно, начиная с Кавада I). При изменении политической, религиозной или экономической ситуации в стране, в пору важных для монарха событий (коронация, крупные победы или поражения) изменялись не только количество, размер и вес выпускаемых монет, но вносились определенные изменения в канонический портрет и изображения на реверсе. Наличие или отсутствие обозначений известных монетных дворов может служить основанием для суждения о фактических размерах территории, признававшей над собой верховную власть «царя царей».

Усиленный выпуск монет при Хосрове II (590—628) был результатом длительных успехов Ирана в войне с Византией, роста военного могущества державы Сасанидов. Выпуск серебра был нужен прежде всего для содержания многотысячной армии. В период междоусобиц (628—632) после проигранной войны эмиссия денег резко падает, и этот факт отражает картину политического хаоса в стране и недолговечности отдельных правителей. Приход к власти шаханшаха Йездигерда III частично оживил деятельность монетных дворов, но постоянные неудачи в войне с арабами, вынужденное отступление в глубь страны и переход иранских земель в руки завоевателей сокращают территориальные пределы царской власти. Это очень хорошо иллюстрирует нумизматический материал: небольшое количество пайденных монет Йездигерда III, а также незначительное число монетных дворов, на которых они выпускались. После Хосрова II почти прекращается выпуск медных монет, обращавшихся на местном рынке, и золотых динаров, приуроченных к торжественным событиям. И все же трудно согласиться с мнением австрийского исследователя Р. Гебля о том, что в сложившейся для Ирана неблагоприятной ситуации эмиссии теряет свой основной смысл (служить средством товарно-денежных отношений) и предназначается только для поддержания пошатнувшегося престижа монарха ⁸⁹.

Крушение Сасанидского государства в середине VII в. отрицательно сказалось на денежном хозяйстве Ирана. Монеты, датированные тем временем, крайне редки, практически неизвестны. Такое явление вполне объяснимо упадком экономики страны в целом, и в частности нарушением деятельности монетных дворов, когда связь между

городами была затруднена, производительные силы общества частично истреблены, а сокровища царской казны и высшей знати перешли в руки мусульманской администрации или были распределены между участниками завоевательных походов.

С Омейядов (661—750), пришедших на смену «праведным» халифам, начинается новый этап эмиссии денег в восточных провинциях Халифата. Арабские наместники сохранили на значительной части завоеванной территории местную иранскую администрацию, в ведении которой находилась деятельность монетных дворов. В новых условиях в течение первых тридцати лет правления Омейядов до реформы халифа Абдалмалика ибн Марвана на монетных дворах Ирана выпускались драхмы, которые типологически мало чем отличались от драхм позднесасанидских шаханшахов. Отличительной чертой так называемых арабосасанидских выпусков по сравнению с сасанидскими является «басмалла» — кораническая формула, помещенная на кромке лицевой стороны монет. При Омейядах такие монеты выпускались в большом количестве, хотя, если судить по музейным собраниям, они и не так многочисленны, как драхмы Хосрова II.

Изучение арабосасанидских монет имеет полутора-вековую традицию. В прошлом веке «пехлевийским раннемусульманским», «сасанидо-арабским», «омейядо-сасанидским» монетам посвящали свои исследования в виде статей, специальных разделов в каталогах и обзорах такие видные нумизматы, как Б. Дорн, А. Мордтманн, Э. Томас, В. Тизенгаузен, А. К. Марков. В XX в. в связи с поступлением в музеи новых монетных кладов много было сделано в области изучения палеографии и атрибуции арабосасанидских монет Е. А. Пахомовым, Ф. Д. Дж. Паруком, Дж. Уокером, Г. Майлсом.

По мере накопления и публикации нового нумизматического материала назревала необходимость в его обобщении. Первая и удачная попытка составления сводного каталога арабосасанидских монет была предпринята Дж. Уокером. В основу была положена коллекция Британского музея. Кроме того, составителем были использованы все известные к его времени нумизматические каталоги других музеев мира и обширная литература по проблеме⁹⁰.

Книга Дж. Уокера состоит из трех примерно равных по объему частей: а) пространного введения, представляю-

щего собой результаты исследований автора в данной области знаний в историческом и нумизматическом аспектах; б) собственно каталога и примечаний к нему; в) приложений, включающих указатели (имен правителей, упомянутых на монетах, названий монетных дворов, надписей, общий указатель), сравнительные таблицы соответствия дат по разным летосчислениям, соответствия мер и весов, а также богатые иллюстрации нумизматического материала, помещенного в каталоге. Работа Дж. Уокера интересна и как справочник, и как методическое пособие, которое может пригодиться при составлении будущих каталогов. Книжки и статьи других исследователей, опубликованные позже, в известной мере дополняют каталог Дж. Уокера новым, неучтенным материалом, вносят исправления в чтение отдельных легенд, но пока не могут да и не собираются его заменить.

Среди литературы последних лет, в разной степени отразившей проблемы арабо-сасанидской нумизматики, заслуживают упоминания работы Г. Майлса, Б. Гранберг, Х. Гаубе, И. Тозена⁹¹.

Имеются указания на то, что первые арабо-сасанидские монеты появляются уже в последний год правления Йездигерда III. В сущности, они отличаются от канонических только появлением «басмаллы» на лицевой стороне. Являясь как бы продолжением монет Йездигерда III, они полностью сохраняют его официальный портрет и имя. В последующие годы образцом для выпуска арабо-сасанидских монет становится тип монет Хосрова II. Примечательно и то, что в период с 651 по 661 г., т. е. до Омейядов, а также в первые годы правления Омейядов арабо-сасанидские драхмы в подавляющем большинстве сохраняют имя Хосрова II; имена арабских наместников провинций появятся позднее. Весьма любопытным представляется разнообразие датировки на арабо-сасанидских монетах. Дж. Уокер в своем каталоге отметил, что на монетных дворах бывшей Сасанидской державы после арабского завоевания в разное время пользовались тремя эрами для датировок: эрой Йездигерда III, эрой хиджры и после-йездигердской эрой. Определение того, какая же эра имеется в виду, в каждом конкретном случае очень важно (эра хиджры — с 622 г., йездигердская — с 632 г., после-йездигердская — с 651 г.), но не всегда просто. Датировку нумизматического материала, на котором встречаются

имена мусульманских наместников в провинциях, можно сопоставить с датировкой их правления, предложенной в более поздних мусульманских хрониках. Не всегда информация, полученная в результате изучения нумизматического материала, совпадает с той, которую дают мусульманские хроники, и часто монетам приходится отдавать предпочтение как источнику, современному событиям. Следует также иметь в виду, что при отсутствии нарративного материала монеты иногда оказываются единственным источником, по которому можно восстановить социально-экономическую картину эпохи.

Наряду с нумизматикой значение важного исторического источника при изучении Сасанидской эпохи (особенно в последнее время) приобретают сасанидские геммы — резные печати из камня. Они почти столь же многочисленны, как и монеты; публикация новых коллекций из государственных и частных собраний свидетельствует о том, что материал этот чрезвычайно разнообразен и насыщен информацией⁹². В отличие от драхм, которые с момента выпуска их на монетном дворе становятся как бы всеобщим достоянием, выполняя функции платежного средства и средства торговли, каждая гемма содержит в себе элементы личности владельца: его имя, титул, иногда портрет, инсигнии власти, а при отсутствии имени и портрета — изображения животных и птиц, представляющих собой символы божеств зороастрийского (древнеиранского) пантеона.

Надписи на геммах свидетельствуют о том, что при Сасанидах печати были широко распространены в иранском обществе. Среди владельцев печатей часто встречаются маги и разные должностные лица: писцы, сборщики налогов, судьи и т. д. (рядом с именем нередко упоминается название округа или храма огня).

Надписи на геммах дают ценную информацию для изучения административного устройства Ирана времени Сасанидов. Названия провинций и округов на геммах уточняют картину административного деления, известного по сочинениям мусульманских географов, расширяют наши знания о топонимике сасанидского Ирана, помогают расшифровать неизвестные монограммы монетных дворов.

При том, что геммы содержат в себе ценную информацию, весьма сложной до сих пор остается проблема их датировки, а в связи с нею — и возможность отнесения той или иной печати к конкретному времени. На этих памятниках в отличие от монет полностью отсутствуют даты. В какой-то мере о времени изготовления можно судить по палеографическим признакам (для печатей, содержащих надписи), но и тогда можно датировать вещь с точностью до одного века. Палеографический принцип при датировке был обоснован В. Г. Луконым⁹³. В свою очередь, Р. Н. Фрай высказывал сомнение относительно возможностей датировать печати и буллы из археологического комплекса Каср-и Абу Наср в Иране по характеру начертания отдельных букв надписи, поскольку, как он считает, и в позднесасанидское время резчики печатей с легендами пользовались наряду с курсивным письмом, близким к «книжному пехлеви», письмом царских наскальных надписей III в.⁹⁴

Имея в виду трудности, связанные с датировкой гемм, последние можно и следует привлекать в качестве дополнительного источника. Информация топонимического и терминологического характера непамятного обесценивается от того, что точная дата памятника неизвестна. Примерную дату можно установить по косвенным данным.

Позднесасанидские надписи на камнях пока еще изучены недостаточно, поскольку основное внимание уделялось расшифровке царских наскальных надписей III—IV вв. Начало было положено в 20-х годах нашего века исследованиями Е. А. Пахомова и Г. С. Ньюберга, введенными в научный оборот пехлевийские строительные надписи из Дербенда VI—VII вв.⁹⁵ Они немногословны, содержат термины ряда должностных лиц и технические детали, относящиеся к строительству. Недавно в Дербендской крепости ученые обнаружили новые надписи того же содержания, которые пока не опубликованы. Конец 60-х и начало 70-х годов отмечены публикацией новых позднесасанидских надписей, найденных в другой части Сасанидского государства — в Парсе. Некоторые из них датированы позднесасанидским и раннеисламским периодами. По содержанию это надгробные надписи и надписи, касающиеся операций с земельной собственностью. Они включают ряд имен и титулов должностных лиц⁹⁶. Не все

надписи из Парса поддаются удовлетворительной интерпретации: легче читаются надписи, выполненные шрифтом, близким к книжному пехлеви; значительно сложнее обстоит дело со скорописью, в которой проблема многозначности отдельных знаков пехлевийского письма еще более усугубляется. В целом из-за малочисленности позднесасанидские надписи сообщают немного информации, но по мере новых археологических открытий они в значительной мере помогут осветить социальную картину эпохи.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АРАБСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ

Начало арабских завоеваний в Иране относится к 633 г. К этому времени теократическое мусульманское государство, разгромив вероотступников, в общем завершило объединение племен Аравийского полуострова под знаменем ислама. Для Ирана рубеж 632/633 г. знаменовал последнюю фазу четырехлетней борьбы различных клик придворной знати и возведение на шаханшахский престол Йездигерда сына Шахрияра.

В отечественной и зарубежной историографии, освещающей события этого периода, время первых походов арабов-мусульман на Иран относят иногда к 632 г., к разгару войны с «риддой», вероотступничеством¹. На наш взгляд, при такой датировке смешиваются два понятия: обычные набеги бедуинов на пограничные области и организованная экспансия мусульманских войск в союзе с арабами-немусульманами. Приняв 633 год за начало завоеваний, мы выделяем тем самым те восточные походы арабов, которые организовывались и направлялись из Медины с одобрения халифа и его ближайшего окружения.

Что касается вторжений бедуинов-язычников и христиан в пределы нижнего Междуречья (разные источники называют его Вавилонией, Ираком либо Савадом), являвшегося до арабских завоеваний западной провинцией Сасанидского государства, то они происходили еще задолго до этого и имели характер спорадических набегов, осуществлявшихся с целью грабежа. После ликвидации Сасанидами Лахмидского царства в 602 г. и превращения области Хиры в обычную иранскую провинцию непосредственными соседями Ирана на его юго-западной окраине стали кочевые племена группы раби'а (бакр ибн ва'ил). В 604 или 605 г. у водоноя Зу-Кар бакритам удалось

нанести поражение шаханшахским отрядам, посланным для их усмирения². В дальнейшем сложные внешнеполитические и внутривосточные условия в Иране (затянувшаяся война с Византией, междоусобицы, хозяйственные трудности) не давали Сасанидам возможности не только разгромить бедуинов, но и сколько-нибудь помешать их набегам.

Группа племен, объединенных общим названием раби'а, кочевала на обширном пространстве от Йемамы (области в Центральной Аравии) до западного побережья Персидского залива. Среди бакритов своим могуществом выделялись три племени: [бану] иджл, [бану] са'лаба, [бану] шейбан. В царствование в Иране Бурандухт (631—632) два отряда кочевников, предводительствуемые Мусанной ибн Харисой, вождем племени шейбан, и Сувайдом ибн Кутбой, вождем иджлитов, вторглись в пределы Сасанидской державы в районах Хиры и Обоиллы (Убулла). Мусанна грабил окрестности Хиры, а Сувайд — Обоиллы³. Эти действия продолжались и в течение 632 г., после смерти Мухаммеда и назначения халифом Абу Бакра. Как повествует мусульманская историческая традиция, Мусанна был первым бакритом, который принял ислам; его примеру последовали многие из его соплеменников. Другая группа бакритов во времена «ридды» объединила в Бахрейне всех недовольных господством Медины. Во главе движения стал Хутам ибн Дубей'а, состоящий в родстве с племенем кайс ибн са'лаба⁴. Восставшие провозгласили царем Мунзира ибн Ну'мана ибн Мунзира, сына последнего правителя Хиры. По другим сведениям, власть передали брату Ну'мана ибн Мунзира. Так или иначе, но они попытались восстановить царский род Лахмидов. Когда мусульманам и их союзникам удалось разгромить восстание, Мунзир принял ислам. Остатки войска Хутама, избежавшие истребления, рассеялись. Не последняя роль в этих событиях была отведена и Мусанне, который тогда еще оставался нейтральным. Получив от Ала ибн ал-Хадрами, военачальника мусульманского войска, приказ задерживать и возвращать беглецов, он выполнил его⁵.

Возможно, часть тех, кого удалось задержать, влилась в отряд Мусанны.

Бакриты явились инициаторами похода мусульман на Иран. Сохранилось предание о том, что Мусанна ибн

Хариса, очевидно не рассчитывая на свои силы, написал Абу Бакру письмо, в котором сообщал о слабости персов и просил у халифа военной помощи⁶. Рассказ же о том, что Мусанна сам отправился в Медину и был принят Абу Бакром, подлежит большому сомнению, хотя он и приводится у Балазури; Табари и Бал'ами, Динавари и Ибн ал-Асир об этом не упоминают. Вполне естественно, что предоставляемая помощь обуславливалась необходимостью принятия ислама, но военачальник мог стать мусульманином и без длительного путешествия в Медину. Союз кочевников с мусульманами не был случайным явлением. Он показал глубокую внутреннюю связь арабской экспансии с доисламской миграцией народов⁷. Мусанна обратился за помощью к мусульманам и принял ислам потому, что у него и у них были общие интересы в Ираке.

В месяце мухарраме 12 г. х. (март—апрель 633 г.) Халид ибн ал-Валид, который в это время находился в Йемене, получил приказ Абу Бакра выступить в поход на Ирак и соединиться с отрядом Мусанны для совместных действий против иранских гарнизонов. Некоторые данные говорят о том, что Мусанна не желал прибытия Халида, так как опасался, что халиф передаст верховное командование своему полководцу⁸; именно это и произошло впоследствии.

Вторжение мусульман в Ирак и в сирийские провинции Византии началось почти одновременно. Однако сразу после «ридды», как справедливо отмечают исследователи, острие внешней политики Халифата было направлено в сторону Сирии, с которой мусульмане были знакомы довольно хорошо и куда совершали рейды еще при жизни Мухаммеда. Об относительном безразличии курейшитской знати к завоеваниям в Ираке говорит то обстоятельство, что Халид большинству войска разрешил вернуться домой и отважился выступить в свой первый персидский поход лишь с пятьюстами добровольцами из мусульман⁹. В пути к нему присоединились ополчения племен тай и тамим. В населенном пункте Нибадж, расположенном в северной части Йемены по пути в Басру, Халид ибн ал-Валид сделал остановку, и здесь его войско пополнилось отрядом Мусанны¹⁰. Отсюда восемнадцатитысячное ополчение тремя колоннами выступило к Хафиру, который был частью владений иранского всадника Хормузда, занимавшего в то время должность

марзбана Оболлы, области вдоль общего русла рек Тигра и Евфрата. Хормузд, как говорится у Ибн ал-Асира, воевал на суше с арабами и на море с индийцами¹¹. Известие о новой опасности со стороны пустыни заставило его сообщить об этом в столицу и двинуться сначала в Хафир, а когда Халид ушел оттуда, — в ал-Кавазим (или Казиму), расположенный в пределах современного Кувейта. Персидскому войску удалось опередить арабов и занять выгодное положение у воды. Хормузд поставил в авангарде отряды, которыми командовали Кавад и Анушаджан, потомки Арданира Папакана. По преданию, иранские воины были скованы цепью, чтобы предотвратить бегство¹². После того как Хормузд был убит в поединке с Халидом, арабы атаковали и одержали победу. Каваду и Анушаджану удалось спастись бегством. Победителям досталась драгоценная корона Хормузда стоимостью в сто тысяч драхм. Как сообщают Табари и Ибн ал-Асир, такой короны удостоиваются только представители семи знатных иранских родов, «достигшие полного благородства»¹³. Пятая часть добычи была отправлена в Медину. Корону Абу Бакр подарил Халиду.

Сражение при Казиме открыло мусульманам путь в Ирак. В повествованиях об иракском походе Халида, начальном этапе завоевания Сасанидского Ирана, существуют значительные разногласия, обусловленные использованием противоречивых версий. Между традиционалистами I—II вв. х. прежде всего нет единого мнения относительно маршрута Халида в Ирак. Ибн Исхак и Вакиди считали, что его главной целью было взятие Хиры, поэтому в их изложении почти не упоминаются другие населенные пункты, кроме тех, которые расположены в окрестностях Хиры¹⁴. Мадаини полагал, что Халид вначале двинулся в направлении Куфы, а потом свернул к Басре, хотя хорошо известно, что Басра и Куфа были основаны позже¹⁵. По сведениям Ша'би, на которого ссылается Сайф ибн Омар, Абу Бакр распорядился начать завоевание Ирака с Оболлы. О Басре и Оболле упоминает в этой связи и Балазури, не указывая на источник¹⁶. Некоторые соображения заставляют отдать предпочтение последней версии. Во-первых, потому, что версия Ша'би (ум. 103 г. х./721 г.) более древняя; ссылка на Вакиди дана без указания более раннего источника, информатор Ибн Исхака (Салих ибн Кайсан) умер в 144 г. х./761 г.

Во-вторых, известно, что Ша'би писал со слов многих сподвижников пророка Мухаммеда, принимавших непосредственное участие в завоевании Ирака. В-третьих, география военных действий у него соответствует логическому развитию событий, если иметь в виду, что вторжению предшествовала победа арабов при Казиме, в Кувейте. В-четвертых, версия Балазури очень близка к версии Ша'би.

Всякая периодизация арабских завоеваний в значительной степени условная. Современный арабский ученый Ну'ман Абд ал-Мута'ал ал-Кади, учитывая очередность и географию военных действий, выделяет три этапа завоеваний на востоке: а) до Хиры; б) от Хиры до Ктесифона; в) после Ктесифона¹⁷. Приблизительность этой периодизации очевидна, так как то, что автор территориально относит к первым двум этапам, в сущности, представляет собой единый район Ирака (нижнего Междуречья) с прилегающими к нему пограничными городами, а обширные территории к востоку и северо-востоку от Ктесифона разнятся между собой и в климатическом и в этнографическом отношениях, и в каждой из областей Иранского нагорья завоевания мусульман имели свои специфические особенности.

Завоевание Ирака

Вторжение в Ирак предполагалось начать с двух сторон. От устья Тигра и Евфрата на север должно было двигаться объединенное войско Халида и Мусанны, с запада был послан отряд под командованием Ийада ибн Ганма. Встреча халифских войск была намечена под Хирой¹⁸.

Первым серьезным препятствием на пути продвижения отрядов Халида оказалась укрепленная гавань Оболла, через которую иранские купцы осуществляли оживленную торговлю с Индией. Оболла не только служила рынком морской торговли, но являлась также базой сасанидского флота. Как сообщает Балазури, в окрестностях Оболлы до прибытия туда Халида разбойничал отряд бакритов, предводительствуемый Сувайдом ибн Кутбой. Гарнизон крепости был готов атаковать бедуинов, но этому помешал приход отрядов Халида, и иран-

ский отряд укрылся за городскими стенами. В такой ситуации арабский военачальник прибегнул к хитрости. По приказу Халида его войско, имитируя отход, днем оставило свои позиции и выступило в направлении Хиры, а ночью вернулось в лагерь Сувайда. Утром иранцы, уверенные в немногочисленности противника, начали наступление и были разбиты, понеся большие потери¹⁹. Но в этот раз арабы, очевидно, еще не смогли захватить Оболлу. Обычно, упоминая о покорении какого-либо населенного пункта, средневековые историки сообщают и какие-то дополнительные сведения: условия сдачи, размер военной добычи, судьбу покоренного населения и т. д. В данном же случае Балазури ограничивается общей фразой о том, что противник (иранцы) потерял много убитыми. Ибн ал-Асир в главе 12 г. х. очень кратко сообщает о взятии Оболлы, захвате пленных и имущества, при этом он не исключает и более поздней датировки события — двумя годами позже²⁰. Наконец, по другой версии Балазури, честь взятия Оболлы приписывается Утбе ибн Газвану, уже после подчинения Хиры²¹. Последний вариант представляется наиболее вероятным.

Мнение Дж. Глабба о том, что население Оболлы согласилось уплатить Халиду ибн ал-Валиду дань²², не аргументировано, известные нам источники ничего не сообщают на этот счет.

События развивались с молниеносной быстротой, и от одного сражения до другого проходило всего несколько дней. Уже в месяце сафаре 12 г. х. (апрель—май 633 г.) Халиду пришлось встретиться с новым иранским войском, посланным ранее из сасанидской столицы (Ктесифона) на помощь Хормузду. Во главе его стоял полководец Карен или полководец из рода Карен²³. В Мазаре, расположенном к северо-западу от Оболлы, иранский отряд пополнился беженцами из-под Казимы. У Мазара в местности Синй Халид вновь одержал победу. Были убиты персидские полководцы Карен, Кавад, Анушаджан. Потери иранского войска, по некоторым сведениям, составили тридцать тысяч, не считая утонувших. Остальным удалось бежать на кораблях. Халид распределил добычу, из которой часть отправил в Медину. Арабы взяли в плен семьи погибших персидских воинов и тех, кто оказывал им помощь. В плен попал также один араб-христианин и два араба-язычника, которые впоследствии приняли ислам.

Халид назначил двух ответственных лиц: одно для временного командования войском, а другого для сбора налогов, а сам занялся сбором сведений о противнике ²⁴ и разработкой новых военных операций.

Средневековые мусульманские авторы, которые задавались целью воспроизвести более или менее полно военнополитическую историю раннего Халифата (Балазури, Табари, Ибн ал-Асир) по сведениям многочисленных передатчиков, по-разному относились к своему материалу, акцентируя внимание читателя на тех или иных фактах. Отсюда следовало бы ожидать, что картина арабских завоеваний в Ираке смажется окончательно, утонув в массе цифр, имен и географических названий. Этого, однако, не произошло, так как авторы каждый по-своему сохранили временную последовательность при описании военных действий, которая, за редким исключением, одинакова и у Балазури, и у Табари, и у Ибн ал-Асира. Это дает основание предполагать, что схема развития военных действий, известная нам из этих сочинений, существовала именно в таком виде. В упрощенном виде ее заимствовал Дж. Глабб при определении маршрута походов Халида.

Если последовательность событий в описаниях упомянутых авторов по большей части соответствует действительности, то подчас вызывает удивление их хронология. Путаница в данном случае возникает тогда, когда Табари или Ибн ал-Асир приурочивают события в Ираке ко времени царствования Шируйе и Ардашира: письмо Хормузда к Ардаширу и Шируйе с просьбой о помощи, неоднократная помощь Ардашира и т. д. Таким образом, чтобы устранить это хронологическое несоответствие, следует, как кажется, либо отнести события в Ираке на три-четыре года раньше, к 629—630 гг., либо признать, что в 633 г. у персов шаханшахом был Шируйе. Ни то, ни другое решение не будет удовлетворительным, ибо давно высчитана хронология последних сасанидских царей и доказано, что в 633 г. уже правил шаханшах Йездигерд и именно при нем началось завоевание Ирака. Кроме того, и сам Табари, ссылаясь на иснадный список, задолго до рассказа о завоевании Ирака сообщает, что в год провозглашения халифом Абу Бакра персы сделали царем Йездигерда ²⁵. Впрочем, такая путаница характерна главным образом для Табари и в меньшей степени для

Ибн ал-Асира. Балазури более свободен от хронологических казусов.

Победа арабских войск при Мазаре (Синй) отдала во власть Халида ряд районов, расположенных севернее слияния двух рек и составлявших западные пределы Каишара. Почти без сопротивления он овладел населенными пунктами Зендавард, Дурна и Хормузгерд²⁶. Ожесточенное сражение произошло при Валадже между основными силами Халида и отрядами персидского военачальника Андарзгара²⁷; на стороне правительственных войск сражались ополчения местных дехкан и окрестных арабов из Хиры и Кашкара, сам Андарзгар был всадником-метисом из Вавилонии (Савада). Исход боя решила засада, которую устроили по приказанию Халида. Шахские отряды во главе с Андарзгаром обратились в бегство. Мусульмане захватили в плен детей убитых воинов, их союзников, а от крестьян потребовали уплаты налога и принятия покровительства. Событие имело место в том же месяце сафаре (апрель—май 633 г.)²⁸.

Сражавшиеся с мусульманами отряды Андарзгара представляли собой лишь передовые части большого (со-рокатысячного) иранского войска, которым командовал Бахман Джадуе. Не совсем ясно, почему Бахман и Андарзгар действовали так несогласованно и не сумели избежать поражения. Источники этого не объясняют. Они только констатируют, что в момент боя при Валадже Бахман был еще далеко от Андарзгара. Но по Табари, как будто выходит, что Бахман несколько уклонился от первоначального пути и пошел по другой дороге²⁹. Бал'ами ограничивается нейтральной фразой о том, что Андарзгар развязал бой, не ожидая подхода основных сил³⁰.

Остатки разгромленных при Валадже вместе со своими персидскими союзниками бакритов-христиан отступили к Оллейсу³¹ и вновь запросили у шаханшаха военной помощи. Бахману Джадуе было приказано соединиться с ними и дать отпор Халиду. Кроме бакритов союзниками персов в этот раз стали христианские отряды племен тайм-аллат, дубей'а и местных арабов Хиры. Численность ополчения была довольно значительной, но, несмотря на это, иранское командование не решалось начать сражение. Бахман передал войско правителю Оллейса дехкану Джабану, а сам отбыл в столицу для совещания

с шаханшахом и придворными. Джабану было рекомендовано оттягивать начало сражения до подхода новых подкреплений из Ктесифона. Сражение началось неожиданно по инициативе мусульман: Халид с двадцатитысячным войском обрушился на противника, когда персы расположились на обед. После ожесточенного боя победа вновь досталась мусульманам и их союзникам.

Причин очередного поражения персов и арабов-христиан было несколько. Главная заключалась в тактическом превосходстве арабов-пустынников над оседлыми персами и арабами (внезапность нападения, освобождение от тяжелых вещей перед боем)³². Халид удачно использовал и разногласия в стане противника. По сообщению Табари, на стороне шахского войска было несколько арабских племен, возглавляемых своими вождями (историк перечисляет и названия племен, и имена их вождей). Но в этой огромной массе многоязыкого воинства не было единства. О характере отношений между союзниками можно судить по сообщению Бал'ами, который пишет о том, что бакриты-христиане не приняли участия в сражении, когда узнали, что армия персов осталась без главнокомандующего и была передана местному дехкану³³. В данном случае, возможно, имела значение личность Халида: прославленному «мечу божью» должен был противостоять достойный противник, обладающий равными заслугами. Из сообщения Балазури и краткой версии рассказа у Табари следует, что главным действующим лицом события был не сам Халид, а его полководец Мусанна ибн Хариса, который и выиграл сражение на «реке крови»³⁴. Между победителями и населением Оллейса был заключен договор о безопасности.

Выиграв сражение на «реке крови», мусульманские отряды беспрепятственно вторглись в Амгишйу, центр округа, в пределах которого находилась крепость Оллейс, и подвергли его и окрестности страшному опустошению. По преданию, сам халиф Абу Бакр был недоволен на этот раз жестокостью своего полководца³⁵.

После Амгишйи наступила очередь Хиры. Покорению этой области отведено достаточно места в сочинениях Табари, Бал'ами, Ибн ал-Асира и Балазури³⁶. Это и понятно, так как Хира была главным опорным пунктом Сасанидского государства западнее Евфрата, охраняя внутренние области Ирака. В Хире была резиденция марз-

бана. Узнав об участии Амгишйи и приближении Халида, марзбан Азадбех сделал необходимые приготовления к сражению. Он выслал вперед своего сына с отрядами, а сам расположился лагерем за воротами города. Ударная часть войска Халида (его кавалерия) с восначальником во главе двигалась вверх по берегу Фурат Бадаклы, одного из рукавов Евфрата, который начинался в окрестностях Хиры. Пехота, добыча и все тяжелые вещи мусульманского войска были погружены на суда, которые в это время стояли в нижней части Фурат Бадаклы и от Амгишйи должны были подняться к Хире. Но персы перекрыли рукав Евфрата в самом его начале и направили воды по другому руслу, так что весь флот Халида шел на мель. Задержка судов не остановила арабов. Они сумели разбить передовые отряды персидского войска, которыми командовал сын марзбана, разрушили плотину, перекрывавшую Фурат Бадаклу, и дали возможность подойти своим судам. Азадбех, узнав о поражении отрядов сына, покинул без боя свой лагерь и поспешил в Ктесифон. Перед лицом грозного противника население Хиры могло рассчитывать исключительно на свое собственное мужество и на защиту крепостных стен. Защитники укрепились в четырех замках: Каср ал-Абйад, Каср ал-Гарайин (или Каср ал-Адасийин), Каср Бану Мазин, Каср Ибн Букайла ³⁷.

Халид немедленно начал осаду. Из ультимативного требования мусульман — принять ислам, платить дань (налог) либо приготовиться к бою — хирцы предпочли сражение. Против легкого оружия мусульман крепостные стены были неуязвимы. После ряда коротких кровопролитных стычек арабоязычное население Хиры, которое состояло из «чистокровных» арабов и ассимилированного местного населения ³⁸, запросило мира на условиях выплаты контрибуции и ежегодного подушного налога. Инициатором переговоров христиан Хиры с завоевателями выступило духовенство (священники и монахи) окрестных монастырей, которое сильно пострадало от грабежей. Как сообщает Бал'ами, после Хиры местные дехканы тоже прекратили сопротивление и сохранили свои замки, уплатив значительную контрибуцию ³⁹. Первое покорение Хиры имело место в месяце раби 1 12 г. х. (май—июнь 633 г.) ⁴⁰.

Внушительным успехам мусульманских войск в нижнем Междуречье способствовало сложное внутривосточное

ческое состояние Сасанидского государства, которое в начале 633 г. вылилось в ожесточенную борьбу за власть между представителями царствующей династии. В борьбу включилась высшая придворная и провинциальная знать, и каждая группировка выдвигала своего претендента на трон. Плутство, интриги, фактический сепаратизм загромодили на время основную внешнеполитическую задачу — борьбу с военной экспансией ислама.

В сражениях при Валадже, Оллейсе и Хире, как известно, не участвовали главные силы шахского войска: Бахман не поддерживал Андарзгара, он же затем передал командование марзбану (при Оллейсе), а сам вернулся в столицу; наконец, Азадбех, марзбан Хиры, оставил область на произвол судьбы. В источниках эти загадочные действия иранских полководцев преимущественно объясняются силой мусульманского войска, против которой сасанидские части не решались открыто выступить. И только потом в хрониках появляются упоминания о том, что визиты военачальников в столицу совпадают по времени с дворцовыми событиями и имеют к ним прямое отношение. О напряженности борьбы придворной знати свидетельствует тот факт, что в течение года до воцарения Йездигерда на престоле сменилось несколько шаханишахов. Последним в ряду этих правителей был Фаррухзад ⁴¹. При Шируйе он был еще мальчиком, поэтому избежал смерти. На престол позднее он был посажен против своей воли, так как в государственных делах не разбирался и вообще считался слабоумным ⁴². По-видимому, управлением занималась знать, которой удалось поддерживать своего ставленника в течение шести месяцев. Ни о каком единстве державы в то время не могло быть и речи.

В конце 632 или в начале 633 г. вельможи Фарса провозгласили царем Йездигерда сына Шахрийара и затем двинули войска на Ктесифон. Они одержали победу. Фаррухзад был убит, и трон занял шестнадцатилетний Йездигерд III ⁴³.

Отнятая у Сасанидов Хира стала на некоторое время базой мусульманских войска на Востоке (на Евфрате). Из своей резиденции Халид руководил пограничными гарнизонами и рассылал уполномоченных для сбора дани. Естественным рубежом, отделявшим арабов от персов, служил Сиб, один из протоков. Отряды «правителей гра-

ниц» переправлялись на судах через Евфрат и грабили плодородные районы на правом берегу Тигра ⁴⁴.

У Баникйи, крепости в области Хиры, мусульманский отряд был встречен персидскими всадниками, которые обстреляли противника стрелами. После гибели своего командира они обратились в бегство. Баникйа, как и многие другие крепости в Ираке, подчинилась Халиду, добившись милости мусульман ценой уплаты дани ⁴⁵. Вскоре владения Халида простирались от ал-Фалалидж до Оболлы.

Как уже говорилось выше, план захвата Ирака (Вавилонии) предусматривал одновременное движение мусульман и их союзников с юга на север. Местом встречи Халида и Ййада должна была стать Хира. Но если Халиду с самого начала сопутствовала удача, то его северный союзник попал в весьма затруднительное положение, оказавшись в окружении враждебных арабских племен (таглибитов и намиритов), которые поселились на северной окраине Сирийской пустыни, вдоль среднего течения Евфрата. О действиях отрядов Ййада хроники умалчивают; по-видимому, здесь мусульмане были обречены на бездеятельность. Связь с Мединой неоднократно нарушалась, приходилось рассчитывать на свои собственные силы.

За два месяца пребывания в Хире Халид собрал дань и налоги со всей области и по приказу халифа выступил на помощь Ййаду. Наместником был назначен Ка'ка ибн Амр, вождь тамимитов, Мусанна ибн Хариса стал во главе мусульманского войска Хиры, противостоящего силам персов, расположенным южнее Ктесифона ⁴⁶. Армия Халида, двигаясь вдоль западного берега Евфрата, сделала небольшую остановку в Кербеле, потом выше по течению пересекла реку и осадила крепость Анбар (Пероз Шапур). Анбар находился на стыке пустыни Джазиры (верхней Месопотамии) с плодородными землями Вавилонии. Пустыня подступала к городу и с запада, за Евфратом. В системе оборонительных сооружений в Вавилонии, построенных при первых сасанидских царях (в основном при Шапуре II — IV в.) и возродившихся при Хосрове I Ануширване (вторая половина VI в.), Анбар был самой северной точкой и долго сохранял свое стратегическое значение. Установлено, что город был защищен крепостными стенами и глубоким ровом, тогда как вокруг Хиры археологи не

обнаружили следов крепостной стены. В Анбаре Сасаниды сосредоточивали свои войска перед походом на Византию⁴⁷. В Анбаре же были царские житницы; до упразднения Лахмидского царства со столицей в Хире оттуда поставлялось продовольствие подданным и союзникам вассального царя Ну'мана⁴⁸. По составу населения это был преимущественно арабский город, как и Хира.

Гарнизон Анбара состоял из отрядов арабов-христиан и регулярных частей иранского войска. Во главе обороны был поставлен Ширзад, правитель Сабата, в то время «самый умный из персов»⁴⁹. Общая картина сражения вырисовывается следующим образом. В начале боя мусульмане ограничивались обстрелом противника из луков. Несмотря на меткость своих лучников⁵⁰, арабам не удавалось достичь тактического превосходства, пока они находились за рвом и не имели возможности добраться до городских стен. Когда же ров в узком месте частично был перекрыт трупами убитых верблюдов, мусульмане и их союзники благополучно преодолели преграду и начали штурм. Вероятно, натиск был настолько силен, что Ширзаду и его свите стало очевидно, что город не удержать. Тогда Ширзад предложил Халиду мир на условиях, которые тот счел для себя неприемлемыми. При повторном обращении предложение было принято. Ширзаду было разрешено вывести из города свои войска, что он и сделал. Иранский полководец двинулся в направлении столицы, где в двух фарсангах от Ктесифона стояли главные силы иранской армии, которой командовал Бахман Джадуе.

Подчинение Анбара датируют сентябрем 633 г.⁵¹ С населением мусульмане заключили мирный договор. Затем была подчинена вся округа Анбара.

Иранская пограничная крепость Айн ат-Тамр была расположена юго-западнее Анбара, там, где плодородные земли Ирака сменяются Сирийской пустыней. Глабб локализует ее местом современного селения Шитата. По другим сведениям, древний Айн ат-Тамр находился примерно в ста двадцати километрах западнее Кербелы, на месте современного города с тем же названием⁵². Гарнизон Айн ат-Тамра состоял из регулярных частей шахского войска, которыми командовал Михран сын Бахрама Чубина, и ополчения местных христианских арабов во главе с Аккой ибн Абу Аккой.

Оставив Зибрикана наместником в Анбаре, Халид выступил на Айн ат-Тамр. С самого начала между персами и их союзниками возникло разногласие относительно того, кому первому встретить противника. Акка сумел убедить Михрана в том, что против арабов могут воевать только арабы, и добился разрешения выступить без персов⁵³. Михран со своими всадниками остался в крепости. В пути арабы-христиане были встречены мусульманским войском. Акка был захвачен в плен, его отряды обратились в бегство, не оказав сколько-нибудь значительного сопротивления⁵⁴. При получении известия о поражении Михран оставил крепость. Остатки войска Акки, в котором кроме арабов были и неарабы, укрылись за крепостными стенами и держались несколько дней. Затем они попросили мира. Халид отклонил все выдвинутые условия и потребовал, чтобы осажденные сдались на милость победителя⁵⁵. Они сдались. По приказу Халида был убит Акка, затем — Амр ибн ас-Са'ик, другой военачальник арабов. Несмотря на мольбы о помиловании, были истреблены все защитники крепости. Халид даровал жизнь лишь сорока христианским ученикам, найденным в одной из церквей. Он разделил их между своими военачальниками. Все имущество города было разграблено. Завершение своей кампании в Ираке Халид отметил чрезмерной жестокостью.

Дальнейшие действия этого полководца переносятся в соседние области Сирии и на западные границы Византийской империи и поэтому здесь не являются предметом специального изучения. Тем не менее стоило бы остановиться на Думат ал-Джандале, так как средневековая традиция иногда связывает с этим местом еще несколько триумфов Халида в Вавилонии.

Итак, оставив наместника в Айн ат-Тамре, Халид повел отряды на запад, где в оазисе Думат ал-Джандал другой мусульманский предводитель, Ийад, безуспешно осаждал крепость арабов-язычников. На помощь осажденным пришли их кочевые единоплеменники и союзники из пустыни, и войско Ийада само оказалось во враждебном кольце. Поражение мусульман было предотвращено прибытием Халида, проделавшего многодневный путь от Евфрата в сердце Сирийской пустыни. После тяжелого сражения мусульмане одержали верх. Значительная часть пленников была казнена.

Ход военных действий в Думат ал-Джандале описан средневековыми историками примерно одинаково, лишь с небольшими вариациями. Это дает основание заключить, что событие, о котором идет речь, действительно имело место. Разногласия источников возникают при локализации Думат ал-Джандала. Табари и Ибн ал-Асир, не указывая местоположение крепости, все же представляли ее где-то в Сирии, что видно из перечисления названий племен, которые пришли на помощь осажденным: бахра, калб, гассан, танух, заджа'им⁵⁶. Бал'ами помещал Думат ал-Джандал где-то между Ираком и Бахрейном, т. е. юго-восточнее Ирака (Вавилонии); для устранения противоречия между собой и первоисточником, каковым была для него работа Табари, персидский автор опустил названия племен, упомянув вскользь, что это были те арабы, которые однажды были уже разбиты мусульманами⁵⁷.

Путаница в локализации вызвана тем обстоятельством, что уже во времена Йакута название «Думат» имели три населенных пункта: один — возле Дамаска, другой — недалеко от Хиры и третий, Думат ал-Джандал, — в северной части Аравийского полуострова, на прямом пути из Медины в Дамаск⁵⁸.

Не всегда четкое представление источников о сирийском маршруте Халида и существование трех различных населенных пунктов с одинаковым названием (или почти с одинаковым) долгое время служили достаточным основанием для перенесения события из Думат ал-Джандал в окрестности Хиры (Думат ал-Хира). Предположение Де Гуйе нашло поддержку у Н. А. Медникова и затем у Л. Каэтани⁵⁹. Эта же точка зрения отражена и в новом издании «Энциклопедии ислама»⁶⁰. В свою очередь, Дж. Глабб, не объясняя своей точки зрения, считает, что Халид из Ирака двинулся через Думат ас-Сирхан⁶¹.

Оставляя в стороне вопрос о направлении сирийского похода Халида, мы склонны предполагать, что написание Думат ал-Джандал в первой версии рассказа Табари вряд ли случайно и нет необходимости заменять его формой Думат ал-Хира по следующим причинам:

а) названия племен, с которыми пришлось сразиться Халиду, свидетельствуют скорее о расположении крепости на юге Сирии, нежели у Хиры;

б) поход на Думат ал-Джандал был мотивирован требованием халифа прийти на помощь мусульманскому вое-

начальнику Ийаду, который оказался в окружении враждебных племен;

в) пересечь значительную часть пустыни не представило для мусульман и их союзников особых трудностей, так как событие происходило в конце 633 г., поздней осенью;

г) дальнейшая активизация действий иранских войск в Ираке, как будет видно из последующего изложения, объяснялась, по-видимому, уходом отрядов Халида из Хиры.

Отсутствием Халида воспользовались арабы Джазиры, разгромленные прежде при Айн ат-Тамре, которые призвали на помощь регулярные отряды шахского войска. Два персидских полководца, Зармихр и Рузбех, выступили из района нынешнего Багдада на Анбар и стали угрожать крепостям Хусайд и Ханафис, расположенным на подступах к городу. По просьбе Зибрикана, наместника в Анбаре, Ка'ка (наместник в Хире) выслал два отряда для их защиты. Здесь персы были остановлены. Мусульмане получили новые подкрепления из Хиры, ими командовал сам Ка'ка. В бою под Хусайдом объединенное шахское войско потерпело поражение, военачальники погибли. У Ханафиса стояли лагерем резервные отряды Махбудана. Узнав о поражении персов, он без боя отступил в крепость Музайях и соединился со своими арабскими союзниками, во главе которых стоял Хузайл ибн Имран. Там мусульмане снова одержали победу, используя элемент внезапности: они напали на противника с трех сторон глубокой ночью. Хузайл с немногими единоплеменниками избежал резни.

При описании событий, связанных с последними подвигами мусульман в Ираке, Табари (а через него Бал'ами и Ибн ал-Асир) пользовался источником, который вновь вводит в повествование личность Халида. Но если раньше прославление «меча божия» оправдывалось личным участием его во многих сражениях у Евфрата, то теперь такой прием кажется сомнительным из-за присутствия полководца в другом месте. Маловероятно, чтобы Халид, пройдя больше половины пустыни в западном направлении (из Айн ат-Тамра в Думат ал-Джандал)⁶², стал бы совершать обратный путь без приказа халифа. В том, что Халид вернулся в Хиру, сомневался уже Балазури⁶³. В тех же источниках, которые приписывают пол-

ководцу командование мусульманскими войсками в Ираке, его действия обрисованы слишком схематично, что заставляет усомниться в их подлинности.

Для истории первых мусульманских завоеваний в Ираке характерно, что разгромленные отрядами Халида и его союзников войска персов и арабов-христиан не рассеивались по пустыне, а отступали, пополняя гарнизоны крепостей, которым еще предстояло выдержать натиск. После Музайаха (Мусайаха по Табари) остатки войска «язычников» устремились к Синйу (или Санйу) и Зумайлу (Бишр), гарнизонами которых командовал таглибит Раби'а ибн Буджайр. Местонахождение этих крепостей определяется следующими данными. По сведениям Табари и Ибн ал-Асира, Зумайл и Синй были расположены где-то восточнее Русафы ⁶⁴. Этот древний и средневековый город помещают обычно в 4 фарсах (25 км) южнее Евфрата ⁶⁵. Бал'ами определял расстояние между Музайахом и упомянутыми выше крепостями двумя дневными переходами ⁶⁶. Где-то между Музайахом и этими крепостями на небольшом удалении друг от друга находились три населенных пункта (Хауран, Ранак и Хама), в которых мусульманские отряды сделали остановку ⁶⁷, а уже оттуда подошли к позициям противника.

Первым был атакован и взят ночью Синй. Защитники города вместе с Раби'ой ибн Буджайром были истреблены. Мусульмане увели оттуда пленных (главным образом женщин и детей), захватили добычу. Та же участь постигла и Зумайл; мусульмане и их союзники напали на крепость прежде, чем ее защитники узнали о поражении при Синье. Среди убитых были Аттаб, командовавший гарнизоном Зумайла, и Хузайл, которому удалось спастись после разгрома при Музайахе ⁶⁸.

Из Зумайла (Бишра) мусульмане повернули к Рузабу, гарнизоном которого командовал сын Акки, убитого при Айн ат-Тамре. Оставленный своими соратниками, военачальник покинул город и ушел с отрядом в пределы Византии.

Преследуя таглибитов на их собственной территории, мусульмане подошли к пограничному городу Фираду, который, как свидетельствуют Табари и Ибн ал-Асир, был расположен на стыке Сирии, Ирака и Джазиры ⁶⁹. По-видимому, они взяли город без боя. Против них вы-

ступило византийско-арабско-сасанидское войско. Арабским ополчением племен таглиб, ийад и намир командовал бежавший в Сирию Хилал ибн Акка. Он привел с собой и отряды императора, к которым примкнули части шаханшахского войска. Эта разноязыкая армия перешла Евфрат ниже лагеря мусульман. На левом берегу реки она была полностью разгромлена. Число убитых «неверных» источники определяют в сто тысяч (вероятно, эта цифра преувеличена). Время сражения датируется серединой месяца зу-л-жа'да 12 г. х./январь 634 г. ⁷⁰.

После ухода Халида в Думат ал-Джандал действиями мусульманских отрядов, воевавших в основном против христианских арабов Джазиры и Ирака, руководили два полководца — Ка'ка и Абу Лейли. Персы в этих операциях выступали небольшими силами (отряды Зармихра, Рузбеха, Махбудана), скорее как союзники арабов, нежели самостоятельное войско. Главная часть армии шаханшаха была сосредоточена у Бех Ардашира—Ктесифона и контролировала часть территории в нижнем Междуречье, где ей противостояло войско Мусанны. Как известно, он был назначен Халидом для охраны восточной границы мусульманских владений в Ираке (Саваде). У Табари сохранился любопытный рассказ о том, как Халид под предлогом усиления отрядов Мусанны ветеранами—сподвижниками пророка пытался оставить в Ираке лиц, с которыми он не сумел поладить. Но Мусанна настоял на том, чтобы их заменили, и тот должен был выполнить его требование ⁷¹. По причине небольшой численности своего войска Мусанна всячески уклонялся от решающего боя с превосходящими силами противника и предпочитал обычную для него тактику внезапных налетов на отдельные населенные пункты, которую применил еще при совместном походе с Халидом (нападение на «рынок Багдада»). Однако он произвел и необходимые приготовления на тот случай, если персы решатся дать бой. В частности, Мусанна заменил некоторых военачальников, поставив вместо них близких к себе людей: новые должности получили два его брата, одному из которых он поручил охрану границы вдоль канала (протока) Сиб ⁷².

Реакция иранского командования на уход части мусульманских войск в Сирию была довольно определенной. Как уже говорилось выше, в район среднего течения Евфрата были посланы отряды Рузбеха, Зармихра и Мах-

будана. Очевидно, после неудачи экспедиции в Джазиру персы снарядили хорошо оснащенное десяти тысячное войско ⁷³, которое выступило против Хиры с целью ликвидировать силы мусульман, непосредственно угрожавшие столице. На этот раз командование было поручено Хормузду Джадуйе, вероятно, брату Бахмана Джадуйе, проявившего персентильность в кампании против Халида. Для устрашения бедуинов в войско были включены боевые слоны. Получив от пограничных гарнизонов известие о приближении противника, Мусанна выступил из Хиры и пересек Евфрат. У развалин древнего Вавилона войска персов и арабов встретились.

В описании военных действий подробности отсутствуют. Мусанне с несколькими храбрецами удается ослепить и потом убить одного слона. Это подняло боевой дух арабов, после чего они атаковали иранцев и захватили их лагерь. В приведенном рассказе Табари заслуживают внимания сведения о командирах фланговых подразделений. Мусанна поручил фланги своим братьям Му'анне и Мас'уду ⁷⁴, вероятно, для того, чтобы в ответственный момент избежать межплеменных и межродовых разногласий. Имена иранских военачальников, сопровождавших Хормузда Джадуйе, не названы, но упомянуты их должности (или титулы): одним флангом командовал *хукбад* ⁷⁵, другим — *каукбад* ⁷⁶. Первый титул понятен — «глава свиней», или же, если вместо «вав» читать «ре», он может означать «главу харага», налогового чиновника. Второй при такой же конъюнктуре можно прочесть как *карукбад* — «глава ремесленников». Опущение имен этих должностных лиц может указывать на глав низшего, податного сословия. Это, в свою очередь, характеризует социальный состав иранского войска: значительную часть в нем составляли крестьяне и ремесленники. Пренебрежительное отношение к собственному воинству чувствуется и в тоне письма шаханшаха, которое он будто бы направил Мусанне: «Я послал против тебя войско из диких персов, истинно, они — пастухи кур и свиней» ⁷⁷.

После победы у Вавилона весной 634 г. положение войска Мусанны заметно укрепилось. Арабы могли теперь свободно контролировать почти всю Вавилонию до Тигра на востоке и Персидского залива на юге. Но, хотя иранцы и не нападали пока, занятые междоусобной борьбой в столице, возможность нового наступления на арабов не

исключалась. Непродолжительный период затишья Мусанна использовал поэтому для пополнения войска свежими силами. Табари сообщает даже о поездке полководца в Медину, куда он отправился, оставив наместником в Хире Башира ибн ал-Хасасийу, одного из асхабов Мухаммеда; начальником гарнизонов был назначен араб из племени иджл⁷⁸. В связи с тем что значительная часть мусульманских войск и их союзников в это время была сосредоточена в Сирии, куда несколько раньше ушел и Халид, возможность пополнения иранских отрядов людскими резервами была крайне ограничена. И тогда Мусанна попытался в первую очередь добиться от халифа разрешения привлечь к военным действиям мусульман тех арабов, которые еще совсем недавно отступили от ислама, были подавлены силой, а теперь выразили «раскаяние» и готовность принять участие в дальнейших походах мусульман⁷⁹.

Абу Бакр был тяжело болен, он умер 23 августа 634 г., и вопрос о пополнении иракской армии мусульман Мусанне пришлось решать с Омаром ибн ал-Хаттабом. Новый халиф оказался тем человеком, который смог дальше развить успехи ислама. С одобрения Омара в Ирак были посланы отряды под командованием нового военачальника Абу Убайда. С провозглашения Омара халифом начался следующий этап завоеваний в Ираке.

Организация новой военной экспедиции была сопряжена со многими трудностями, потребовалось немало усилий для того, чтобы набрать добровольцев. Часть мусульман выражала недовольство по поводу смещения Халида с поста командующего сирийской армией и потому осталась безучастной к призыву⁸⁰. Кроме того, поход на Иран казался большинству из окружения халифа бесперспективной затеей. Однако Мусанне удалось, по-видимому, убедить мухаджиров и ансаров в слабости Сасанидского государства и заставить их уверовать в мощь собственной армии; вскоре он был усилен отрядом в тысячу добровольцев⁸¹. Динавари говорит о пятитысячном войске⁸².

Командование этим сравнительно небольшим ополчением было поручено сакифиту из Таифа Абу Убайду ибн Мас'уду, который не принадлежал к числу сподвижников пророка и до того времени оставался в неизвестности. Не исключено, что выбор халифа объяснялся тем, что

Абу Убайд был первым добровольцем, пожелавшим riskнуть жизнью ради интересов ислама в Месопотамии. Но, может быть, предпочтение, оказанное простому бедуину, было вызвано специфическим составом ополчения: подавляющее большинство добровольцев было сакифитами. Отряд Абу Убайда должен был влиться в десяти тысячное войско Мусанны.

Мусанна не стал ждать выступления подкреплений и поспешил возвратиться в Хиру, так как сложившаяся на месте обстановка была не в пользу мусульман. Командующим всей иранской армией, которая противостояла арабам, был назначен правитель Хорасана Рустам сын Фаррухзада, известный как своими воинскими доблестями, так и активным участием в придворной борьбе за шаханшахский трон⁸³. На новом посту он начал с подготовки анти-арабского восстания в Вавилонии (Саваде), разослав в города и селения⁸⁴ своих агентов для ведения пропаганды среди местного населения. Костяком движения должны были стать дехканы, которым Рустам обещал помощь отрядами регулярной армии.

В Нижнем Бех Каваде, остапе, расположенном по нижнему течению Евфрата⁸⁵, восстал Джабан, один из влиятельных дехканов Ирака, который до похода Халида был наместником в Оллейсе. Он сразу же получил поддержку местного населения, и вскоре восстали все рустики Евфрата⁸⁶. Волнения в городах сопровождались пожарами, и наместники Мусанны вместе с гарнизонами вынуждены были уйти за Евфрат, в Хиру⁸⁷. Положение оказалось настолько неблагоприятным для мусульман, что Мусанна счел за лучшее отвести войска к Хаффану, расположенному юго-западнее Хиры, на краю пустыни, и стал ждать подхода отрядов Абу Убайда. Когда Абу Убайд с ополчением (в котором кроме первоначальной тысячи добровольцев было еще несколько тысяч бедуинов, примкнувших к нему во время похода) прибыл в Хаффан, Мусанна принял командование над объединенным войском мусульман и их союзников и после короткого отдыха двинулся на крепость Намарик⁸⁸. Там находился военный лагерь Джабана. Кроме ополчения в состав его войска были включены, очевидно, и некоторые части регулярной армии.

О ходе сражения сведений не сохранилось. Известны имена военачальников Мусанны и Джабана. Правым флан-

гом Джабана командовал Гушнасиммах, левым — Марданшах. «И Аллах прогнал персов». Удар пришелся, вероятно, на центр и левый фланг сасанидского войска. Джабан и Марданшах попали в плен. Первому удалось откупиться и этим получить спасение, второй был убит.

Одновременно с Джабаном в своей вотчине в Кашкаре поднял восстание Нарсе, двоюродный брат (сын тетки) Хосрова Парвиза. Кроме Зендаварда его поддержало население трех округов: Барусмы, Нахр Джаубара и Заваби⁸⁹. Не решаясь открыто сразиться с мусульманами, он обосновался в крепости Сакатийа и стал ждать исхода битвы Джабана с арабами. К Нарсе примкнула часть беженцев после поражения при Намарике, в основном рядовые воины, знать же бежала в лагерь Рустама⁹⁰. Ожидалось также прибытие отряда правительственных войск, но мусульмане первыми подошли к стенам крепости. В бою на равнине новое иранское ополчение было разгромлено. Вместе с Нарсе сражались на флангах два сына Бистама — Биндой и Тирой. Лагерь Нарсе и его имения были разграблены. Арабы захватили большое количество продовольствия. В составе добычи оказалась и казна Нарсе. За участие в восстании Абу Убайд обрушился на округа Нахр Джаубар, Барусма, Заваби и Зендавард. Арабы разрушили Зендаверд и угнали в плен жителей. Население соседних округов поспешило заключить мир и откупилось.

Между тем войско, которым командовал Джалинос⁹¹, посланный на помощь Нарсе, остановилось на расстоянии одного фарсанга от Сакатийи, в одном из селений⁹² округа Барусмы. Отряды Абу Убайда начали бой прежде, чем персы были к нему готовы, и те вынуждены были отступить. Джалинос возвратился к Рустаму, а Абу Убайд, завершив формальное покорение Савада, вернулся в Хиру, где он мог чувствовать себя в большей безопасности.

Разгром иранских ополчений заставил шаханшаха направить против мусульман хорошо оснащенное регулярное войско, в состав которого были включены боевые слоны. Командующим иранскими силами был назначен опытный полководец Бахман Джадуйе (арабоязычные источники называют его еще Бахманом зу-л-Хаджибом)⁹³. Его в этом походе сопровождал Джалинос, которого, как сообщает предание, Рустам насильно вернул в Ирак, чтобы он оправдался за поражение персидских отрядов.

Войска противников остановились на берегах Евфрата: персы — в Кусс ан-Натифе, мусульмане и их союзники — на правом берегу, в местечке Марваха. Район будущих военных действий в источниках локализуется очень хорошо. Лагерь арабов располагался несколько севернее Хиры ⁹⁴, напротив стоял лагерь иранского войска. Персы предложили противнику выбор: кому перейти Евфрат. Несмотря на возражение своих соратников, Абу Убайд принял решение перейти реку по мосту. Хотя по договоренности персы отошли на некоторое расстояние, арабы оказались на узкой полоске земли, невыгодной в тактическом отношении: впереди был противник, сзади — Евфрат. Бой начали персы. Они выставили в авангарде боевых слонов, защищенных к тому же, как сообщает ранняя версия сочинения Бал'ами, броней. Появление этих грозных животных вызвало сумятицу в мусульманском войске. И хотя арабы оказали ожесточенное сопротивление, их участь была решена. Абу Убайд был раздавлен слоном. После его гибели командование принял его брат Хакам, а затем — еще несколько родичей Абу Убайда: место одного убитого сакифита занимал другой его соплеменник. В разгар сражения один из сакифитов разрушил мост, чем вызвал окончательную панику в рядах мусульман. От полного истребления их спас Мусанна ибн Хариса, который со своим отрядом сдерживал натиск противника, пока восстановили мост и остатки войска сумели отступить на правый берег Евфрата.

Битва при Кусс ан-Натифе, закончившаяся разгромом халифского войска, произошла в октябре—ноябре 634 г. (ша'бан или рамадан 13 г. х., как свидетельствуют источники) ⁹⁵. Данные о потерях (персы якобы потеряли шесть тысяч убитыми, арабы — четыре тысячи), которые дают источники, малоубедительны: потери победившей стороны, вероятно, завышены.

Бахман Джадуйе имел намерение перейти Евфрат и преследовать противника, но получил сообщение о восстаниях против Рустама и Перозана и вынужден был вернуться в столицу государства ⁹⁶. Поражением мусульман воспользовался Джабан. Он выступил вслед за отступающим трехтысячным войском Мусанны и догнал его в районе Оллейса. Здесь персидское ополчение было разбито, военачальник во второй раз попал в плен. Арабов поддержало на этот раз население Оллейса. Джабан

и другие военнопленные персы были обезглавлены ⁹⁷.

Несмотря на победу над Джабаном, Мусанна не мог оправиться от поражения при Кусс ан-Натифе и не решился вернуться в Хиру, а ушел на запад от Евфрата, где стал пополнять войско окрестными бедуинами. Его лагерь находился где-то на границе Вавилонии и пустыни, о чем свидетельствует само название местности — Мардж ас-Сибак (солончаковый луг) ⁹⁸. О страшном поражении халифских войск стало известно и в Медине (эту весть принесли халифу беженцы войска Абу Убайда и посланец Мусанны), и Омар стал собирать силы для нового наступления на Ирак.

Подготовка военной экспедиции была сопряжена с определенными трудностями. Откликнувшись на призыв Омара, бедуинские племена Аравии предлагали свои услуги в Сирии, где военное превосходство мусульман закрепилось их недавними победами. Кроме того, для баджилитов, кинанитов и аздитов Сирия была родиной их предков, как об этом сообщают источники Табари ⁹⁹. Прошло немало времени, прежде чем удалось набрать ополчение и послать его на помощь Мусанне. Промежуток между поражением Абу Убайда и новой экспедицией в Ирак Балазури со ссылкой на Абу Михнафа определяет в один год ¹⁰⁰. И здесь он ближе к истине, чем Табари, который считал, что новый поход был организован через месяц после Кусс ан-Натифа (хотя Табари по-прежнему излагает события более подробно и в логической последовательности). В самом деле, трудно себе представить, чтобы большое разноплеменное ополчение можно было собрать так быстро, особенно если этому предшествовало поражение.

Склонить бедуинов к походу в Ирак удалось, лишь пообещав им дополнительную плату сверх той доли военной добычи, которая принадлежала им по праву. В разных источниках размер вознаграждения варьируется. Костяком ополчения стало племя баджила во главе с Джариром ибн Абдаллахом. Примечательно, что он был назначен командующим по требованию соплеменников вместо своего предшественника, который происходил из другого племени ¹⁰¹. Осенью 635 г. войско североарабских племен выступило в Ирак. В районе Бувайба, расположенного неподалеку от Аколы (Куфы), оно встретилось с войском

Мусанны, который прибыл туда из Мардж ас-Сибеха, пополнив свои ряды добровольцами из числа окрестных арабов-христиан. Общая численность мусульман и их союзников, сосредоточенных на западном берегу Евфрата, достигла тридцати тысяч ¹⁰². Такая большая армия арабов была послана в Ирак впервые, что свидетельствовало о серьезности намерений халифа.

Персидское войско, предводительствуемое вельможей из Хамадана Михраном Хамадани ¹⁰³, остановилось на восточном берегу Евфрата в местности Басусйа. Так как мусульмане отказались перейти на противоположный берег, Михран, как сообщают источники, принял решение переправиться через Евфрат. Персы подчинились приказу военачальника и закрепились в местности Шумийа (другое название Дар ар-Ризк, что значит «дом продовольствия», продовольственный склад?) ¹⁰⁴, оказавшись в непосредственной близости от вражеского лагеря. Повествование Табари дает ряд интересных деталей ¹⁰⁵, но по нему трудно представить развитие событий. Картина развернувшегося сражения описана в кратком рассказе Бал'ами. Персы начали наступление тремя колоннами, впереди каждой выступал боевой слон (оставшиеся слоны частично были перебиты в сражении у моста, частично умерли от ран). В первой атаке иранцы взяли верх, и ряды халифского войска дрогнули. В этот критический момент Мусанна ввел в бой двухтысячный отряд христианских союзников. Юноше-таглибиту удалось выследить Михрана и убить. Оставшись без военачальника, персы обратились в бегство. Один из мусульман разрушил мост, чтобы не дать противнику отступить за Евфрат. Но эффект получился противоположный. Желая, видимо, вывести отряды из окружения, новый военачальник Пероз двинул их прямо на преследователей и вызвал замешательство среди них. Победа досталась мусульманам очень дорогой ценой ¹⁰⁶.

Сражение при Бувайбе следует датировать, очевидно, ноябрем 635 г. (месяц рамадан 14 г. х.). 14 г. х. называют Балазури и Йа'куби, Табари — рамадан 13 г. х. Датировка Балазури кажется более надежной, хотя он и не подтверждает своего высказывания о том, что только через год после Кусс ан-Натифа состоялся новый поход в Ирак. Эту задачу выполнил за него Табари, подробно перечислив в рассказах те многочисленные арабские племена, которые

были посланы халифом, и те, которые привлек Мусанна. Создается впечатление, что дата, указанная Табари, находится в противоречии с повествованием о длительной и тщательной подготовке военной экспедиции ¹⁰⁷.

Убедительная победа при Бувайбе вновь, как и во времена Халида, сделала мусульман и их союзников фактическими хозяевами нижнего Междуречья: они контролировали все округа восточного присвфратья, на север их власть простиралась до Айн ат-Тамра. Серьезное сопротивление арабам было оказано лишь у стен Сабата, которому удалось устоять, но окрестные селения и крепости местных дехканов были опустошены ¹⁰⁸.

На юге Ирака господство мусульман простиралось до Оболлы. Источники упоминают о том, что арабский военачальник двинул отряды в южные округа Вавилонии — Мешан и Дашт Мешан ¹⁰⁹. Оба округа располагались, по-видимому, западнее р. Тигр и Шатт-эль-Араба, хотя в некоторых источниках встречаются попытки отнести Дашт Мешан (Дашт Майсан арабских источников) к территории, примыкающей к Тигру с востока ¹¹⁰. Возможно, на географические сведения Кудамы оказало влияние современное ему административное деление Ирака.

Временный перевес сил после Бувайба дал Мусанне возможность вернуть те земли по среднему течению Евфрата, которые раньше были завоеваны и утрачены мусульманами. С этой целью он оставил в Хире преемника, а сам во главе войска выступил на Анбар. Город, защищавшийся иранским гарнизоном, после небольшого сопротивления сдался. По сообщению Динавари, марзбан Пусфаррух сдал город, получив защиту и покровительство Мусанны, кроме того, он обещал арабскому полководцу починить разрушенный мост через Евфрат и дать проводников ¹¹¹. Этот поход арабов назван у Табари вторым завоеванием Анбара ¹¹².

На некоторое время Анбар становится базой для организации новых походов войска Мусанны. Оттуда арабы совершают набеги на рынки в Ханафисе и Багдаде. В качестве добычи они увозят шелк, золотые и серебряные изделия. В Ханафисе мусульмане взяли в плен стражу из местных арабов, охранявшую купцов в ярмарочные дни. Как сообщает Бал'ами, количество вывезенных из Багдада товаров достигло почти тысячи верблюдов ¹¹³.

Обогадившись имуществом купцов, отряды Мусанны возвратились в Анбар.

Следующей задачей Мусанны стало покорение таглибитов и намиритов Джазиры, которые еще не присоединились к завоевательным походам, в лучшем случае сохраняли нейтралитет, но чаще проявляли враждебность по отношению к мусульманам. Известно два похода против арабов-христиан. Сначала Мусанна послал два отряда в Кабас против таглибитов. Но те, извещенные о готовящемся нападении, оставили город. Однако не всем удалось спастись. Мусульмане настигли отступающее войско, многие таглибиты были убиты. Новый поход был предпринят в местность Сиффин, получившую название от развалин римского города Сапфина. Ее населяли намириты и таглибиты. Как и в случае с Кабасом, мусульмане застали Сиффин пустым: население, переправившись через Евфрат, ушло в степи Джазиры ¹¹⁴. Вероятно, позже оно вернулось, так как в том же рассказе снова говорится о нападении на Сиффин и о жестокой расправе над пленниками, учиненной по приказу военачальников Мусанны. Предание повествует о том, что во время расправы победители напоминали жертвам о временах джахилии ¹¹⁵. Безусловно, в данном случае имело место проявление давней межплеменной распри, хотя источник пытается изобразить это иначе: Утайбе и Фурату, виновникам казней, удается оправдаться перед халифом обычной отговоркой, что в действиях их не было мести за старые обиды.

Мусанна, отделившись у Сиффина от своих соратников, напал с отрядом на караван, который принадлежал жителям Даба и Хайрана. Мусульмане перебили стражу, оставив в живых трех таглибитов. Один из них указал местонахождение лагеря своих соплеменников (название местности не упоминается), и вечером отряд Мусанны совершил нападение; взрослые мужчины были перебиты, дети взяты в плен. Таглибиты были из рода Зу-р-Рувайхала. После этого Мусанна совершил рейд к берегам Тигра; у Такрита он настиг перекочевавшие туда враждебные ему бедуинские племена и разгромил их. Затем он вернулся в свою ставку, в Анбар ¹¹⁶.

Одновременно с успешными действиями отрядов Мусанны в Джазире и независимо от них продолжалось завоевание южной части Ирака — областей вдоль русла

Тигра — Евфрата. Подробный рассказ о событиях сохранился у Балазури и Динавари. Один из арабских полководцев в нижнем Междуречье, Сувайд ибн Кутба Иджли, обратился непосредственно к халифу Омару с просьбой прислать дополнительные отряды. Вскоре из Медины выступило двухтысячное войско, предводительствуемое Утбой ибн Газваном Мазини¹¹⁷, вождем племени науфал ибн абд манаф и одним из соратников Мухаммеда. Распоряжением халифа Сувайду предписывалось примкнуть к войску Утбы. Основная задача этого похода состояла в захвате Обоиллы и ее окончательном подчинении. Захват укрепленного сасанидского порта в устье открывал арабам путь в Хузистан, что лишало их противников в Саваде (Вавилонии) помощи из южных областей Ирана¹¹⁸.

Утба ибн Газван прибыл в окрестности Обоиллы и стал лагерем на развалинах древнего поселения (Хурайба). Здесь им была основана Басра. Временный военный лагерь впоследствии был превращен в укрепленный город. Войско Утбы было размещено «в палашах и палатках»¹¹⁹. В поисках новых пастбищ войско Утбы продвинулось немного дальше на восток, и там было усилено отрядом Харсамы ибн Арфаджа из Бахрейна¹²⁰. Обоилла была осаждена и взята штурмом. В руки арабов попала важная гавань, куда заходили морские суда из Омана, Бахрейна, Парса, Индии и Китая¹²¹. Мусульмане овладели богатой добычей, в том числе золотом и серебром; увели много пленных. О крупной победе арабов было немедленно доложено халифу.

Дальнейший ход событий у Балазури и Динавари изложен примерно одинаково: у того и у другого совпадают названия населенных пунктов, но несколько различается последовательность событий. Трудно сказать, которая из двух версий предпочтительнее; в данном случае это и не столь важно, поскольку речь идет о завоевании крепостей, отстоящих недалеко друг от друга. После Обоиллы Утба ибн Газван напал на Порат (Фурат, Вахман Ардашир), расположенный неподалеку от позднейшей Басры¹²², и подчинил его силой оружия. Затем арабы выступили на Мазар (у Динавари — сначала Мазар, потом Фурат), где в ожесточенной схватке одержали верх над войском марзбана. Многие иранцы утонули в реке при отступлении, марзбан попал в плен и был обез-

главлен. Сасанидские отряды потерпели поражение и на левом берегу, в Дашт Мешане. По версии Динавари, они обратились в бегство, получив известие о гибели марзбана; Балазури причину отступления иранского войска видит во внезапности нападения мусульман: те атаковали прямо с марша, не дав противнику возможности развернуть свои боевые порядки. Та же стремительность принесла арабам победу и в Абар Каваде, другом округе на восточном берегу Тигра ¹²³.

Несмотря на успехи, удержать земли за Тигром оказалось нелегко, и Утба вернулся в Басру, откуда он начал завоевания и которая отныне становится постоянным лагерем мусульманского войска. Датировкой событий может служить упоминание о строительстве хижин и мечети из тростника, предпринятое в 14 г. х./635-36 г. ¹²⁴. Утба ибн Газван, возвращаясь в Медину, хотел оставить вместо себя в Басре одного из вождей бедуинов, но по настоянию халифа наместником стал Мугира ибн Шу'ба, представитель оседлых арабов. В бытность свою на этом посту Мугира продолжил завоевания к востоку от Тигра, подчинил Мешан, подавил восстание в Абар Каваде.

636 год был отмечен активизацией антиисламского движения в Ираке на всем протяжении от Такрита на севере до залива на юге, что еще раз подтвердило неустойчивый характер успехов мусульман в этом районе. Численность отрядов халифа была явно недостаточна для того, чтобы контролировать всю завоеванную территорию. И после ряда успешных боев, разделив добычу и захватив пленных либо взяв дань с населения округов, которые подчинились добровольно, мусульмане возвращались за Евфрат, туда, где они чувствовали себя в большей безопасности. На этот раз выступление было особенно мощным: восстание населения Савада было поддержано частями регулярного иранского войска. Под давлением обстоятельств Мусанна и его отряды вынуждены были оставить Анбар и Хиру и отступить к границам пустыни, ибо «стали неверными люди Савада, как те, что имели с ним договор, так и те, кто не заключал с ним договора» ¹²⁵. Мусульмане прибыли в местность Тафф и расположились единым лагерем в районе Зу-Кара ¹²⁶. Положение арабского гарнизона в Басре было более прочным, несмотря на то что завоеватели, очевидно, потеряли все свои приобретения восточнее Тигра — Евфрата.

Здесь им противостояло лишь местное ополчение, вооруженное пиками. Балазури, хорошо осведомленный о военных действиях в районе Басры и об основании там военного поселения мусульман, ни разу не упоминает о том, что город был сдан персам. Неизвестно об этом что-либо и Динавари.

Усиленную консолидацию антиарабских сил в Ираке ряд средневековых мусульманских авторов объясняют тем, что якобы только тогда власть в государстве Сасанидов перешла к законному шаху Йездигерду, которому удалось подавить внутренние смуты и вновь объединить страну¹²⁷. Кажущееся противоречие между неверной датой коронации Йездигерда III и вполне логичным заключением об объединении страны легко устраняется, если иметь в виду, что основным источником по истории арабских завоеваний для Табари и его предшественников являлась устная традиция, восходящая в конечном счете к свидетельству очевидцев событий, а не к современным сасанидским летописям. Лицом, заслуживающим доверия, мог быть только мусульманин, т. е. кто-либо из тех арабов, которые прибыли с войском халифа или его союзников. Как участник сражения, он отлично пересказывал все, что видел и слышал, как иноземец — имел самое приблизительное представление о том, что творилось в соседнем враждебном государстве. При таком положении вещей хронологический сдвиг был просто неизбежен: об усилении или ослаблении противника становилось известно сразу по исходу сражений, а результаты придворной борьбы не всегда были ясны и для подданных собственной державы.

Средневековые авторы правы, когда они говорят об объединении земель сасанидского Ирана вскоре после Бувайба. И объединиться местных правителей под властью единого шаханшаха заставила опасность перед общим врагом, который доказал свою силу рядом блестящих побед, а не любовь к законному отпрыску Сасанидов. Известно, что Йездигерд III был провозглашен шаханшахом в 633 г. (может быть, в конце 632 г.). От имени шестнадцатилетнего царя царей управлял регент¹²⁸. Несмотря на прекращение междоусобиц, страна не представляла уже единого целого, о чем свидетельствует собственно иранский материал. Монеты первых лет правления Йездигерда почти неизвестны. Это означает, что его

власть на значительной части территории Ирана игнорировалась; для консолидации сил понадобилось несколько лет.

О трудном положении мусульман Мусанна известил письмом халифа. Как сообщает со слов своих предшественников Сайф, главный источник Табари по ранним завоеваниям, Омар в качестве первого шага предложил полководцу с целью сохранения сил рассредоточить арабские гарнизоны «между водами» и набирать в войско только добровольцев¹²⁹, которые одни и могли противостоять шаханшахским отрядам. Под пограничными «водами» подразумевались, по-видимому, многочисленные вadi, начинавшиеся в предгорье и кончавшиеся в долине Междуречья; в осенние и зимние месяцы они изобиловали водой. Мусанна оставался в Зу-Каре; другие его отряды расположились лагерями в населенных пунктах ал-Джулл (ал-Халл), Гудай (Гудда), Салман, Шараф. Местоположение первого определить трудно; Гудай можно отождествить с современной Джабал Санам, так как в тексте Ибн ал-Асира дается пояснение, что «Гудда — это гора Басры»¹³⁰, а на археологической карте Ирака Джабал Санам — единственная возвышенность неподалеку от Басры (примерно в 35 км к юго-западу от старой Басры); Салман — это, вероятно, Нукрат Салман на археологической карте¹³¹. Шараф, как считает Йусуф, находился в 84 милях (ок. 140 км) от Кадисии. Таким образом, отряд Джарира ибн Абдаллаха в Гуде располагался в непосредственной близости от басрийского гарнизона Мугиры ибн Шу'бы и мог оказывать ему всяческую поддержку. Несмотря на успехи персидских войск, практически все правобережье Шатт-эль-Араба к югу от Басры осталось под контролем мусульман.

Со своей стороны, халиф принял все необходимые меры для того, чтобы собрать и послать в Ирак свежие силы. Всем наместникам было приказано как можно быстрее отправить добровольцев в Медину. «И те, которые находились посредине между Мединой и Ираком, пришли к нему (Омару) в Медину, когда он возвратился из хаджа, а кто был ближе к Ираку, те примкнули к Мусанне ибн Харисе»¹³².

Некоторую сложность представлял вопрос о назначении командующего ополчением. Войско выразило готовность отправиться только с халифом, а в рядах его

ближайшего окружения единого мнения не было. В конце концов Омар решил остаться в Медине. Организация похода была поручена Са'ду ибн Абу Ваккасу, одному из самых первых сподвижников Мухаммеда, проявившему себя еще в сражениях с участием пророка; к моменту назначения он отвечал за сбор садаки с мусульман Наджда ¹³³.

Из Медины Са'д выступил с четырехтысячным ополчением, которое включало как воинов, так и их семьи. Три тысячи были из Йемена и Сарата, тысячу всадников привел Са'д с собой, когда прибыл в Медину ¹³⁴. Судить о точной численности довольно трудно, так как половина ополчения пожелала пойти в Сирию, и Омар вынужден был их отпустить. Однако есть сведения о том, что в войско Са'да были включены и другие южноарабские племена, кроме йеменских ¹³⁵. Вслед Са'ду ибн Абу Ваккасу из столицы были посланы дополнительные отряды йеменцев и надждитов, и по прибытии в Заруд (или Зуруд), расположенный примерно в 600 км от Медины, его войско увеличилось до 8 тыс. ¹³⁶. Са'д прибыл в Заруд в начале зимы на исходе 14 г. х. (очевидно, в январе 636 г.) и расположился там лагерем ¹³⁷. Длительная (не менее трех месяцев) стоянка имела следствием пополнение войска еще семью тысячами добровольцев из племен тамим, асад и рубби. Асадитам было приказано сосредоточиться у границ своих кочевий между Са'дом и Мусанной ¹³⁸.

В это время в распоряжении Мусанны ибн Харисы было сравнительно большое войско, рассредоточенное вдоль всей ирано-арабской границы. Оно насчитывало восемь тысяч раби'итов и четыре тысячи йеменцев ¹³⁹. Мусанна умер от ран, полученных в сражениях, и командование перешло к его соратнику Баширу ибн ал-Хасийе.

Весной Са'д с войском прибыл в Шараф и соединился с отрядами Башира. Сасанидской армии противостояло теперь тридцатитысячное ополчение мусульман. В Шарафе Са'д разделил его на десять боевых групп, каждая из которых должна была выполнять определенную задачу, назначил командиров этих групп и произвел другие назначения ¹⁴⁰. Материал средневековой хроники дает здесь ценные сведения для суждения о военной организации арабов, но вопрос этот требует специального изучения. В этой связи упомянем лишь названия десяти

частей мусульманского войска, из которых складывались боевые порядки:

- а) ал-мукаддама (авангард);
- б) ал-маймана (правое крыло);
- в) ал-майсара (левое крыло);
- г) ал-калб (центр);
- д) ас-сака (арьергард);
- е) ат-талаи' (небольшие конные подразделения, используемые в целях разведки);
- ж) ар-раджл (пехота);
- з) ар-рукбан (караван верблюдов, используемый для перевозки грузов);
- и) ал-муджаррада (резервный отряд всадников, вооруженных пиками, предназначенный для выполнения специальных задач, в частности, для усиления слабых участков);
- к) ал-мурабийя (отряд лучников).

В обзорных и специальных работах по истории военного искусства отмечается факт существования на средневековом Востоке пятичленного деления войска (авангард, центр, правое крыло, левое крыло, тыл), причем без указания на источники утверждается, что подобная схема заимствована у арабов ¹⁴¹. В «Мукаддима» Ибн Халдуна, автора XIV в., целесообразность деления войска на пять формирований обосновывается необходимостью более оперативного управления армией, когда численность ее составляла многие тысячи; при этом Ибн Халдун прямо указывает, что такая практика существовала и в «древних» государствах и известна по иранским и византийским источникам ¹⁴². Здесь виден прямой намек на заимствование мусульманами военной организации персов и греков. В этой связи не случайным кажется и то, что противоборствующие под Кадисией армии Рустама и Са'да включают одинаковые подразделения, хотя их число и более пяти ¹⁴³. С организацией войска в Византии и сасанидском Иране пограничные арабы могли познакомиться за долгие годы несения воинской повинности в пользу императора и шаханшаха.

Приведенный у Табари перечень десяти воинских формирований свидетельствует как будто о более сложной военной организации арабов. Но в списке обязательно присутствуют пять основных элементов, остальные пять (отряд разведки, пехота, верблюды, резервный отряд

копьеносцев, лучники) могли быть приданы либо более крупным подразделениям либо находились в непосредственном ведении главнокомандующего, выполняя свою задачу самостоятельно ¹⁴⁴. Вероятно, идеальная пятичленная схема организации мусульманского войска в своем законченном виде сформировалась несколько веков спустя после образования Арабского халифата, и именно такой ее представлял Ибн Халдун. У ранних же мусульман, как свидетельствуют тому многочисленные примеры, в значительной степени была живуча родоплеменная традиция участия в сражениях, согласно которой мужчины одного рода (племени) составляли отдельную боевую единицу. Поэтому при любых заимствованиях у соседей количество самостоятельных подразделений в раннемусульманском войске диктовалось прежде всего естественной необходимостью и не обязательно могло равняться пяти.

Опыт ведения войны в Ираке подсказал мусульманам некоторое изменение тактики. Местом для решающего сражения должна была стать граница между плодородной землей Вавилонии и каменистой степью арабов. Пустыня могла спасти кочевников в случае поражения. В Шарафе войско Са'да пополнилось отрядом Мугиры ибн Шу'бы (по одним данным, в пятьсот, по другим, — в тысячу воинов). После этого передовые части заняли Узайб, расположенный примерно в 6—9 км от Кадисии ¹⁴⁵, которая была в руках иранцев. О передвижениях сасанидской армии почти ничего неизвестно. Имеются свидетельства о сосредоточении иранских войск в окрестностях Хиры ¹⁴⁶. Но главные силы персов оставались в районе сасанидской столицы. Полководец Рустам длительное время находился вместе с основными силами и не предпринимал никаких действий против мусульман. Источники называют еще одного иранца, Азадмарда сына Азаббега, которому как марзбану Хиры было поручено командование пограничными гарнизонами Вавилонии. В Кадисии он оставил вместо себя араба, потомка свергнутого рода Лахмидов, в обязанности которого входило переманивание бакритов ¹⁴⁷. Нападение на Кадисию отряда Му'анны ибн Харисы положило конец его деятельности.

Историческая традиция, донесенная передатчиками, сообщает о переписке халифа Омара со своим полковод-

цем Са'дом. В одном из писем халиф приказывает ему нанести удар в районе Кадисии, которая имела значение «ворот Ирана» в Сирию ¹⁴⁸. Этот важный населенный пункт источники локализуют между оборонительным рвом, вырытым еще при Шапуре II-«заплевнике», и притоком Атик, впадавшим в древнее русло Евфрата ¹⁴⁹. Несмотря на запущенность оборонительных сооружений на западной границе Ирана, и в начале завоеваний они сохранили военное значение. Наиболее укрепленным был участок границы в районе Кадисии.

Стоянка в Узайбе и Кадисии на небольшом удалении от противника давала мусульманам возможность совершать рейды вдоль границы. В районе Джауфа неподалеку от Хиры арабы напали из засады на свадебный кортеж, убили начальника отряда охраны, захватили большую добычу: драгоценности, гарем и прислугу ¹⁵⁰.

Иранское войско было сосредоточено между Ктесифоном и Хирой, районы южнее Хиры и севернее Ктесифона были защищены слабее, что давало мусульманам возможность грабить окрестности. Главной целью грабежей был угон скота ¹⁵¹. Во власти местной знати оставались только крепости, а вся округа была разграблена. В этих условиях вельможи Савада обратились к шаханшаху за срочной военной помощью, сопроводив свою просьбу угрозой, что, если помощь задержится, они вынуждены будут поддержать мусульман ¹⁵².

Сложность обстановки требовала от сасанидской администрации принятия быстрых и решительных мер в сочетании с искусной дипломатией. Йездигерд и его ближайшее окружение настаивали на генеральном сражении, в котором должны были участвовать все военные силы государства. Полководец Рустам, лучше других представлявший истинные размеры опасности, советовал дать несколько последовательных сражений, чтобы тем самым измотать противника и устранить угрозу столице. Но, повинувшись приказу, он стал стягивать войска в Сабат, расположенный юго-западнее Ктесифона, чтобы оттуда выступить в направлении Кадисии, навстречу Са'ду.

Между тем в сасанидскую столицу было направлено посольство из четырнадцати соратников Са'да. Об этом факте сообщают Табари, Балазури, Йа'куби, Бал'ами, Ибн ал-Асир, т. е. почти все авторы-мусульмане, писавшие о завоеваниях. Изложение переговоров изобилует

массой подробностей (у Табари особенно), но они дают только представление о красноречии и остроумии арабов и опрометчивости шаханшаха и его советников. Тенденциозность заслоняет здесь суть: чего же добивались противоборствующие стороны. Мусульманские историки сводят мотивы конфликта к отказу иранской стороны от принятия ислама. Может показаться странным, но ясное представление о позиции арабов на переговорах дает «Шах-наме». Главы, посвященные последним Сасанидам, в особенности глава о Йездигерде III, написаны Фирдоуси наиболее реалистично. В них мотивы прославления иранских царей и доблести иранского оружия все чаще уступают место рассуждениям о тленности бытия, неотвратимости гибели царствующей династии. Эти грустные рассуждения появляются у автора при описании внутри- и внешнеполитических трудностей, социальных потрясений. О сути переговоров с арабами мы узнаем из письма полководца Рустама к брату: арабы готовы поделить с шаханшахом земли от Кадисии до Евфрата и требуют предоставить им «коридор» к одному из торговых центров в Междуречье для осуществления торговых операций, и не более того; они не будут претендовать на корону, ограничиваясь сбором пошлин и дани; однако все это — только слова, замечает Рустам, и за ними последуют непрерывные войны¹⁵³. В отредактированном арабском переводе «Шах-наме», выполненном Бундари в начале XIII в., смысл соответствующего отрывка подлинника почти не изменен: «Они (арабы. — А. К.) просят, чтобы мы поделили с ними землю и чтобы им досталось то, что за Евфратом, а нам — то, что до него, чтобы мы открыли им путь к рынку и они бы входили туда и торговали»¹⁵⁴. Таким образом, на переговорах был затронут вопрос о территориальных уступках арабам, на что иранская сторона своего согласия не дала. Переговоры не привели к положительным результатам, и компромиссному миру Йездигерд предпочел сражение.

Грабительские набеги на культурные области Вавилонии после переговоров еще более участились. Они не ограничивались уже ночными нападениями на пограничные земли, отряды кочевников просачивались в глубь территории Вавилонии, нанося большой ущерб сельскому населению. Немногочисленные отряды марзбана Хиры были не в состоянии защитить местное население от гра-

бежей. В результате настойчивых просьб населения шаханшах ускорил выступление главных сил. Из Сабата в срочном порядке был послан сорокатысячный авангард под командованием Джалиноса, которому было приказано вступать в бой только по приказу Рустама: главнокомандующий всячески оттягивал момент решающей битвы. Фирдоуси объясняет это неблагоприятным расположением светил, в тайну которых был посвящен Рустам, но, очевидно, опыт подсказывал полководцу, что предстоящее сражение в корне будет отличаться от предыдущих.

Джалинос выступил в направлении Хиры и стал лагерем в Наджафе. Остальное ополчение — центр, правое и левое крыло, где находился Рустам, — двигалось следом за авангардом. Движение армии замыкал аррьергард, насчитывавший двадцать тысяч воинов. Источники расходятся в определении общей численности иранской армии. По данным Руфи, численность иранского ополчения, прибывшего по призыву Йездигерда III с разных концов государства (Хамадана, Исфахана, Рейя) в Кадисию, составляла около ста тысяч. Один из рассказов Табари сообщает о ста двадцати тысячах; другой рассказ, восходящий к Айипе, называет шестидесятитысячное войско персов; наконец, по сведениям Ибн Исхака, шестьдесят тысяч составляли только кадровые военные, учтенные в «диване войска», их сопровождали еще «помощники» и рабы¹⁵⁵. Учитывая склонность мусульманских историков к преувеличению численности «неверных», мы полагаем, что иранское ополчение было ненамного больше арабского, хотя о более точных цифрах говорить не приходится.

Выступая в поход, Рустам обратился с призывом ко всей иранской знати, в том числе к своему брату марзбану Биндувану, приводить в порядок крепости и сплотиться для отпора врагу¹⁵⁶.

Основные силы иранского войска во главе с Рустамом следовали через Кусу, Бурс, Дайр ал-А'вар и далее вдоль левого берега Евфрата на Хаварнак¹⁵⁷. Когда авангард переместился южнее и оказался между Паджафом и Сайлахином, Рустам прибыл в Наджаф¹⁵⁸. О том, насколько медленно развивались события, свидетельствует то, что от выступления Рустама из Ктесифона до начала сражения с Са'дом прошло четыре месяца¹⁵⁹.

Дальнейший маршрут армии Рустама хорошо известен; она двигалась на юг и по мере продвижения оказывалась изолированной двумя водными преградами: с востока — течением Евфрата, с запада и юга — потоком Атик, связывавшим Евфрат с Джауфом. Отряды Джалиноса продвинулись до Тайзапабада (или Тизапабада), оттуда вплотную подошли к Атику, оказавшись в непосредственной близости от передовых частей мусульманского войска, которыми командовал Зухра ибн ал-Хавийа. Вслед за персидским авангардом подошли и остальные части ¹⁶⁰.

В ходе передвижения армии Рустам произвел некоторые перемены среди военачальников: так, Зу-л-Хаджиб был назначен командиром конного резервного отряда вместо Кинары, а Перозану были поручены подразделения разведки, тогда как раньше он командовал отрядами арьергарда ¹⁶¹. Очевидно, такая перестановка прежде всего учитывала личные качества военной знати.

Рустам произвел смотр иранского войска, оценил в какой-то степени возможности мусульманского ополчения, авангард которого находился на западном берегу Атика совсем рядом, а остальные силы располагались в Кудайсе, на удалении одной мили; очевидно, какие-то сведения он получил от «языка», захваченного разведкой. Неопределенность обстановки заставила полководца искать перемирия если не для того, чтобы прийти к мирному соглашению, то для того, чтобы выиграть время и лучше расположить свои силы и освоиться с местностью. Длительность переговоров с послами Са'да разные авторы определяют по-разному. Их показания колеблются сроком от трех дней до одного месяца. В течение этих бесперспективных переговоров Рустам встречался с Зухрой, а после него — еще с шестью приближенными Са'да, из них первые три приходили по одному.

После того, как сторонам не удалось договориться (иранская знать категорически отвергла принятие ислама, равно как не могла представить себя на положении данников полунищих арабов; в то же время бедуины, за плечами которых было столько выигранных сражений, не соглашались более на уступки сасанидской монархии, так как отказ от политики завоеваний возвращал их в прежнюю зависимость от шаханшаха или византийского императора), встал вопрос о том, кому следует перейти Атик, чтобы начать сражение. Мусульманские послы

настаивали на том, чтобы этот шаг сделали персы, и Рустам согласился. Он отказался от их предложения воспользоваться для переправы мостом, который контролировали мусульмане, и приказал строить в другом месте плотину¹⁶². Напротив Кудайса, где расположился центр мусульманского войска, в течение ночи персы построили плотину через Атик, применив в качестве строительного материала землю, тростник и седла, и начали переправу¹⁶³. Они заняли западный берег протока, охранявшийся прежде авангардом противника, и стали разворачивать боевые порядки.

В боевом положении войско Рустама представляло собой линию, вытянувшуюся вдоль Атика. В центре на троне находился сам полководец. Между центром и правым флангом, которым командовал Хормузан, расположились части авангарда во главе с Джалиносом. Левый фланг отделялся от центра войска отрядом Перозана. Ополчение персов было усилено отрядом боевых слонов: восемнадцать слонов было сосредоточено в центре, остальные пятнадцать (восемь и семь) защищали оба фланга¹⁶⁴. О численности иранской армии, состоявшей из конных и пеших частей, можно судить по упоминанию о шестидесяти тысячах наемников. Многие из них были прикованы цепью, чтобы пресечь всякую возможность к отступлению. У того же Табари мы встречаем и другую цифру — тридцать тысяч¹⁶⁵. Впервые в арабских источниках, повествующих о завоеваниях, мы находим свидетельство о существовании постоянной почтовой связи между шаханшахом и его полководцем, которая осуществлялась посредством пеших гонцов, посты которых были примерно на одинаковом расстоянии друг от друга между Ктесифоном и Кадисией¹⁶⁶.

Мусульманское войско было расположено под стенами крепости Кудайс и вдоль древнего оборонительного рва, отделявшего арабов от пустыни. Между Кудайсом и Атиком было немногим более полутора километров. Таким образом, две мощные военные силы находились на расстоянии видимости от противника¹⁶⁷. Боевой строй арабов во многом был похож на иранский, как уже говорилось выше. Са'д был главнокомандующим арабского войска, но из-за болезни или по другим причинам непосредственное руководство сражением поручил своему наместнику Халиду ибн Урфуте. Это вызвало возмущение у части военачальников, и их удалось умиротворить с тру-

дом. Непримиримых противников Халида ибн Урфуты Са'д вынужден был заточить.

Мусульманская историческая традиция отводит много места описанию подготовки к сражению, согласно ей, Са'д разослал в отряды авторитетных лиц, храбрецов и поэтов, которые бы своим присутствием и яркой речью поддерживали боевой дух воинов¹⁶⁸. Возможно, аналогичные приготовления имели место и в иранской армии, но подробности неизвестны. Не останавливается на них и «Шах-наме».

Военные действия начались после полуденной молитвы, на которой верующим была прочитана сура «война» (сура «добыча»). Сигналом к началу атаки арабов послужило троекратное повторение такбира (возгласа «Аллах велик»!). По мусульманским источникам, сражение открылось единоборством витязей, в первом же поединке был обезоружен, а затем взят в плен ведьможа из рода Сасанидов Хормузд¹⁶⁹. Тогда иранцы выпустили против арабов племени баджила почти половину боевых слонов, на которых сидели стрелки из лука. Вступление в бой целых подразделений начало вторую фазу сражения. Эффект атаки слонов был так велик, что только помощь племени асад спасла баджилитов от полного истребления. Теперь удар был перенесен на асадитов. Иранские отряды возглавили Джаалинос и Зу-л-Хаджиб, за слонами двинулась конница. Чтобы предотвратить разгром, Са'д произнес четвертый такбир, послуживший сигналом начала третьей фазы сражения, когда в бой вступают основные силы¹⁷⁰.

Несмотря на опыт предыдущих сражений против персов, когда и раньше приходилось иметь дело с боевыми слонами, арабы долго не могли ничего противопоставить этой грозной силе: вид слонов, которых на этот раз было много, наводил ужас на арабскую конницу, и персидские лучники из паланкинов осыпали противника градом стрел¹⁷¹. Положение атакованных было критическим, пока им на помощь не подоспели тамимиты¹⁷². Одни кошками поражали лоботы слонов, другие — стрелки из лука — расстреливали персидских лучников. Перелом произошел тогда, когда наступающие увлеклись преследованием и оказались в гуще противника. Атака иранцев была сорвана, и они стали отступать. Бой продолжался до наступления сумерек, после чего обе стороны вернулись на исходные позиции.

Первый день битвы получил название «йаум Армас», очевидно, по названию населенного пункта, где схватка была наиболее жестокой.

Утро следующего дня стороны посвятили освобождению поля от убитых и раненых. Мусульмане передавали раненых женщинам, убитых хоронили в долине Мушаррик, расположенной между Узайбом и Айн ан-Шамсом ¹⁷³. Тогда же на помощь арабам прибыл из Сирии отряд численностью в 6 тыс. (по другим источникам, 10 тыс.) воинов, присланный халифом после взятия Дамаска ¹⁷⁴. Авангард в тысячу всадников, которым командовал тамимит Ка'ка ибн Амр, появился уже утром и в полдень, когда военные действия возобновились, вступил в бой. В этот день в одиночных поединках с иранской стороны погибли Бахман Джадауйс (Зу-л-Хаджиб), Биндуван (брат Рустама), командующий подразделениями разведки (они же начинали всякое большое сражение), Перозан, несколько других знатных иранцев ¹⁷⁵. Тактическое превосходство перешло к арабам, и они атаковали чаще, чем иранцы, так как основная ударная сила сасанидского войска — боевые слоны — не могла быть применена: многие слоны были изранены в предыдущем сражении, а специальные приспособления для лучников, откуда они вели стрельбу, разломаны. В свою очередь, мусульмане соорудили некоторое подобие паланкинов на верблюдах. Вид необычных животных наводил ужас на персидскую конницу. Приток сирийских подразделений, который не прекращался до вечера, поднимал моральный дух арабов. Они атаковали центр сасанидского войска и нанесли ему значительный урон. Боевые действия были остановлены с наступлением темноты. Второй день сражения получил название «йаум ал-агвас» — «день помощи».

Арабская историческая традиция, восходящая к источникам Сайфа ибн Омара, отдает должное доблести отдельных мусульманских предводителей в «день помощи», но, как нам кажется, чрезвычайно преувеличивает заслуги Ка'ка ибн Амра, приписывая ему тридцать поединков, в которых он якобы одержал верх. Это преувеличение, вызванное неумеренной апологией тамимитов, в данном случае снижает ценность информации Сайфа.

Утро третьего дня началось тем же, что и утро второго. На бранном поле шириной в одну милю, разделявшем противников, лежало две (по другим данным, две с по-

ловишой) тысячи мусульман и десять тысяч «неверных»¹⁷⁶. У арабов вынос раненых и убитых осуществлялся специальным отрядом; раненых направляли женщинам, чтобы те за ними ухаживали, убитых хоронили в могилах, заранее вырытых женщинами и подростками. Иранцы, очевидно, заботились только о раненых, мертвые же оставались лежать на поле боя¹⁷⁷.

Бой начался, как обычно, с единоборства, но о нем мы ничего не знаем. Источники на этот раз очень скупы: либо эта начальная фаза сражения продолжалась недолго и, в общем, ничего не решила, либо она закончилась не в пользу мусульман. Вместе с тем довольно подробно описываются детали обманного маневра, предпринятого арабами для устрашения противника и поднятия духа своего войска¹⁷⁸. Суть маневра состояла в том, что прибывшие накануне из Сирии части авангарда Ка'ка под покровом ночи увел в тыл, а рано утром на горизонте они появились со стороны Хаффана. И персы и арабы приняли их за свежие подкрепления. С прибытием первой сотни (за которой следовала вторая, за ней — третья и так далее) мусульмане вознесли хвалу Аллаху и пошли в наступление. Одиночные поединки сменились сражением подразделений. В течение дня подошел отряд из Сирии, предводительствуемый Хашимом, в котором было семьсот воинов; он подходил последовательными группами, в каждой из них было по семьдесят воинов.

Иранское войско Рустама вновь пополнилось боевыми слонами. К утру третьего дня они заняли свое место в боевых порядках, но теперь животных охраняли не только лучники, которые на них сидели. Слонов сопровождали пешие воины и всадники, чтобы во время атаки мусульман не давать противнику поражать наиболее уязвимое место — хобот. Предосторожность, подсказанная результатом первого дня сражения, имела и свою обратную сторону: боевой слон, находясь под опекой, терял боевые качества и становился ручным¹⁷⁹. Эффективность применения этой грозной ударной силы сасанидского войска снижалась и потому, что арабы все-таки нашли способ поразить хобот и глаза двух главных слонов, которые в ярости повернули вспять и увлекли за собой остальных животных, вызвав панику в персидских отрядах¹⁸⁰. От верблюдов тоже было мало пользы: даже закованные в броню и кольчуги, они не могли избежать увечий и травм.

С обеих сторон были большие потери. Во второй половине дня к иранцам подошли подкрепления из Ктесифона. К вечеру бой приобрел характер всеобщей рукопашной схватки, но ни арабам, ни иранцам не удавалось добиться преимущества¹⁸¹.

Источники сообщают о том, что к концу дня персы изменили тактику. Не распыляя силы на одиночные и групповые стычки, они наступали по всему фронту тринадцатью линиями (цепями?), следовавшими одна за другой; на флангах линии загибались, образуя форму ушей. Арабы вынуждены были перестроить свои боевые порядки и образовали три линии: первую заняли всадники, во второй находилась пехота, вооруженная мечами и копьями, в третьей — лучники¹⁸². Они бросились в бой, не дожидаясь условного сигнала, и к третьему такбиру Са'да на местах удержались только «главы» (ар-ру'аса)¹⁸³.

Наступление почти противники встретили в боевых порядках. Сражение продолжалось в темноте, звон металла, по образному выражению участника событий, напоминал шум многих наковален. Событие развивалось своим ходом, без вмешательства Са'да или Рустама, так как всякая связь с ними была прервана¹⁸⁴.

Утром следующего дня бились из последних сил, и некоторое время все еще трудно было сказать, на чьей стороне перевес. Когда солнце поднялось выше, в лицо персам подул сильный западный ветер, обрушив на них тучи черной пыли. Ураганом был сорван и брошен в Атик навес над тронем Рустама. В очередной атаке мусульманам удалось расколоть центр иранского войска, тогда как фланги сохранили свои боевые позиции¹⁸⁵. Один из арабских отрядов пробился к ставке Рустама. Тот сделал неудачную попытку бежать, был настигнут и убит преследователями. Автору «Шах-наме» захотелось сделать из Рустама могучего витязя. По версии Фирдоуси, он погибает в поединке с Са'дом: иранский полководец низвергает врага на землю и сходит с коня, чтобы отделить ему голову от тела, но пыль застилает ему глаза; этим воспользовался Са'д и нанес Рустаму несколько смертельных ударов.

Гибель полководца вызвала смятение в иранском войске, и Джалипос, приняв на себя командование, отдал приказ переправляться на восточный берег Атика. Многие из иранцев утонули во время переправы или были добиты арабами. Наибольшие потери понесли части, в которых

воины были прикованы цепью: их добивали копьями. В руки мусульман попало государственное знамя Ирана, богато украшенное камнями, источники оценивают его в 1 млн. 200 тыс. драхм. Сравнительно небольшая часть иранского войска численностью в тридцать с лишним боевых единиц осталась на поле сражения с намерением выстоять либо умереть с честью. Добровольцами руководили восемь (по другим данным, семь) военачальников, в том числе Хормузан и Зад сын Бухейша. Против них был послан десяти тысячный отряд мусульман, который и одержал победу. Примерно половина иранских смельчаков погибла, другая под командованием оставшихся в живых военачальников вынуждена была покинуть боевые позиции и отступить ¹⁸⁶.

Одновременно другой отряд был послан в погоню за Джаалином. Иранский полководец был настигнут на пути в Наджаф и убит ¹⁸⁷. Ка'ке и Шурахбилу было приказано очистить поле от неприятельских воинов вдоль течения Атика. На место недавней битвы вышли специальные подразделения и стали выносить с поля убитых и раненых мусульман. Жены и дети воинов, не принимавшие участия в сражении, оказывали помощь тяжелораненым бедуинам и добивали оставшихся в живых иранцев. Потери последней битвы (только убитыми), которая продолжалась более суток, составили шесть тысяч арабов и десять тысяч персов, не считая тех, которые утонули во время переправы через Атик. Погибшие мусульмане были похоронены в Халдаке, в старом оборонительном рве ¹⁸⁸.

В вопросе датировки сражения при Кадисии мнения средневековых историков расходятся. Табари помещает его среди событий 14 г. х. В то же время он приводит мнение Ибн Исхака и «некоторых куфийцев», согласно которому битва имела место в конце 15 г. х. Наконец, Балазури, не указывая на источник, и Вакиди называют в этой связи 16 г. х. ¹⁸⁹. В данной ситуации для нас важно неоднократное упоминание о том, что кадисийская драма Ирана завершилась месяц спустя после победы арабов при Йармуке ¹⁹⁰. Из Йармука были посланы отряды для усилений арабского войска Са'да. Время битвы при Йармуке хорошо известно благодаря анализу Т. Нёльдеке, который сопоставил материал арабских хроник с данными сирийских источников. Это 20 абхара 947 г. селевкидской эры, соответствующее 20 августа 636 г., или 12 раджаба

15 г. х.¹⁹¹. Таким образом, битву при Кадисии правильнее всего датировать концом сентября 636 г. Это целиком согласуется с мнением Ибн Исхака, который в данном случае ссылается на свидетельство двух передатчиков старших поколений; первый из них является очевидцем и активным участником событий.

В течение двух месяцев после окончания битвы Са'д оставался в Кадисии. Пока войско отдыхало, он слал гонцов к Омару, ожидая распоряжений относительно будущих действий. Халиф счел нужным, чтобы мусульманское войско наступало в направлении Ктесифона, однако потребовал, чтобы женщины и дети остались в районе Атика¹⁹². Перспектива ведения военных действий на Востоке ставила арабов перед необходимостью преодолевать могучие водные преграды — реки Евфрат и Тигр, — пересекать множество каналов и вести боевые действия на незнакомой местности и в условиях, когда отступление было равносильно смерти, так как отступать было некуда. В такой ситуации присутствие в войске жен и детей ограничивало его мобильность и увеличивало риск гибели семей арабских воинов.

Выступление мусульман началось походом отряда Зухры, который спешил к Хире, где размещался иранский гарнизон Нахвергана. Последний, узнав о приближении арабов, не рискнул на оборону (слишком значительной была победа мусульман при Кадисии) и оставил город. Вслед за авангардом в район Хиры было послано еще несколько отрядов, с последним прибыл Са'д в конце шавваля 15 г. х. Победа при Кадисии качественно изменила состав мусульманского войска, большинство в нем теперь составляли всадники, так как в числе добычи мусульманам досталось много коней¹⁹³. После прибытия в Хиру частей Абдаллаха и Шурахбила Зухра со своим отрядом двинулся в Бурс, охраняемый подразделениями Васпухрака¹⁹⁴. В бою арабы одержали победу, раненный копьем Васпухрак отступил к Вавилону, где и умер от ран.

Вавилон, расположенный примерно на половине пути между Кадисией и Ктесифоном, на левом берегу Евфрата, стал местом сбора уцелевших после Кадисии остатков иранской армии; туда же прибыли оставшиеся в живых военачальники Нахверган, Хормузан, Михран из Рейя и другие¹⁹⁵. О сосредоточении иранских сил в районе Вавилона арабам стало быстро известно из-за предательства

дехкана Бурса. Зухра поспешил известить об этом Са'да, который выслал ему на помощь дополнительное войско из Хиры. С подходом подкреплений мусульмане перешли Евфрат по временному мосту, построенному (или починенному) для них дехканом Бистамом, и подошли к Вавилону.

С самого начала стало ясно, что иранские отряды не смогут долго противостоять мусульманам. Поэтому было решено обороняться небольшими группами и потом отходить в разные стороны. Сопротивление персов было сломлено и завершилось бегством. Хормузан счел за лучшее отступить в Хузистан, захватил там власть, распространив ее на Михраган-кадак, а Нахверган с Михраном отошли к Ктесифону. Из Бех Ардашира они перешли на левый берег Тигра и, оказавшись в другой половине столицы, разрушили мост ¹⁹⁶. Но, прежде чем остатки иранской армии достигли места назначения, арабы выслали погою в северном направлении, куда ушло большинство отрядов. Арабам удалось догнать тыловые части иранского войска в районе Суры, между Сурой и Дайром (букв. «монастырь») ¹⁹⁷, и разбить их; в бою погибли два иранских военачальника Фаррухан и Файуман.

В Кусе (более позднее — Имам Ибрахим) Нахверган с Михраном оставили часть войска для прикрытия отступления, поручив его Шахрийару, одному из дехкан. Этот иранский гарнизон покинул крепость после того, как Шахрийар пал в единоборстве с арабом. Передовой отряд Зухры вошел в город и оставался там до подхода остальных отрядов Са'да.

Следующей крепостью на пути арабов к персидской столице оказался Сабат. Он был взят без усилий, так как местный дехкан заключил мир с завоевателями и согласился на уплату джизьи. Сабат был последним остановочным пунктом арабского войска перед Бех Ардаширом, правобережной частью столицы.

К Бех Ардаширу мусульмане подошли в начале 637 г. и начали осаду, которая длилась не менее двух месяцев ¹⁹⁸. Одновременно с этим в районы между Тигром и Евфратом были посланы специальные части за добычей. Очевидно, цель набегов состояла не только в угоне населения, но и в пополнении запасов продовольствия. Гарнизон Бех Ардашира оказал завоевателям сильное сопротивление. Персы были защищены от возможного вторжения оборонительными рвами и валами. Они были вооружены ката-

пультами и другими боевыми машинами; избегая рукопашного боя, осыпали противника градом камней и стрел ¹⁹⁹. В ходе осады арабы тоже научились владеть катапультами, дехкан Сабата передал им двадцать этих машин. После одного из боев защитники крепости прислали парламептера, который от имени шаханшаха предлагал мусульманам мир на условиях передачи им всех завоеванных земель к западу от Тигра ²⁰⁰. Переговоры ни к чему не привели. Но вечером того же дня иранский гарнизон стал покидать город и переправляться на восточный берег, в Ктесифон. Ночью арабы вступили в Бех Ардашир. Одной из главных причин оставления Бех Ардашира иранскими отрядами был голод, который вынудил их есть конск и собак ²⁰¹.

Бех Ардашир был занят войском Са'да в марте 637 г. (месяц сафар 16 г. х.). В Нижнем (Старом) городе ²⁰² Са'д оставался по крайней мере несколько месяцев, не имея возможности двигаться дальше. От Верхнего города, восточной половины столицы, его отделяло течение Тигра, мост через реку был разрушен, а суда, на которых можно было переправиться, — угнаны иранцами к противоположному берегу. Срок пребывания мусульман в Бех Ардашире определяется в девять и даже в восемнадцать месяцев ²⁰³. По-видимому, ближе к истине первая цифра (в эти девять месяцев входит и время осады города), так как захват Ктесифона почти все историки датируют 16 г. х. Хронология Сайфа, который взятие Ктесифона относит почти к тому же времени, что и взятие Бех Ардашира, не выдерживает критики, так как опровергается свидетельством его же информаторов. Действительно, арабы на западном берегу Тигра искали способа переправиться на противоположную сторону и не смогли осуществить своих планов из-за отсутствия переправочных средств. Один из местных крестьян указал Са'ду брод, где могут перейти лошади; он находился, вероятно, выше или ниже по течению Тигра, но не напротив Ктесифона ²⁰⁴. Са'д отказался от помощи из-за необычайно высокого уровня воды, вызванного наводнением ²⁰⁵. Он долго колебался, и только предупреждение перса о том, что Йездигерд может вернуться в Ктесифон, укрепило его в решении начать переправу ²⁰⁶.

Осуществление плана по форсированию Тигра было тщательно продумано и началось с посылки сравнительно небольшого (из 600 всадников) отряда добровольцев, ко-

торому предстояло пересечь брод и выйти к Фираду (очевидно, одному из пригородов Ктесифона), расположенному на восточном берегу реки. Этот отряд должен был вступить в бой с иранским гарнизоном крепости, принять на себя удар противника и дать возможность переправиться остальной войску мусульман. Едва отряд Асима достиг Фирада, как Са'д отдал приказ переправляться всему войску. Арабы вошли в воду верхом, более слабые были привязаны к более сильным или к тем, кто умел хорошо плавать. Операция была успешно завершена, восточная половина сасанидской столицы досталась им почти без всяких усилий. Во всем этом немаловажную роль сыграл элемент неожиданности. И как только в Ктесифоне стало известно, что «сухопутные» арабы переправляются через Тигр, в городе началась паника, войска и мирное население спешно покинули город, захватив лишь то, что можно было унести с собой. Еще гарнизон Фирада мужественно сопротивлялся, а Ктесифон почти обезлюдел. Узнав об этом через связного, защитники Фирада оставили крепость ²⁰⁷. Когда арабы вступили в столицу, они не встретили на улицах ни души. Небольшой отряд персов остался в «Белом дворце» Хосрова. Но и он сдался победителям, выговорив себе предварительно гарантию безопасности.

Шаханшах Йездигерд III покинул Ктесифон после взятия арабами Бех Ардашира, но до начала их переправы через Тигр. Сначала в Хулван были отправлены родственники шаханшаха и часть государственной казны (то, что можно было увезти налегке), потом в дорогу собрался Йездигерд со свитой. Во главе отрядов, предназначенных для обороны Ктесифона, были поставлены полководцы Михран из Рейя и Нахверган, но им не удалось справиться со столь непосильной задачей.

В сасанидской столице мусульмане овладели огромной добычей: имуществом, оставленным персами в Ктесифоне, драгоценностями, захваченными у отступающего противника.

Пока мусульмане в Ктесифоне делили добычу и отдыхали, стало известно о новом сосредоточении персов в районе Джкалулы. Этот город (или крепость) был центром иракской провинции (остана) Шад Кавад и промежуточным пунктом на торговом пути, связывавшем столицу Сасанидов с Хорасаном ²⁰⁸. Для Сасанидов удержание этого города означало сохранение своего присутствия в Вавило-

нии и создание постоянной угрозы нападения на Ктесифон; в то же время сохранение Джалулы за собой гарантировало от вторжения мусульман в глубинные районы Ирана, в Мидию. В городе находился сильный гарнизон Хурразада, брата Рустама (по другим сведениям — Михрана)²⁰⁹. Иранцы переправили свои семьи дальше в тыл, в Ханикин, привели в порядок оборонительные рвы, разместили в них подразделения пехоты, перед рвами установили железные шипы или колья против арабской конницы. Куфи называет и трех иранских военачальников, командовавших правым крылом (Хурразад сын Вахриза), левым крылом (Пероз сын Хосрова) и центром (Хормузан сын Ануширвана) сасанидского войска²¹⁰. В храмах огня иранцы дали клятву держаться до конца²¹¹. Через Хулван из Мидии подходили все новые силы на помощь защитникам крепости. На их содержание были выделены значительные суммы из казны шахапшаха.

Если верить мусульманским источникам, из захваченного Ктесифона против укрепленного гарнизона в Джалуле было послано сравнительно небольшое войско численностью в 12 тыс. всадников и пехоты; командование арабским войском было поручено Хашиму ибн Утбе, соратнику Са'да. Но это было войско, составленное в основном из ветеранов сражений: в нем было много мухаджиров, ансаров и лиц, отличившихся военной доблестью (даже если они до этого и участвовали в «ридде»)²¹². По пути в Джалулу арабы заняли ряд населенных пунктов, заключив договоры о мире с одними дехканами и расправившись с теми, кто оказывал сопротивление.

Джалулу взять с ходу было невозможно, и арабы начали осаду, которая затянулась надолго. О ее длительности имеются два свидетельства. Согласно первому, принадлежавшему непосредственным информаторам Сайфа ибн Омара, мусульмане предприняли восемьдесят попыток сломить сопротивление гарнизона Джалулы, прежде чем добились успеха. Бал'ами, не указывая на источник информации, сообщает о том, что арабы простояли у Джалулы полгода²¹³. Кажется, эти два разноречивых сообщения не исключают одно другое. За время осады арабское войско увеличилось за счет прибывавших из Ктесифона конных отрядов.

О многодневной осаде Джалулы в сочинениях мусульманских авторов сохранилось лишь описание последнего

дня сражения, которое можно было бы назвать панегириком в честь победителей. По ожесточенности битвы ее можно сравнить лишь с «ночью воплей» при Кадисии. Когда конная атака мусульман была сорвана из-за шипов, расставленных вокруг рвов, они сошли с коней и продолжали биться в пешем строю. Упорное сопротивление защитников крепости было сломлено, оставшиеся в живых спешно покинули город. Наибольшие потери понесли отряды из Рейя, прикрывавшие отход войска. Джалула пала в конце 637 г. Вслед за Джалулой были подчинены и другие крепости и округа на восточном берегу Тигра: Махруд, Даскара (Дасткарт), Банданаджайн, Хаикин и др.²¹⁴. Одни из них были завоеваны «мирным» путем, другие — силой оружия.

Таким образом, к концу 637 г. вся Вавилония была завоевана мусульманами. Окрыленные победами, арабы высказывали готовность продолжать завоевания, но по приказу халифа Омара военные действия в этом районе были приостановлены. Са'д оставил в Ктесифоне наместника и вернулся в Хиру.

Решение о возвращении было вызвано необходимостью основания военного поселения мусульман, своего рода базы, откуда арабы могли организовывать походы в «страны войны». Для этой цели более всего подходила местность к западу от Евфрата. В 638 г. неподалеку от Хиры в окрестностях Аколы был основан на возвышенности военный лагерь мусульман, получивший название Куфа. Если Басра осталась форпостом ислама в южной части Вавилонии, контролируя выход в Персидский залив, то Куфа стала форпостом в северной ее части. Два арабских города превратились со временем в административные центры крупных наместничеств. С уходом в Куфу основной части ополчения мусульман Вавилония оставалась под контролем арабов, ибо повсюду на завоеванных территориях они сохранили военные гарнизоны.

Завоевание Хузистана

Вторжения арабов в пределы Хузистана (Бет Хузайе), провинции, расположенной к востоку и северо-востоку от общего русла Тигра—Евфрата (Шатт-эль-Араба), имели место уже в пору основания Басры, но преследовали в то

время в основном цели активной обороны. Рейды мусульман на этом участке фронта предпринимались для того, чтобы удерживать в Хузистане как можно большие контингенты иранской армии перед решающим сражением при Кадисии ²¹⁵. Результаты набегов на Хузистан вначале были довольно скромными: они сводились к захвату продовольствия и фуража. В наместничество Мугиры в Басре мусульмане имели некоторые успехи, но быстро утратили завоеванное.

Покорение войсками халифа всего нижнего Междуречья (Вавилонии), основание постоянных военных лагерей в Басре и Кufe, значительные военные успехи мусульман в Сирии сделали вполне реальной перспективу дальнейшей экспансии мусульман на восток.

Развитие событий в Хузистане было ускорено военной инициативой местного иранского ополчения, возглавленного Хормузаном (Хормузданом, Хормизданом сирийских авторов) — потомком одного из семи древних иранских родов. Судя по тому, что вотчиной Хормузана был Михраган-кадак ²¹⁶, он происходил из рода Михраков. После поражения иранской армии при Кадисии Хормузан с частью войска ушел в Хузистан и, подчинив своей власти мелких правителей, стал марзбаном провинции. Некоторые источники упоминают о его участии в обороне Джалулы.

Предводительствуемые Хормузаном иранские отряды вторглись из Нахр Тиры и Маназира (Хузистан) в завоеванные арабами районы Шатт-эль-Араба. Тогда халифский наместник Басры, в ведении которого находились эти земли, обратился к Са'ду за помощью. Са'д направил пяти тысячное войско, которое по прибытии заняло позиции между Мешаном и Дашт-Мешаном, с одной стороны, и Нахр Тирой — с другой. Два отряда из Басры прикрывали владения наместника от нападения со стороны Маназира. Эти события, вероятно, имели место в конце 17 г. х./конец 638 г.

Планомерное наступление мусульман на Хузистан Балазури и автор сирийской хроники VII в. связывают с именем Абу Мусы ²¹⁷, который был назначен наместником Басры после Мугиры в 17 г. х. Версия источников Табари (в основном Сайфа ибн Омара и его ближайших информаторов, испасы не полны) о данных событиях отличается непоследовательностью: в одном месте сообщается о назначении Абу Мусы наместником Басры, а через не-

сколько страниц приводится подробный рассказ о завоеваниях мусульман в Хузистане, где военные действия направляются якобы Утбой ибн Газваном ²¹⁸.

Нахр Тира и Маназир — это иранские крепости, расположенные на западной границе Хузистана. Первая находилась, вероятно, севернее второй. В этой части Хузистана кочевало арабское племя бану-л-ам, одна из ветвей племенной группы тамим. В ходе войны с персами командиры басрийского ополчения обратились за помощью к местным арабам, и те с готовностью согласились принять участие в военной экспедиции против персов. В «ночь встречи» было назначено время для совместного выступления. На утро следующего дня басрийское ополчение было приведено в боевую готовность, к нему присоединились отряды, присланные из Куфы. Лагерь иранского войска располагался между Нахр Тирой и Дулусом ²¹⁹. Сражение произошло в открытом поле. Переход местных арабов на сторону мусульман решил исход боя в их пользу. Две иранские крепости были сданы без особого сопротивления, иначе источники упомянули бы о нем. Хормузан с отрядами вынужден был отойти к Каруну (Дуджайлу Ахвасскому, как именовали его мусульманские географы IX—X вв.) и укрепиться в Хормузд Ардашире (Хузистан вачар, Сук ал-Ахвас), где собирался знаменитый в Хузистане базар. Карун стал естественным рубежом, разделявшим силы арабов и персов.

Подробный рассказ о дальнейших событиях сохранился у Табари, и его можно принять за основу с учетом имеющихся у автора анахронизмов. Противостояние двух армий, разделенных водной преградой, продолжалось недолго и завершилось подписанием мирного договора, по которому за марзбаном оставались все округа провинции Хузистан, кроме уже завоеванных мусульманами. В Нахр Тире и Маназире расположились теперь арабские гарнизоны, которые были переданы Кулайбу и Галибу, старейшинам племени бану-л-ам. Остальное мусульманское войско возвратилось в Басру ²²⁰.

Возобновление военных действий в Хузистане было вызвано пограничными спорами между Хормузданом и местными арабами. Мусульманские представители из Басры, выступавшие арбитрами в этой тяжбе, признали правоту арабов. Тогда марзбан аннулировал мирный договор и обратился за помощью к курдам (очевидно, к гор-

дам Хузистана) ²²¹. Когда стало известно о том, что персы собирают ополчение, мусульмане противопоставили им войско наместника в Басре, отряды племени бану-л-ам и дополнительный отряд, присланный якобы из Медины (возможно, он был прислан из Куфы). Вся эта армия была сосредоточена против Хормузд Ардашира. Она перешла Карун выше моста, охраняемого отрядом наместника, и завязала бой в окрестностях города. Персидское войско вынуждено было отступить к Рам Хормузду, и арабы овладели еще одним округом провинции ²²².

Последовательность дальнейших завоеваний земель Хузистана у средневековых авторов неодинакова. Табари (по источникам Сайфа ибн Омара) дает следующую схему: Рам Хормузд — Тустар (Шуштар) — Сус (Шуш) — Джундайсабур (Гунди Шапур); у Мадаини не упомянут Гунди Шапур, а об остальных пунктах говорится в такой последовательности: Шуш — Рам Хормузд — Шуштар; у Динавари о Шуше говорится после Шуштара; у Балазури последовательно повествуется о событиях в Шуше, Рам Хормузде, Шуштаре, Гунди Шапуре, Изадже; Куфи, опуская даты, сначала говорит о подчинении арабами Шуша, а потом — Шуштара и Рам Хормузда; в Сирийском анониме — та же последовательность, только без Рам Хормузда. Отсутствие единого мнения у историков объясняется, на наш взгляд, недостатком сколько-нибудь точных хронологических данных (с точностью до одного месяца), хотя начало и конец военных действий в Хузистане можно установить без труда. В правильности версии Балазури убеждают нас следующие соображения: а) то, что в Сирийском анониме, памятнике более древнем, чем другие, завоевание Шуша предшествует покорению Шуштара, и события эти представлены в четком временном интервале; б) само географическое расположение населенных пунктов, с которыми мусульманам приходилось иметь дело (вряд ли они осмелились бы двинуться дальше на восток, оставив у себя в тылу боеспособные гарнизоны противника); в) Балазури посвятил свой труд не истории вообще, а истории мусульманских завоеваний, в подборе и расстановке материала отличался критическим отношением к источникам; г) география военных действий у Балазури дана в той же последовательности, что и у Мадаини, только у второго перечень населенных пунктов значительно короче.

Овладев Хормузд Ардаширом, арабы вышли к Шушу и подвергли его осаде, продолжавшейся, по одним данным, несколько дней, по другим — довольно длительное время, пока у защитников крепости не исчерпались запасы продовольствия ²²³. Командующим гарнизоном крепости был дехкан Шахрийар, брат Хормузана ²²⁴. Город был сдан арабам, когда стало ясно, что дальнейшее сопротивление бесполезно. Источники упоминают о договоре-капитуляции, на который вынуждена была пойти иранская сторона, несмотря на его жесткие условия ²²⁵. О военной стороне сообщается очень мало.

С Рам Хормуздом и Даураком (центром округа Суррак в Хузистане) было заключено перемирие. Перемирие с Рам Хормуздом, по одним данным, было нарушено по вине иранской стороны, после чего город был завоеван силой оружия в конце басрийского наместничества Абу Мусы ²²⁶. По другим данным, виновными в нарушении договора оказались мусульмане: они обрушились на город до истечения срока перемирия и подчинили его мечом; восстановить справедливость удалось только вмешательством халифа Омара ²²⁷.

По получении известия о падении Джкалулы шаханшах Йездигерд III покинул Хулван, оставив там наместником военачальника Манучихра сына Хормузdana. По версии Куфи, шаханшах переехал в Нехавенд и остановился там на некоторое время. Когда потребовалась помощь Шустару, он направил туда четыре отряда по десять тысяч воинов каждый, которые и соединились с двадцатипятитысячным войском Хормузdana. Абу Муса подошел к Шустару, имея под своим командованием войско в двадцать с небольшим тысяч всадников и пехоты. По другой версии (Балазури, Табари), Йездигерд III из Хулвана направился в Стахр — «дом государства». По пути он сделал остановку в Спахане, откуда выслал передовой отряд во главе с всадником Сийахом. В составе этого небольшого отряда (триста всадников) было «семьдесят мужей из числа „великих“». После того как в Стахре отряд Сийаха пополнился добровольцами и ополчениями из Парса, Йездигерд III послал его в Хузистан на помощь осажденному Шушу ²²⁸. Отряд Сийаха остановился в местности Калбанийа и оставался там до тех пор, пока арабы не подчинили Шуш. Воины Сийаха вместе со своим командиром приняли ислам; новообращенные мусульмане с войском намест-

ника Басры участвовали в осаде и штурме Шуштара. Последняя версия представляется нам более заслуживающей доверия.

Осада Шуштара затянулась. Ее длительность источники определяют от нескольких месяцев до двух лет. Город был защищен не только крепостными стенами, но и окружающими его каналами. Сирийская хроника VII в. так описывает неприступность хузистанской твердыни: «Эта Шуштра занимает большое пространство и очень укреплена каналами, большими и полноводными, которые как рвы окружают ее со всех сторон. Один из них называется Адрахшираган по имени Адрахшира; он вырыл его. Другой, который проходит через него (город. — А. К.), называют Шемирам по имени царицы. И еще один, Дариган, [названный так] по имени Дарйавуша, наибольший из всех — это мощный поток, который сбегает с северных гор» ²²⁹.

Войско Абу Мусы было впоследствии усилено ополчением из Куфы. Защитники Шуштара — ополченцы из Хузистана, Парса и Мидии — заняли оборону в окопах за пределами городских стен. После многочисленных атак арабам удалось захватить окопы и загнать иранцев в крепость. Когда атакующие уже достигли городских ворот и безуспешно пытались взять их штурмом, участь города была решена путем предательства. С наступлением ночи небольшой арабский отряд с проводником из местных жителей проник в город через потайной ход, перебил стражу и открыл ворота. Остатки иранского гарнизона вместе с марзбаном Хормузданом укрылись в цитадели внутри города, где хранилась казна и другие драгоценности, и попросили мира. Марзбан сохранил себе жизнь и личную свободу ценой обращения в ислам. Большинство из его соратников были убиты. Значительно пострадало и мирное население ²³⁰.

Завоевание Мидии

Завоевание центральной, горной части Сасанидского государства с преобладающим ираноязычным населением осуществлялось силами военных гарнизонов Басры и Куфы, основанных арабами в ходе подчинения нижнего Междуречья. Значительная часть территории Мидии на-

ходила под фактической властью потомков древних иранских родов; в Мидии были родовые имения иранской знати, летняя резиденция шаханшахов, царские земли рода Сасанидов.

Последовательность событий военной истории того времени прослеживается по сочинениям Балазури, Табари, Ибн ал-Асира, ряда других авторов, касавшихся эпохи завоеваний. Нередко источники по-разному датируют подчинение того или иного города. В ряде случаев точность датировки устанавливается сравнением текстов и обстоятельств событий, обращается также внимание на состав исходной цепи. Иногда разноречие в датах свидетельствует скорее о том, что мы имеем дело с разными этапами завоевания (начальным и конечным) и что нет оснований для обвинений одного из авторов в неточности или некритическом отношении к первоисточникам. Тогда общая картина событий восстанавливается путем суммирования информации разных авторов.

Хулван

Завоевание города и его округа Табари, а вслед за ним и Ибн ал-Асир относят к 16 г. х./637 г., считая, что оно имело место сразу же после кровопролитного сражения у Джалулы. Само описание события скомкано, неконкретно, передатчики сведений ограничились лишь ссылкой на сомнительную победу Ка'ки ибн Амра в единоборстве с иранским витязем, что якобы и решило исход дела. Все это дает нам право предпочесть более обстоятельную версию Балазури.

Важность Хулвана, города, расположенного на стыке Мидии и Вавилонии, как своего рода «ворот» в области, населенные собственно иранцами, потребовала от завоевателей определенной подготовки и перегруппировки сил на этом направлении. В изложении Балазури события разворачивались следующим образом:

После захвата Джалулы командующий арабским войском Ханим ибн Утба оставил в городе гарнизон из арабов-немусульман, «которые бы находились между мусульманами и их врагами»²³¹. На усиление гарнизона Са'д послал трехтысячный отряд мусульман и приказал Джариру ибн Абдаллаху Баджали, наместнику Джалулы, выступить на

Хулван. Когда войско арабов было уже недалеко от города, шаханшах Йездигерд III бежал в Спахан.

Хулван был подчинен арабами на основании договора; его жителям была предоставлена гарантия неприкосновенности, пожелавшим покинуть город не чинилось препятствий.

После покорения Хулвана арабы сделали попытку подчинить Динавар, но это им не удалось. Тогда они обошли крепость стороной и устремились к Кармасину (позже — Керманшах). Кармасин был подчинен на тех же условиях, что и Хулван. Джарир ибн Абдаллах какое-то время оставался в Хулване наместником; в 19 г. х./640 г. по приказу халифа он был послан с отрядом в помощь Абу Мусе ал-Аш'ари. Названный у Балазури в данном контексте 19 г. х. некоторые исследователи считают датой покорения Хулвана ²³², хотя событие, вероятно, имело место раньше.

Первое вторжение мусульман в Мидию завершилось для них блестяще.

Н е х а в е н д

С падением Хулвана и Хузистана иранские войска сосредоточились в Нехавенде, в центре Мидии. В сущности, это было не столько регулярное войско, сколько ополчение, собранное по призыву Йездигерда III из провинций, не подвергавшихся еще нашествию арабов. Кроме всадников шаханшаха, мидийцев и исфаханцев в Нехавенд прибыли отряды из Хорасана, Систана, Парса, прикаспийских провинций, а также ополчение белуджей из Кермана ²³³. Численность этой огромной армии источники определяют по-разному: в шестьдесят тысяч, сто тысяч, сто пятьдесят тысяч ²³⁴. Это неоднородное ополчение выступало под единым знаменем Кавиев.

Иранцы имели все основания остерегаться нового наступления арабов и серьезно к нему готовились: ведь попытка стихийного похода однажды уже была сделана войсками, вышедшими из подчинения Са'ду, который в то время занимал пост наместника Куфы. Тогда конфликт в лагере мусульман удалось устранить только в результате вмешательства самого халифа: зачинщик смуты был казнен, а Са'д отозван в Медину.

В то же время военные приготовления персов и присутствие многочисленного ополчения в Мидии подстегивали

арабов к более решительным действиям, поскольку складывавшаяся ситуация угрожала им потерей завоеванных территорий вместе с опорными пунктами мусульман в Куфе, и Басре, как о том сказано в обращении халифа Омара к народу ²³⁵. Серьезность нового военного похода требовала хорошей подготовки, организации, а главное — свежих сил, и на военном совете было решено направить в поход на восток одну треть всего наличного мусульманского войска, или по одной трети от каждой провинции ²³⁶. Поход на Иран приобретал всеобщий характер. Имеется также указание на то, что Омар обратился за помощью к вождям местных арабских и иранских племен, населявших пределы Хузистана и Фарса, и призвал их примкнуть к мусульманскому войску, на что те якобы не замедлили откликнуться ²³⁷.

Командующим объединенного мусульманского войска халиф назначил одного из сподвижников пророка, Ну'мана ибн Мукаррина, занимавшего в то время пост главного налогового чиновника округа Кашкар в администрации наместника Куфы. На случай гибели Ну'мана сразу же были названы имена его преемников. Мусульманские отряды наступали из Ирака через завоеванный Хузи-стан и города, расположенные на старой дороге из Ирака в Мидию (через Хулван, Кармасин). Примерно в ста двадцати километрах от Нехавенда ²³⁸ они расположились лагерем и стали ожидать подхода арабов-немусульман. Те, в свою очередь, продвинулись в пределы провинций Фарс и Исфahan и отсекли иранской армии под Нехавендом приток помощи с юга и юго-востока страны ²³⁹.

В Нехавенд и его рустак стекались массы беженцев из городов и сел, лежащих на пути продвижения мусульманских войск, и все пространство от мусульманского лагеря в Тазаре до Нехавенда было безлюдным: лазутчикам Ну'мана ибн Мукаррина не удалось там встретить ни души, и они боялись сбиться с пути. После проведенной разведки арабское войско в полном составе покинуло лагерь и двинулось к Нехавенду. Оно расположилось на расстоянии трех фарсангов от города, в рустаке Исбизахан, название которого сохранилось только в арабоязычной передаче ²⁴⁰.

Основные силы сасанидского войска были сосредоточены в Вайхурде, в окрестностях Нехавенда. Иранцы тщательно готовились к ведению оборонительной войны. На подступах к городу и военному лагерю они расставили

железные шипы, которые бы не давали возможности неприятельской коннице использовать свои преимущества. Пешие воины, как неоднократно упоминают об этом Балазури и Табари, были связаны между собой цепями в группы по пять-десять человек, чтобы исключить всякую возможность отступления.

Со стороны иранцев была даже предпринята попытка договориться с арабами и побудить их оставить пределы Нехавенда. Однако переговоры зашли в тупик, они только усилили взаимную неприязнь, и решить исход дела оказалось возможным только силой оружия.

В известных нам сочинениях сведения о боевых действиях иранцев и арабов под Нехавендом не очень подробны. Например, у Табари перечисляются командиры отдельных формирований иранской армии: начальник конной гвардии шаханшаха Бундар, командующие на флангах Зардук и Бахман Джадуйе, командующий конницей Анушак. И только. О мусульманском войске сказано несколько больше, но и там повествование ограничивается перечнем командиров основных частей, упоминанием о подвигах отдельных арабских воинов, подчеркивается военный талант главнокомандующего Ну'мана ибн Мукаррина. Вскользь говорится о безуспешных попытках арабов сломить сопротивление защитников города, об ожесточенности битвы, но картина сражения от этого не становится яснее.

Стороны долго не переходили к активным боевым действиям. Иранцы успешно отстреливались из укреплений и не давали противнику возможности приблизиться к лагерю. Только когда арабы, прибегнув к хитрости, имитировали отход, иранцы вышли в открытое поле, и там произошла ожесточенная схватка. Попытки одного из источников Табари представить этот бой как перелом в ходе сражения, в результате которого иранцы вынуждены были с большими потерями отступить, противоречат утверждению Динавари о том, что бой, во время которого был слышен только лязг металла, был лишь началом упорного сражения, длившегося несколько дней. И та и другая стороны несли тяжелые потери ²⁴¹. В последнем бою, в котором принимал прямое участие Ну'ман ибн Мукаррин, арабы одержали верх. Гибель командующего мусульманским войском осталась незамеченной в пылу битвы, арабы преследовали отступающего противника. Наибольший урон был нане-

сеп персидской пехоте, которая была лишена возможности отступления. Остальная часть иранского войска укрылась в крепости, расположенной в двух фарсангах от Нехавенда ²⁴², так как в городской крепости не оставалось для нее места. Предпочитая открытый бой осаде, части иранского войска покинули стены крепости и были разбиты в поле отрядами мусульман. Динар, один из родовитых иранцев и правитель округа Нехавенд, сдался на милость победителя и выговорил у мусульман охранную грамоту для себя и населения города. Нехавенд открыл ворота завоевателям. Арабы овладели большой добычей, в том числе сокровищами Нахвергана, одного из приближенных Хосрова [Шарвиза?], спрятанными в храме огня.

Несмотря на противоречивость источников в вопросе о датировке событий при Нехавенде ²⁴³, проблема эта, как нам кажется, решается с помощью тех же источников. Предпочесть 21 г. х. всем прочим датировкам сражения при Нехавенде вынуждает нас глубокая аргументированность названной даты. Табари подкрепляет ее ссылкой на трех информаторов: Вакиди, Абу Ма'шара и Ибн Исхака, и, хотя и противопоставляет последним Сайфа ибн Омара, который упоминает в этой связи 18 г. х., сам Табари тем не менее помещает битву при Нехавенде в раздел событий, имевших место в 21 г. х. Балазури, называя 21 г. х. в качестве вероятной даты сражения, ссылается на цепь передатчиков: Рафа'и со слов Аб-кари, со слов Абу Бакра ал-Хузали, со слов Хасана и Мухаммеда. Динавари не раскрывает своих источников, но у него нет ни малейшего сомнения в том, что событие имело место в 21 г. х.

Таким образом, нам только остается датировать Нехавендскую битву 642 г. (начало 21 г. х. приходится на 10 декабря 641 г., а вести сражение и тем более выиграть его в горной местности арабы могли бы только в теплое время года, т. е. не раньше весны 642 г.).

Сражение при Нехавенде по количеству участвовавших в нем сил можно сравнить с битвой при Кадисии. И там и здесь действовали крупные ополчения. Несмотря на ожесточенность сражения, и там и здесь иранское ополчение было разбито. Но поражение под Нехавендом имело более серьезные последствия: крупная битва была проиграна не где-то на окраине государства, хотя и недалеко от столицы, а в глубине иранской территории, и это об-

стоятельство наносило тяжелый моральный ущерб национальному самосознанию.

Разгромленные арабами и разрозненные части иранского ополчения и местные правители не могли более договориться между собой об организации совместного сопротивления, и, по меткому замечанию Табари, «с того дня у них, то есть у персов, не было больше объединения, и население каждой провинции воевало со своими врагами у себя в провинции»²⁴⁴.

Части иранского войска, преследуемые мусульманами, оступили к Хамадану, расположенному в 14 фарсангах от Нехавенда²⁴⁵. Их главнокомандующий попал в плен к арабам, а войско успело запереться в крепости. Пока завоеватели опустошали окрестные рустак, иранские военачальники в крепости сочли более благоразумным заключить с ними мир, и этим сохранили за собой Хамадан и Дастабу²⁴⁶.

Примеру Нехавенда и Хамадана последовало население всей Мидии, и скоро в этой части Сасанидской державы были заключены мирные договоры. Как сообщает Балазури, арабам удалось еще овладеть Динаваром, Масабаданом и Михраган-кадаком.

Но умиротворение местного населения не всегда оказывалось долговечным, что хорошо видно на примере того же Хамадана. Едва арабы оставили город, как иранцы нарушили условия договора и вышли из подчинения. Арабской администрации понадобилась организация нового похода против мятежного города. Подчинив вторично округа Хамадана до Джармидана и оставив там своих наместников, арабы подвергли город осаде. Население обратилось к ним с просьбой о мире, и она была принята, но на более жестких условиях, чем раньше. Вторичное подчинение Хамадана можно датировать 644 г.²⁴⁷.

С п а х а н (Исфахан)

Завоевание города и его провинции имело место, очевидно, в 23 г. х./643 г. и 24 г. х./644 г. Наиболее обстоятельно оно отражено у Табари, затем у Балазури. Сообщения Балазури, часто «документированные» иснадами, лаконичны и служат хорошим дополнением к рас-

сказу Табари. В то же время исследователи отмечают существование двух версий завоевания Спахана ²⁴⁸, делая акцент на разнице в датировке события, которая, по их мнению, обусловлена наличием двух школ передатчиков — басрийской и куфийской. На наш взгляд, можно выделить две версии под углом зрения смыслового различия, и это различие уже не зависит от принадлежности передатчиков к той или иной школе. Смысловое различие очень хорошо прослеживается у Табари, который при описании исфаханских событий пользовался информацией передатчиков из Куфы, причем более правдоподобный рассказ он приводит в начале, а заведомо неправдоподобный — в конце повествования, показывая тем самым свое отношение к излагаемому материалу.

Содержание первого рассказа у Табари перекликается со сведениями, приведенными у Балазури, хотя последний черпал свою информацию у передатчиков из Басры. Тот и другой расходятся во мнениях относительно датировки и главного действующего лица событий. Так, Табари помещает завоевание Спахана в раздел событий 21 г. х. и командующим войском мусульман называет Абдаллаха ибн Абдаллаха ибн Итбана, а его помощником — Абу Мусу из Басры. Группа передатчиков из Басры (в частности, Калби), на которых ссылаются Балазури и Хамадани, относят завоевание города и провинции к 23 и 24 гг. х., главным действующим лицом они считают Абдаллаха ибн Будаила ибн Варку.

Если к последней датировке следует отнестись со всем вниманием (действительно, завоевание этой провинции происходило лишь после подчинения Нехавенда, а Спахан расположен в 83 фарсангах на расстоянии около 500 км от Нехавенда) ²⁴⁹, то упоминание об Абдаллахе ибн Будаиле в этой связи можно считать обычной ошибкой, на которую уже указал Табари. Командирами отдельных формирований в войске Абдаллаха ибн Абдаллаха ибн Итбана упомянуты Абдаллах ибн Варка ар-Рийахи и Абдаллах ибн Варка ал-Асади. «И те, кто не знает, полагают, что один из этих двоих, Абдаллах ибн Будаил ибн Варка ал-Хуза'и, из-за упоминания [имени] Варка. . . Абдаллах ибн Будаил ибн Варка погиб при Сиффине в возрасте 24 лет, а во времена Умара он был еще мальчиком» ²⁵⁰. Против такого аргумента Табари, вернее, его источников, возражать трудно.

По сообщению Балазурн, после взятия арабами Нехавенда был предпринят поход против городов Кумм и Кашан²⁵¹, расположенных на дороге Хамадан — Рей соответственно в 42 и 54 фарсангах от Хамадана²⁵². Из того, что в этой связи упомянут лишь факт их покорения да названы имена военачальников, можно заключить, что подчинение Кумма и Кашана проходило для мусульман без осложнений. Однако в «Хронике Кумма» мимоходом упоминается о том, что при Омаре Кумм не представлял еще собой города, а «в этой местности было несколько крепостей, известных под названием „Сорок крепостей“»²⁵³. Кашан же, по сведениям арабских географов X в., и три столетия спустя оставался небольшим городом, так что в период завоеваний он мог быть обычной крепостью. Первое упоминание о Кашане в известных нам источниках связано с арабскими завоеваниями.

Таким образом, поход на Спахан был осуществлен не сразу после покорения Нехавенда или первого подчинения Хамадана, а некоторое время спустя. Из упоминавшихся выше двух рассказов Табари о событиях у Спахана более достоверным представляется первый. Второй с небольшими вариациями повторяет факты, уже знакомые нам по сражению у Нехавенда: те же арабские военачальник и парламентар, те же скованные цепями персы и даже действия Ну'мана ибн Мукаррина во время боя и его гибель повторяются почти дословно. Именно поэтому, кажется, Табари включил этот рассказ вторым в свое повествование, считая его второстепенным.

Спахан находился между двумя большими провинциями сасанидского Ирана — Парсом и Азербайганом; это был крупный торговый и административный центр, через который осуществлялась связь между северной и южной окраинами государства. Этим определялась и его роль как важного стратегического пункта; овладев им, арабы могли бы оградить свои армии в Парсе и Азербайгане от нападения с тыла. Неправдоподобный по содержанию второй рассказ у Табари сохранил, однако, легенду о том, как халиф Омар советуется с изменником Хормузаном относительно очередности завоеваний на востоке. Хормузан рекомендует ему начать с Исфахана, так как Исфахан — это голова, а Фарс и Азербайган — крылья; поэтому прежде необходимо отсечь голову, тогда легче будет справиться с крыльями²⁵⁴. Существование такой

легенды, даже если халиф вовсе не спрашивал мнения Хормузана, свидетельствует о том значении, которое арабы придавали завоеванию Спахана.

Когда арабское войско вторглось в пределы провинции Спахан, в одном из рустаков оно было встречено местным ополчением, которым командовал остандар, начальник одного из трех округов провинции. После гибели в единоборстве с арабским военачальником командира авангарда иранского ополчения Шахрбараза Джадуе исфаханцы отступили, остандар заключил с арабами мир ²⁵⁵. Одержав первую победу и не встречая более сопротивления, мусульмане устремились к Джею (Гаю) ²⁵⁶. Правитель, марзбан Спахана, был одновременно и паткоспаном Нимруза, т. е. облечен должностью, пожалованной ему Сасанидами в лучшие времена, до начала завоеваний ²⁵⁷. Арабы начали осаду города.

Изложение дальнейших событий у Табари и Балазури не совсем совпадает. Согласно первому, паткоспан вызывает арабского полководца на поединок, побеждает, но, восхищенный его стойкостью, заключает с арабами мир и сдает город. Тридцать знатных граждан города, не желая подчиниться завоевателям, вместе со своими людьми уходят в Керман. По Балазури, паткоспан, разуверившись в надежности исфаханцев, вместе с тридцатью верными приближенными покидает город в надежде уйти в Керман и присоединиться к войску шаханшаха. Арабы их настигают. В единоборстве с арабским военачальником паткоспан побеждает, но милует своего противника, заключает с ним мир и сдает город ²⁵⁸.

У Балазури отдельно упоминается подчинение Йахудиин, торгово-ремесленного предместья Спахана, на тех же условиях, что и для административного центра провинции.

Завоевание северных провинций

Р е й

Поход арабов на север, в прикаспийские провинции сасанидского Ирана, стал возможным только после подчинения Нехавенда и Хамадана, когда мусульмане уже закрепились в Мидии. И поскольку в современной науке считается общепринятой датировка сражения у Неха-

венда 642 г., а все авторы без исключения помещают это событие до завоевания северных провинций Ирана, то следует заключить, что военная экспедиция мусульман в том направлении могла иметь место не раньше 642—643 гг.

Первой провинцией, которая лежала на пути продвижения мусульман после покорения Мидии, был Рей. Походу на север после Нехавенда предшествовал захват арабскими отрядами крепостей Кумм и Кашан, а в результате завоевания Хамадана и его провинции арабы вышли к Дастабе — пограничному округу на стыке провинций Хамадан и Рей, игравшему при Сасанидах роль опорного пункта и военного лагеря иранских войск в их походах на земли северных соседей империи и против строптивых вассалов ²⁵⁹. Истахри называет Дастабу рустаком ²⁶⁰. По мнению Табари, до прихода арабов Дастаба административно входила в состав провинции Хамадан, тогда как Балазури различает две Дастабы: Хамаданскую и Рейскую ²⁶¹. Но в любом случае речь идет о нескольких населенных пунктах или крепостях, расположенных рядом и объединенных общим названием, так как Табари в этой связи говорит не об одном лагере, а о «лагерях Дастабы», имея в виду множество.

Между представителями двух школ передатчиков (куфийцев и басрийцев) нет единого мнения ни по вопросу датировки событий под Рейем ²⁶², ни в передаче имен главных действующих лиц, хотя в воспроизведении общей картины существующие версии не столько подчеркивают различие, сколько дополняют друг друга. Возможно, как уже отмечалось ранее, этот факт объясняется постепенностью завоевания Рейя ²⁶³ (отсюда различие в датировке и именах военачальников), но при всем том принять 18 г. х. даже в качестве даты первого похода нельзя уже потому, что он мог быть осуществлен не раньше взятия Нехавенда.

Средневековый Рей был при Сасанидах вотчиной древнего знатного рода Михран. Правителем Рейя в пору военных действий на территории Мидии был Сийавахш, внук Бахрама Чубина ²⁶⁴.

Наиболее последовательно история завоевания Рейя изложена у Табари. Захватив Дастабу, арабы разместили в ее крепостях военные гарнизоны, которым в будущем предстояло пачать поход на Азербайджан и в прикаспийские провинции Ирана. Иранские ополчения из Дейлема, Азербайджана и Рейя сосредоточились в насе-

ленном пункте Ваджруд, расположенном, очевидно, неподалеку от Дастабы. В Ваджруде затем произошло кровопролитное сражение между иранцами и арабами, которое по ожесточенности и размерам потерь как с той, так и с другой стороны приравняется у Табари к битве при Нехавенде и другим великим сражениям века ²⁶⁵.

Победа осталась за мусульманами. Основательно разрушив лагерь противника, они двинулись к Рейю. В населенном пункте Кыха (?) к арабам присоединились остатки рейского ополчения, разбитого в Ваджруде, во главе с военачальником Фарруханом ²⁶⁶, который после поражения принял сторону завоевателей. Определенную, если не решающую роль в этом сыграли разногласия между правителем Рейя и его родичами. Фаррухан был тоже одним из Михранидов. Когда он после поражения пытался вернуться в Рей, Сийавахш закрыл передним ворота города под тем предлогом, что город не может вместить всего войска.

Военные действия развертывались южнее Рейя. На стороне защитников города участвовали отряды, посланные по просьбе Сийавахша из Демавенда, Табаристана, Кумиса и Гургана. В одну из ночей Фаррухан с отрядом арабов незаметно проник в город и, когда осаждающие начали атаку, папал на защитников с тыла. Как сообщает Табари, старый город был разрушен, и по указанию нового правителя, пришедшего на смену потомкам Бахрама Чубина, был построен новый Рей. Спустя несколько лет население Рейя вышло из повиновения, и его пришлось вновь завоевывать ²⁶⁷.

Округ Демавенд, один из рустаков провинции Рей, был подчинен мирным путем. Марданшах, мобед («маг магов») Демавенда, от имени населения своего округа и округов Хувар, Лариз и Ширриз предложил арабам мир. Те согласились на него на условиях уплаты определенной суммы ²⁶⁸. У Бал'ами Марданшах назван дехканом.

К у м и ш (Кумис)

Хотя ни у Табари, ни у Балазури нет прямого указания на время покорения Кумиша, уже по тому, что оба эти автора помещают завоевания Рейя и Кумиша рядом, можно судить, что они относят эти события примерно

к одному времени. Поход мусульманских отрядов на Кумиш был организован арабским наместником Рейя. Эта небольшая провинция представляла для завоевателей ценность тем, что связывала между собой города Мидии и прикаспийские провинции; через нее лежал путь в Хорасан. Арабы отважились послать сравнительно небольшие силы, несмотря на то что расстояние между Рейем и Дамганом, центром провинции Кумиш, составляло восемьдесят фарсангов (примерно 480 км)²⁶⁹. На этот счет у них были свои соображения. Под Рейем было разгромлено не только местное ополчение, но и ополчение всех прикаспийских провинций, в том числе и Кумиша, и путь для дальнейших походов был открыт. Как образно сообщает Табари, арабы вторглись в безлюдную провинцию, а Балазури подтверждает, что Дамган не оказал никакого сопротивления²⁷⁰. У местного населения, участвовавшего в ополчениях, еще свежи были впечатления от поражений под Нехавендом и Рейем, и, не находя в себе силы противостоять арабам, оно уходило в Табаристан. Надо учитывать и то, что крепость Дамгана была непригодна для длительного сопротивления из-за скудости водных ресурсов²⁷¹. Эти причины и обусловили очень быстрое подчинение Кумиша мусульманами. С оставшимся населением и возвращавшимися из Табаристана беженцами был заключен мирный договор.

Т а б а р и с т а н

Хронология событий, связанных с началом завоевательных походов мусульман в прикаспийскую провинцию Табаристан, несмотря на противоречивые данные источников, восстанавливается без особого труда.

Источники противоречат один другому как в датировке первого похода (Сайф ибн Омар — 18 г. х., Табари — 22 г. х. и 30 г. х., Балазури, Вакиди и Мадаини — 30 г. х.), так и в самом повествовании, именах действующих лиц и т. д. Очевидно, самую раннюю датировку следует отбросить потому, что вторжение арабов в Табаристан логически могло произойти не ранее покорения Мидии и Рейя — территорий, через которые они должны пройти на пути в Табаристан, следовательно, не ранее 643 г.²⁷². События, которые Сайф ибн Омар датирует 18 г. х., Та-

бари, не объясняя, но считая это наиболее правильным, помещает в разделе (главе) 22 г. х. В сущности, события, о которых пишет Сайф, могли иметь место в 643 г. Это относится прежде всего к договору о мире между правителем Табаристана и арабским полководцем на условиях, выгодных для обеих сторон ²⁷³. Смысл договора сводился к тому, что населению провинции и соседям предоставлялась гарантия неприкосновенности и полная независимость в обмен на нейтралитет в военных вопросах и уплату дани арабскому наместнику, который контролировал дороги и ущелья, ведущие в прикаспийские провинции. Примерно то же, только в более обобщенном виде, сообщается в географическом трактате начала X в.: «Соседние с Табаристаном страны были завоеваны, а правитель Табаристана предложил мир на условиях выплаты незначительной дани, которые были приняты из-за труднодоступности и враждебности этой страны. Это продолжалось до тех пор, пока Осман ибн Аффан не назначил наместником Куфы Са'ида ибн ал-Аса ибн Умайю в 29 году» ²⁷⁴.

Следующее сообщение источников о событиях в Табаристане переносит нас в 650 г. (30 г. х.) и косвенно связывает происходящее с военным походом мусульман в восточные пределы Сасанидского государства. Версия Вакиди и Мадаини, которую принимают Балазури и Табари, сводится к следующему:

Са'ид ибн ал-Ас (Са'ид ибн ал-Аси), наместник в Куфе, и Абдаллах ибн Амир, наместник в Басре, выступают в поход на Хорасан почти одновременно ²⁷⁵. Наместник Басры приходит в Хорасан раньше и останавливается в Абаршахре (Нишапуре). Узнав об этом, Са'ид ибн ал-Ас делает остановку в Кумише, с которым арабы в свое время заключили мирный договор. Из Кумиша он совершает рейды в соседние провинции, Гурган и Табаристан, взяв на себя нелегкую задачу подчинения этих прикаспийских областей. Он собирает дань с населения Гургана. Договор с Табаристаном мусульман не устраивал (а скорее всего табаристанцы многократно нарушали его), поэтому следующий поход войск Са'ида ибн ал-Аса был предпринят против города-крепости Тамиса, расположенного на берегу Каспия, у самой границы с Гурганом ²⁷⁶. Город был осажден, и через некоторое время защитники попросили помилования. Когда же ворота крепости были открыты, мусульмане нарушили условия договора и перебили насе-

ление, кроме одного человека. Арабам удалось еще захватить небольшой населенный пункт — Намийа. Источники сообщают также о завоевании Руйана и Демавенда, но эти сообщения вызывают подозрение, ибо о них говорится вскользь. Сам же факт похода арабов в Табаристан подтверждается сведениями сирийских хроник, которые называют Са'ида ибн ал-Аса лицом, возглавившим поход мусульман на восток ²⁷⁷. Наместник Басры Абдаллах ибн Амир хорошо известен по нумизматическим данным: его имя часто встречается на арабо-сасанидских монетах, чеканенных в Дарабгерде, Бишапуре, Ардашир-хурре и в других населенных пунктах ²⁷⁸.

Военная экспедиция отрядов Са'ида ибн ал-Аса не принесла желаемых результатов, и со сменой «праведных» халифов Омейядами при халифе Му'авии был предпринят новый поход, который возглавил Маскала. Поход оказался крайне неудачен для мусульман: население заманило мусульман в горные ущелья и уничтожило арабское войско полностью.

Впоследствии против Табаристана было предпринято еще несколько военных походов, которые не достигали цели. Так продолжалось до середины IX в., когда спяхбед Табаристана Карен принял ислам.

Завоевание округов Парса

Средневековая историческая традиция донесла до наших дней три самостоятельных рассказа о военных экспедициях мусульман в провинцию Парс (Фарс). По существу, в этих рассказах излагаются события разных лет; одно повествование почти не противоречит другому, каждый последующий рассказ дает логическое развитие событий, освещаемых в предыдущем.

Наиболее отчетливо три этапа завоевания Парса прослеживаются в версии Сайфа ибн Омара, на информации которого построено повествование в соответствующих главах трудов Табари, Бал'ами и Ибн ал-Асира. Изложение Балазури тоже в значительной степени основано на версии Сайфа ибн Омара, хотя он и не упоминает об этом источнике, а время от времени ссылается на другие, когда предполагается возможность отступления от основной версии. Примерно такой же сюжет, только без разде-

ления события на этапы, сохранен в произведении персоязычного автора XII в., написавшего «Книгу о Фарсе».

Все эти авторы сходятся на том, что покорение арабами Парса началось с моря, со стороны Бахрейна, только одни изображают первый поход мусульман как действие, предпринятое вопреки желанию халифа и его окружения²⁷⁹, другие (Балазури и Ибн ал-Балхи) вовсе не распространяются о его мотивах, что вполне можно объяснить краткостью изложения. Традиция, восходящая к информаторам Сайфа ибн Омара, представляется правдоподобной, когда косвенно связывает поход мусульман на Фарс с их успехами в сражении при Кадисии. Ала ибн ал-Хадрами был наместником Бахрейна при халифе Абу Бакре (по утверждению Бал'ами — еще во времена Мухаммеда). В начале правления халифа Омара он был смещен со своего поста, очевидно, за отказ участвовать в иракском походе под началом Са'да ибн Абу Ваккаса²⁸⁰, а затем вновь восстановлен. Но победа войска Са'да при Кадисии затмила все успехи Ала в его борьбе с вероотступниками. Успеха соперника оказалось достаточно, чтобы разбудить ущемленную гордость наместника Бахрейна и толкнуть на немислимое дотоле дело: вторгнуться в пределы Ирана со стороны Персидского залива, против чего в свое время предостерегали Мухаммед, Абу Бакр и что запретил делать своим единоверцам халиф Омар. Кроме того, крупные военные экспедиции осуществлялись с санкции халифа и его советников, а личная инициатива в этом деле могла привести к нежелательным результатам.

В 17 г. х. /638 г., до того, как вновь быть отстраненным от власти за непослушание, Ала успел собрать ополчение из бахрейнцев, посадить его на суда и направить к берегам Парса. Вначале арабам удалось захватить принадлежавший Ирану о-в Лар²⁸¹. Далее арабское войско высадилось на побережье Парса и оттуда двинулось в глубь страны, на Стахр, один из пяти больших округов провинции. У Тауса продвижение мусульман было остановлено иранским войском, которым командовал хербед (или полководец с именем Хербед)²⁸². Несмотря на первые победы и гибель иранского полководца, положение арабского войска становилось критическим. Марзбан Парса собирал большое ополчение. Отрядам наместника Бахрейна удалось выйти к морю, но корабли оказались затоплен-

ными. Пробиваясь через Хузистан к Басре, опорному пункту мусульманского войска, арабы обрушили свой удар на персидскую пехоту и нанесли ей большой урон, но все их усилия вырваться из окружения оказались тщетными. Войско бахрейнского наместника было спасено от разгрома ополчением из Басры под командованием Утбы ибн Газвана, которое было направлено по указанию халифа. Экспедиция в Парс перестала быть личным делом наместника Бахрейна и стала частью внешней политики халифа. После неудачного похода Ала был отозван со своего поста, а наместником Бахрейна и Омана халиф Омар назначил Османа ибн Абу-л-Аса (Османа ибн Абу-л-Аси)²⁸³.

С именем Осмапа ибн ал-Аса связана организация нового похода на Парс со стороны моря, но уже с благословения халифа²⁸⁴. На этот раз арабам удалось захватить иранский о-в Абаркаван. Затем они высадились на побережье и стали успешно взаимодействовать с мусульманскими отрядами из Басры, которые вторглись в Парс из Хузистана. Есть основания считать 23 г. х./644 г. началом второго этапа завоевания Парса. Такой датировки придерживаются Табари, Бал'ами, Ибн ал-Асир; изложение Балазури не противоречит этому; Ибн ал-Балхи также в целом правильно дает последовательность завоеваний, однако все события датирует на несколько лет раньше, хотя основные действующие лица названы верно.

Войскам наместника Бахрейна принадлежит решающая роль в подчинении южных округов Парса, хотя по поводу завоевания отдельных населенных пунктов традиции Сайфа ибн Омара и информаторов Балазури не совпадают. Согласно первой, наступление на Таввадж (Тавваз) осуществлялось из Басры отрядами Муджаши ибн Мас'уда, согласно второй — с побережья Парса высадившимся там ополчением из Бахрейна. Обе версии, на наш взгляд, заслуживают внимания, если иметь в виду, что они повествуют о событиях, разделенных между собой определенным временным интервалом. Упоминание о Таусе (Таввазе, Таввадже)²⁸⁵ встречается уже в рассказе о первом походе бахрейнцев в Парс. Неудача экспедиции, о которой умалчивают Балазури и автор «Книги о Фарсе», вряд ли имела своим результатом захват Тавваджа, в чем пытается уверить своих читателей Бал'ами. Город был

подчинен отрядами Муджашин несколько лет спустя, когда наступление арабов на Парс осуществлялось по крайней мере с двух сторон — с запада (через Хузистан) и с юга (с побережья Персидского залива), а не несколькими отрядами из Басры. Большое персидское ополчение марзбана Парса, сконцентрированное в Таввазе, при получении известий о новой тактике противника вынуждено было разделиться на части. Это облегчило задачу завоевателям. Оставшиеся иранские отряды не выдержали натиска арабов, отступили и заперлись в крепости, которая после небольшой осады пала. Возможно, взять Тавваз басрийцам помогли войска Османа ибн Абу-л-Аса после того, как они разбили ополчения прибрежных правителей Парса. Значительная часть защитников города была истреблена, Тавваз превращен в укрепленный лагерь мусульман и базу для дальнейшей экспансии. Его гарнизон составили военные формирования племен абд ал-кайс, азд, таким и наджийа.

По распоряжению халифа Омара войскам наместника Бахрейна оказывали помощь отряды наместника Басры Абу Мусы ал-Аш'ари. Этот факт в мусульманской историографии IX—XI вв. вызвал путаницу, и с течением времени оказалось довольно трудно определить, какую из крепостей брали басрийцы, а какую и в какой последовательности бахрейнцы. Союзники проводили свои операции в тесном взаимодействии; по сообщению Балазури и Ибн ал-Асира, те и другие вместе завоевывали Шираз и Шиниз в округе Ардашир-хурра, а также округ Арраган (Арраджан) ²⁸⁶.

О совместном завоевании округа Арраджан и Шираза сообщает также Ибн ал-Балхи ²⁸⁷.

Очевидно, сразу же после покорения Тавваза бахрейнское ополчение выступило против расположенного неподалеку в округе Шапур-хурра города Рев-Ардашир (у мусульманских авторов — Рашахр и Ришахр), где арабов ожидало новое иранское войско, предводительствуемое марзбаном Парса Шахраком (Сухраком) ²⁸⁸. Для иранцев предстоящее сражение было решающим, мусульманам противостояла теперь большая часть местного ополчения. Иранское командование приняло меры для предотвращения возможного дезертирства и с этой целью поставило у себя в тылу засаду, которая бы расправлялась с беглецами. Сражение было упорным и продолжалось до

гибели Шахрака (традиция Сайфа ибн Омара связывает его гибель с завоеванием другого города), после чего персы оставили Рев-Ардашир и отступили. Город был завоеван силой оружия. Сражение за Рев-Ардашир по ожесточенности и драматизму Балазури сравнивает с одним из боев при Кадисии. Отряды наместника Бахрейна подчинили и другие города и рустики округа Шапурхурра, в том числе Бишапур, Казерун, Джирру и Ноубандаган²⁸⁹.

Завоевание округа Дарабгерд и его крепостей Табари и Балазури относят к 23 г. х., однако первый связывает это событие с именем Сарийи ибн Зунайма, второй — с именем Османа ибн Абу-л-Аса. По существу, это различные версии одного и того же события, поскольку и ситуация, в которой все происходит, у каждого автора своя²⁹⁰. По Табари, отряды Сарийи ибн Зунайма, посланные из Басры, подвергли осаде Пасу и Дарабгерд. Защитникам поспешили на помощь местные курды, и совместными усилиями персы и курды стали теснить мусульман, угрожая окружением. Когда их положение оказалось безнадежным, арабы спаслись с помощью чуда: глас халифа Омара повелевает им отойти на гору, оттуда они контратакуют противника и выигрывают сражение. Изложение Балазури более прозаическое: Осман ибн Абу-л-Ас приходит в Дарабгерд, заключает с хербедом мирный договор. Затем завоевывает Джахрам (Джахрам), один из рустиков округа, приходит в Пасу и мирно подчиняет ее на тех же условиях, что и город Дарабгерд. Эпический момент, так характерный для некоторых представителей мусульманской традиции, у Балазури отсутствует, он уступает место изложению существа дела и в данном случае сообщает историку больше, чем пространное описание у Табари.

Начало завоевания Стахра, колыбели сасанидской государственности, Табари и Балазури датируют по-разному. Согласно первому, бахрейнский наместник Осман ибн Абу-л-Ас выступил на Стахр в 23 г. х. Ополчение Стахра и арабские отряды встретились в Гуре (Джур). Сражение принесло победу арабам. Иранцы сдали арабам Гур и Стахр, и все, кто мог, покинули город. Арабский полководец предложил оставшимся условия договора, которые были приняты хербедом, после чего население стало возвращаться на свои места. Имеется также указание на

то, что в битве за Стахр на стороне завоевателей участвовали отряды Азарбаяна ²⁹¹, правителя округа Шапур, сдавшегося арабам после осады. Версия Балазури переносит первое завоевание Стахра в 28 г. х., т. е. в период халифства Османа ибн Аффана. В то же время один из ранних мусульманских историков, Ибн А'сам ал-Куфи, завоевание Стахра связывает с походом Абу Мусы ал-Аш'ари, предпринятым после завоевания Спахана ²⁹². Хотя в сочинении нет указания на дату похода, но ссылка на марзбана Шахрака, переписка Абу Мусы с халифом Омаром и замечание халифа относительно того, что о завоевании Хорасана думать преждевременно, свидетельствуют о позиции автора по поводу датировки похода на Стахр. С падением Стахра завершился второй этап арабских завоеваний в Парсе, в результате которого все земли этой большой провинции оказались под номинальной властью наместников халифа.

Власть наместников в Парсе оказалась непродолжительной, и едва основная часть мусульманских отрядов покинула завоеванные земли, как население округов полностью вышло из повиновения. Сигналом для выступления населения против нового режима явилось, как сообщает Ибн ал-Балхи, известие о смерти халифа Омара и провозглашении халифом Османа ибн Аффана ²⁹³. Для арабских гарнизонов Басры и Тавваджа начался период повторного завоевания края, наказания отступников, ознаменовавший начало третьего этапа завоеваний в Парсе. Первым против арабов восстал округ Шапур-хурра. В 25 г. х./646 г. население изгнало арабскую администрацию и посадило правителем в Бишапуре брата погибшего марзбана Шахрака. Однако он проявил перешительность: после первых сражений с мусульманскими войсками во избежание нежелательных осложнений заключил с арабами договор и внес в государственную казну дополнительную сумму налога. Через год население округа вновь нарушило условия договора, и арабы в третий раз его завоевывали. Из Басры выступило войско, которым командовал Абу Муса ал-Аш'ари, а во главе авангарда был назначен Осман ибн Абу-л-Ас. Со взятием арабами Бишапура восстание было подавлено ²⁹⁴.

Выступление населения Парса против завоевателей не было одновременным в различных округах провинции и всюду носило локальный характер, так как после боль-

ших потерь не удавалось собрать большого ополчения. Восстания возникали спонтанно, по мере того, как собирались силы для выступления. Через три года после подавления очага сопротивления в округе Шапур-хурра восстало население Стахра, Дарабгерда и Ардашир-хурры. Развитие событий в 29 г. х./650 г. Табари изображает в такой последовательности: население Парса восстало против наместника Убайдаллаха ибн Ма'мара. В сражении с повстанцами у ворот Стахра Убайдаллах был убит, и мусульмане обратились в бегство. Новый поход против Стахра возглавил наместник халифа Османа в Басре Абдаллах ибн Амир, поставленный на этот пост вместо Абу Мусы ал-Аш'ари. В кровопролитном бою иранцы были разгромлены, а Стахр завоёван силой оружия ²⁹⁵. Ибн ал-Асир дополняет изложение своего предшественника сообщением о взятии Дарабгерда и Гура, черпая эти данные из дополнительных источников. Пока Абдаллах ибн Амир умирал восставших в этих районах, вновь пришла весть о мятеже в Стахре. Подавив очаги сопротивления в Дарабгерде и Гуре, Абдаллах вернулся в Стахр, где мусульмане учинили восставшим настоящую бойню. Во время расправы погибло много именитых иранцев из числа представителей знатных родов и «всадников» ²⁹⁶.

Если Табари и Ибн ал-Асир события, связанные с повторным завоеванием Парса, пытаются втиснуть в рамки одного года хиджры ²⁹⁷, то изложения Балазури и Ибн ал-Балхи дают более точное представление о продолжительности восстания и сообщают ряд дополнительных фактов. Автор «Фарс-наме» придерживается той же последовательности завоеваний (Стахр, Дарабгерд, Гур, Стахр), что и Ибн ал-Асир, но датирует завоевание Гура 30 г. х., а окончательное покорение Стахра — 32 г. х./653 г. Балазури допускает изменение последовательности, ссылаясь на более широкий круг источников, и отмечает, что в Дарабгерде были охвачены восстанием только две крепости (или рустака), а Гур сопротивлялся в течение нескольких лет, пока не был завоёван Абдаллахом ибн Амиром. Балазури сообщает также об осаде мусульманами и взятии на условиях мирного договора крепости Шахрийаджа, которую он отождествляет с Сирафом. Оба автора (Балазури и Ибн ал-Балхи) упоминают еще об одном восстании в Стахре, которое имело место в начале правления халифа Али ибн Абу Талиба (т. е.

вскоре после 656 г.) и было подавлено с необычайной жестокостью отрядами нового наместника в Ираке — Абдаллаха ибн Аббаса²⁹⁸.

Последняя расправа в Стахре обескровила иранскую оппозицию (называют десятки тысяч убитыми) и утвердила на земле Парса военное господство ислама.

Завоевание Кермана, Систана и Хорасана

К е р м а н

Завоевание Кермана осуществлялось параллельно с военными действиями в Парсе. Табари, Бал'ами и Ибн ал-Асир начало военных действий в Кермане датируют 23 г. х./644 г. Историческая традиция сообщает здесь немного подробностей, но дает возможность представить общую картину событий. Согласно ей, в Керман были посланы два мусульманских войска, предводительствуемые Сухайлом ибн Ади и Абдаллахом ибн Итбаном. Население провинции обратилось за помощью к местным горцам, которых источники называют «куфс». В сражении у западной границы керманское ополчение было разбито, марзбан (имя его не приводится) пал в сражении с арабским военачальником. После этой победы отряд Сухайла стал продвигаться в глубь провинции, к Джирафту, завоеывая на своем пути небольшие населенные пункты и крепости. Отряд Абдаллаха ибн Итбана двинулся через «пустыню» или, как нам представляется, через малонаселенные районы, служившие пастбищами для стад кочевников; арабам удалось захватить много скота, в основном верблюдов и овец. Согласно одной из версий, арабам удалось проникнуть в пределы Хорасана и захватить Табас²⁹⁹.

Поскольку в приведенном выше рассказе ничего не говорится о подчинении Шираджана (Сирджана), административного центра провинции, а называется второстепенный населенный пункт Джирафт (или Джирuft), есть все основания полагать, что до полного завоевания Кермана было еще далеко. Вызывает сомнение и сообщение о вторжении арабов в Хорасан в то время. Из другого источника следует, что после завоеваний в Парсе и Кермане Омар не был еще готов к тому, чтобы расширять границы Халифата дальше на восток³⁰⁰.

В повествовании о военных действиях в Кермане у Табари и Балазури есть один общий сюжет: гибель марзбана. Но Балазури связывает эту гибель с событиями на о-ве Абаркаван в Персидском заливе, когда арабы пытались взять Парс с моря. Главным же действующим лицом в завоевании Кермана он считает Муджаши ибн Мас'уда, который был послан в погоню за Йездигердом в 29-30 г. х./650-51 г. и, следуя его маршрутом, вторгся в Керман. В Биманде отряды арабов были полностью разгромлены. В повторном походе войску Муджаши удалось подчинить Биманд силой оружия. Далее Муджаши завоевал Барухраву (?) ³⁰¹ и подошел к Шираджану, население которого укрылось за крепостными стенами. Осада продолжалась несколько дней, защитники предпринимали против мусульман конные атаки, но избегали генерального сражения. Город был взят штурмом, оставшимся в живых защитникам была дарована жизнь, но многие эмигрировали. Окрестности Шираджана были завоеваны отрядом Раби ибн Зийада; с округами Бамм и Андагар арабы заключили мирный договор, но потом его нарушили персы. Муджаши завоевывал их вторично, он же подчинил Джирафт силой оружия. Завоевав Керман, арабы вышли к Хормузу, где одержали новую победу над иранским ополчением, составленным из беженцев.

Завоевание Кермана арабами вызвало большую эмиграцию местного населения, часть которого предпочла пересечь Персидский залив, другая переселилась в Мукран, третья нашла прибежище в Сакастане ³⁰².

С а к а с т а н (Сиджистан, Систан)

Сведения о завоевании Сакастана сохранились в двух версиях, которые условно можно назвать версиями раннего и позднего завоевания. В зависимости от того, какая из них положена в основу, выделяются и две группы источников: с одной стороны, Табари и Бал'ами, с другой — Балазури и анонимный автор «Истории Систана». Особняком стоит Ибн ал-Асир, который одинаково доверяет и Табари и Балазури, органически соединяя обе версии и представляя вторую (позднюю) как естественное продолжение первой (ранней).

Согласно версии раннего завоевания, первая военная экспедиция в Сакастан была снаряжена в 23 г. х./644 г. еще при жизни халифа Омара. Отряды Асима ибн Амра и Абдаллаха ибн Умайра, вторгшиеся в пределы провинции, были встречены местным ополчением. Иранское войско было разбито и отступило в Заранг (Зарандж), а арабы рассеялись по всему Сакастану, подчиняя окрестные города и селения. В конце концов защитники Заранга сдали город, предварительно выговорив для себя почетные условия договора. При Османе ибн Аффане и Али ибн Абу Талибе границы Халифата на востоке простирались уже до Синда и Каандагара³⁰³. Успехам мусульман на востоке в немалой мере способствовали междоусобицы местных феодальных правителей, которые в иной ситуации, при ослаблении власти мусульманской администрации, первыми выходили из повиновения и изгоняли наместника³⁰⁴.

Таким образом, первая версия дает лишь схематическое изложение раннего похода мусульман в Сакастан и весьма смутно изображает успехи арабов вплоть до прихода к власти Омейядов. Следуя здесь за Табари, Ибн ал-Асир в конце рассказа замечает, что кроме приведенной выше существуют и иные версии покорения Сакастана. Вторую версию автор помещает в главе событий 31 г. х./652 г. Он начинает ее фразой о том, что после завоевания Сиджистаца при Омаре население провинции вышло из повиновения, и потребовалась организация нового военного похода, который стал возможен лишь с назначением наместником Басры Абдаллаха ибн Амира³⁰⁵. Ибн ал-Асир, сделав такой переход от первой ко второй версии, дает сокращенное изложение рассказа Балазури о завоевании Сакастана³⁰⁶.

Насколько первая версия смутна и неопределенна, настолько вторая конкретна и подробна. Ее содержание состоит в следующем. Абдаллах ибн Амир ибн Курайз, наместник халифа Османа в Басре, в 30 г. х./650 г. возглавил военную экспедицию в Хорасан. Во время остановки в Шираджане он направил специальный отряд, предводительствуемый Раби ибн Зийадом, на завоевание Сакастана. Мусульмане овладели сначала населенным пунктом Бахра (Фахрадж), расположенным в пределах Кермана на дороге в Сакастан, затем успешно преодолели участок пустыни шириной в 75 фарсангов (при-

мерно 450 км) и вошли в рустак Залик³⁰⁷, от которого до центра провинции, Заранга, оставалось пять фарсангов. Арабы атаковали иранцев, запершихся в крепости Залика, в осенний праздник Михраган и захватили местного дехкана. Тому удалось откупиться и заключить мирный договор.

Несмотря на первый успех, арабы не решались на штурм Заранга, а стали подчинять окрестности. После Залика они захватили без боя селение Каркуйа³⁰⁸, расположенное в 8 км к северу от города, и заключили договор с рустакком Хайсун. Мусульмане вернулись в Залик, взяли там проводников до Заранга. Переправившись через долину р. Хильменд (у Балазури — Хиндманд, в «Истории Систана» — Хирманд), арабы подошли к укрепленному селению Зушт (у Ибн ал-Асира — Рушт), расположенному на расстоянии около 1 км от Заранга. В ожесточенном бою многие арабы были убиты. В повторной атаке они одержали победу. Из Зушта Раби двинулся к селению Нашруд и завоевал его силой оружия, захватил добычу и пленников. После Нашруда арабы подчинили селение Шарвад и только тогда решились на осаду Заранга³⁰⁹. После нескольких боев марзбан Парвиз заключил с мусульманами мирный договор³¹⁰. Еще некоторое время после подчинения Заранга арабы продолжали завоевания близлежащих округов. Затем Раби вернулся в Заранг, который стал с тех пор резиденцией наместника. Длительность наместничества Раби ибн Зийада в Заранге источники определяют в полтора-два года. Из дальнейшего повествования следует, что Раби вернулся в Басру, и Абдаллах ибн Амир прислал в Сакастан нового наместника — Абдаррахмана ибн Самуру. Но в отсутствие Раби население Заранга изгнало его заместителя и закрыло перед мусульманами ворота города. Абдаррахману ибн Самуре пришлось подчинять Заранг заново. С именем Ибн Самуры связывают расширение владений наместника Сакастана до Индии, завоевание областей Руххадж (Арахозия) и Давар. «Мирным путем» были подчинены города Буст и Заболь.

С провозглашением халифом Али ибн Абу Талиба Абдаррахман ибн Самура был отозван из Сакастана. После него сменилось несколько наместников, изгнанных впоследствии восставшим населением. При первом омейядском халифе Му'авии ибн Абу Суфйане наместником

Сакастана вновь был назначен Абдаррахман ибн Самура, который продержался в этой должности до 666 г. В его свите было несколько военачальников, прославивших себя впоследствии на военном и административном поприще, в их числе Омар ибн Убайдаллах, Абдаллах ибн Хазим, Мухаллаб ибн Абу Суффра. Их имена сохранили не только летописи ислама, но и арабо-сасанидские монеты.

Версия позднего завоевания Сакастана, полнее всего изложенная у Балазури, представляется более достоверной. Во всяком случае, боевые действия в этой провинции, если они даже и имели место при халифе Омаре, ограничивались пограничными стычками с участием небольших сил и незначительными результатами.

Х о р а с а н

Завоевание мусульманами Хорасана — северо-восточной четверти Сасанидского государства — в большинстве средневековых исторических сочинений органически связывается с печальной судьбой последнего царствовавшего отпрыска династии Сасанидов. В некоторых из них тема скитаний Йездигерда III является ведущей. В других отдается предпочтение описанию военных событий. Разнообразие информации и характер подачи материала в источниках позволяют выделить по крайней мере три версии завоевания Хорасана: версия Сайфа ибн Омара, «иранская», версия Балазури и Али ибн Мухаммеда. Хотя грани между ними весьма расплывчаты, версии сохраняют известную самостоятельность и в целом учитывают все разнообразие материала, имеющего отношение к освещению событий. Все три версии в разной степени получили отражение у Табари, который дает наиболее полную сводку известий о завоевании Хорасана. Причем у него различные версии события имеют и документальное подтверждение в составе иснадов.

Версия Сайфа ибн Омара. В главе событий 22 г. х. Табари пишет историю завоевания Хорасана и злоключений Йездигерда III на востоке исключительно по Сайфу ибн Омару. Тот же рассказ автора летописи, но в сокращенном и отредактированном варианте повторяют Бал'ами и Ибн ал-Асир³¹¹. В самом тексте Табари воздерживается от датировок. Отнесение всех событий к 22 г. х. у него

чисто условно, дата эта могла означать лишь нижний предел хронологических рамок. Поместить рассказ Сайфа в разделе 22 г. х. нужно было для того, чтобы отделить его от других, о которых Табари скажет позже. Бал'ами также не датирует события, но его упоминание о халифах Омаре и Османе не оставляет сомнения в том, что подчинение Хорасана историк представлял как длительный процесс.

После поражения иранцев в сражении при Джалуле Йездигерд III, находившийся в Хулване, в сопровождении многочисленной свиты уходит в Рей. В Рейе он отсиживается до окончания битвы у Пехавенда. Узнав о новом поражении своей армии, шаханшах оставляет Рей и направляется дальше в глубь территории: сначала в Спахан, затем в Керман. О длительности пребывания Йездигерда в каждом из городов источники не упоминают (вероятно, она не превышала нескольких месяцев), известно только, что из Кермана он двинулся на север, в Хорасан, сделал остановку в Нишапуре, а затем ушел в Мерв — оплот сасанидского владычества на северо-востоке Хорасана. Из Мерва шаханшах разослал послания в иранские провинции, еще не захваченные арабами, и получил в ответ уверения вассалов в их преданности. Послания эти имели и другую цель — активизацию борьбы местного населения на уже завоеванных арабами территориях. Под влиянием ли призывов шаханшаха к вооруженному сопротивлению или независимо от них крупные восстания произошли в Парсе и Мидии. Чувствуя себя в полной безопасности вдали от театра военных действий, Йездигерд III избрал Мерв своей постоянной резиденцией, в двух фарсангах от города приказал установить древний алтарь огня, вывезенный во время отступления из Рейя, и благоустроить местность садами и цветниками.

Вторжение мусульман в пределы Хорасана источники связывают с задачей преследования Йездигерда III, которая стала реальной после того, как арабы завоевали большую часть Ирана, и возможность захвата резиденции оставшегося без власти монарха сравнительно небольшими силами представлялась халифу очевидной при условии назначения во главе военной экспедиции опытного полководца. Для выполнения этой задачи халиф Омар назначил Ахнафа ибн Кайса во главе войска, составленного

из куфийцев и басрийцев. Арабское войско двигалось через Мнхраган-кадак, Снахан и вошло в Хорасан со стороны Табасайна (у Бал'ами — со стороны Табаса в Кухистане). Оттуда оно двинулось на север и подчинило Герат силой оружия. Оставив в Герате наместника с небольшим гарнизоном, Ахнаф направил два отряда на завоевание Нишапура и Сарахса. Эти два города были сданы без боя. Основная часть войска вместе с Ахнафом выступила на Мерв. Когда арабы приблизились к Мерву, Йездигерд III оставил свою резиденцию и ушел в Мервруд, откуда разослал гонцов к хакану тюрков, царям Согда и Китая с просьбой предоставить военную помощь.

Дальнейшие события развивались следующим образом: пока шаханшах ожидал прибытия помощи от соседних правителей, к Ахнафу в Мерв подошли свежие силы, присланные из Куфы по указанию халифа. После этого, оставив в Мерве гарнизон, Ахнаф ибн Кайс с остальным войском двинулся на Мервруд, а Йездигерд вынужден был отступить из Мервруда в Балх. Вслед иранцам был послан отряд куфийцев, который после боя овладел городом, а Йездигерд со своим отрядом вынужден был уйти за Амударью. Ахнаф перенес свою ставку в Балх. Население Хорасана от Нишапура до крайних восточных пределов Тохаристана выразило покорность и заключило с арабами мирные договоры. Ахнаф с войском вернулся в Мервруд, оставив в Балхе наместника с гарнизоном.

Захват Хорасана, как подчеркивают источники, еще не входил в задачу мусульманской администрации. Известие об успехах арабов на востоке вызвало раздражение халифа, так как Хорасан рассматривался пока в качестве нейтральной зоны между территорией Халифата и кочевниками. Завоевание Хорасана делало арабов непосредственными соседями беспокойных тюрков.

За Амударьей шаханшах получил большое войско — ополчение из согдийцев и тюрков, с ним он пересек реку в обратном направлении и вновь подошел к Балху. Арабский наместник поспешил вернуться к Ахнафу в Мервруд. Вскоре туда же подошло и объединенное войско шаханшаха и хакана, усиленное ополчениями из Балха и Тохаристана. Численность арабского войска источники определяют в 20 тыс. (куфийцы и басрийцы примерно в равном соотношении). Бал'ами называет и численность армии шаханшаха — 50 тыс. воинов. Арабы отошли

к склону горы, чтобы не дать возможности противнику обойти их с тыла. Дневные схватки не приносили успеха ни одной из сторон, до тех пор пока арабы не предприняли ночную атаку, во время которой погибло несколько родственников хакана. После этого тюркские отряды отошли в Балх, оставив шаханшаха на произвол судьбы.

Йездигерд III считал за лучшее отойти к Мерву, угрожая гарнизону арабского наместника. Последний подготовился к обороне, но шаханшах забрал только казну и сокровища, скрытые в тайнике, и собрался уйти с ними к тюркам или в Китай. Намерение Йездигерда вызвало ропот в войске, которое требовало искать защиты у арабов, а не у тюрков или китайцев, по крайней мере — не отдавать им казну. В результате войско отобрало казну и изгнало Йездигерда, которому не оставалось иного выхода, как со свитой искать убежища у хакана. Войско, оставшись без монарха, передало казну Ахнафу ибн Кайсу и приняло покровительство мусульман.

Обстоятельства гибели шаханшаха остаются неясными для сторонников первой версии, и они просто перечисляют разные возможные варианты, заимствованные из других источников. Помимо рассказа о бегстве шаханшаха к тюркам приводится другой, согласно которому в стане Йездигерда произошло восстание, и он вынужден был спастись бегством; иранцы настигли царя на мельнице, убили, а тело бросили в арык. Завершает повествование третий рассказ, который как бы является логическим продолжением первого. Йездигерд сын Шахрийара бежит из Мерва в Балх, оттуда эмигрирует за Амударью. В Согде он встречает своего посла, который вернулся с ответом китайского императора. В ответе подтверждается, что долг царей состоит в том, чтобы помогать друг другу. Но в сложившейся ситуации с мусульманами воевать бесполезно и свергнутому шаху лучше всего поддерживать с ними мирные отношения. В течение нескольких лет Йездигерд III живет в изгнании в Фергане, а когда в Хорасане начинаются антиарабские выступления, возвращается в свои владения и вскоре погибает.

Иранская версия. Вторую версию отличает преимущественный интерес к судьбе Йездигерда III, к характеру его взаимоотношений с вассальными правителями и владетелями, и почти полное равнодушие к военной истории покорения Хорасана.

Сводку рассказов о причинах и обстоятельствах гибели последнего сасанидского монарха историк Табари помещает под 31 г. х. ³¹². Его основными источниками являются здесь Хузали, Хордадбех ар-Рази и Хишам ибн Мухаммед (второй из них безусловно иранец). Кроме этих трех авторов, Табари не менее чем в десяти случаях ссылается на устную традицию («говорят также. . .», «другие говорят, что. . .»), конкретизируя или дополняя основное повествование. В этой связи не исключается возможность того, что источником информации для упомянутых трех авторов послужила устная традиция местного населения Хорасана.

Бал'ами, кратко изложив версию Сайфа ибн Омара в передаче Табари, историю Йездигерда III пересказывает по «книгам иранских преданий», которые были написаны раньше ³¹³. Он не называет своих источников. Возможно, это была прозаическая «Шах-наме» или ее среднеперсидский прототип «Хвадай-намак», или другие не дошедшие до нас памятники исторической прозы. Его рассказ близок к изложениям версии информаторов Табари. С разной степенью сокращения вторая версия нашла отражение в трудах Динавари, Са'алиби, в сочинениях сирийских писателей, в частности Михаила Сирийца ³¹⁴.

Наиболее развернуто история Йездигерда III изображена в гениальной поэме Фирдоуси ³¹⁵. Она близка и к рассказам информаторов Табари, и к повествованию Бал'ами.

Поскольку источники в целом не противоречат один другому, а скорее дополняют друг друга, для воспроизведения иранской версии воспользуемся их суммарной информацией, приняв в качестве основного повествование «Шах-наме». Согласно Фирдоуси, решение уйти в Хорасан было принято уже на совете у Йездигерда, созванном вскоре после поражения иранцев в битве при Кадисии и завоевания арабами значительной части Вавилонии. На востоке страны шаханшах надеялся прийти в себя от военных поражений, собрать новую армию и установить близкие отношения с тюрками и китайцами; особые надежды он возлагал на Махуйе, канаранта (марзбана) Мерва, обязанного Йездигерду своим возвышением ³¹⁶.

Шаханшах со свитой и небольшой частью войска выступил из Багдада, в домусульманское время славившегося своим базаром, и двинулся на восток, предоставив армии и дехканам возможность самим сражаться

с арабами. Источники называют не все города, в которых останавливался Йездигерд. Хишам ибн Мухаммед и «остальные» информаторы Табари упоминают о его непродолжительном пребывании в Спахане. Там Йездигерд надеялся на помощь местного дехкана Матйара, который пришел к власти с согласия исфаханской знати. Но встреча дехкана с шаханшахом не состоялась. Когда Матйар попытался войти в резиденцию Йездигерда без доклада, он был задержан привратником. В результате дехкан избил привратника, а шаханшах поторопился покинуть город, в котором так грубо обошлись с его подданным³¹⁷.

Фирдоуси не сообщает об этой подробности, как и обо всем, что может уронить достоинство «царя царей» в глазах читателя. Первым остановочным пунктом в маршруте скитаний Йездигерда III Фирдоуси называет Рей. Там, согласно Фирдоуси, шаханшах предается запою. Обстановка, как ее изображает Хишам ибн Мухаммед, складывается для Йездигерда неблагоприятно: в шаханшаха не верят, прибывший в Рей владетель Табаристана сначала предлагает ему свою провинцию, а когда тот отказывается, вынуждает шаханшаха выдать ему грамоту на утверждение в должности спахбеда; Йездигерд сам вручает просителю перстень с печатью, чтобы тот оформил документ по всей форме³¹⁸. Бал'ами пишет, что из Рейя шаханшах направил гонцов с посланиями в разные концы государства; согласно Фирдоуси, он занялся этим после ухода из Рейя и остановки в Гургане.

Дальнейший маршрут Йездигерда III проследить несложно, хотя Бал'ами и Фирдоуси пропускают остановочные пункты: первый — ввиду краткости изложения, второй — по причине неприятных фактов из биографии «царя царей», о которых он предпочитал умолчать. Согласно рассказу Хишама ибн Мухаммеда, Йездигерд имел продолжительную остановку в Фарсе, потом ушел в Керман, где тоже оставался два или три года. С дехканом Кермана у него возникли разногласия после того, как тот отказался сопровождать коронованную особу; они достигли кульминации, когда местный правитель в ответ на требование дать заложников как гарантию верности отказался и на этот раз подчиниться. Он просто изгнал шаханшаха из своих владений³¹⁹.

Из Кермана Йездигерд III вынужден был уйти в Сакастан. Фирдоуси пишет, что туда он прибыл из Гургана.

Пребывание шаханшаха в Бусте не комментируется никак, но сообщается, что оттуда он направил своим наместникам в Тусе и Мерве послания, требуя предоставить военную и материальную помощь. В письме канарангу Туса конкретно указывалось, сколько скота, зерна, кож должно поставить население провинции. Цифры поражают масштабом, но любопытно и другое: Йездигерд не настаивает на том, чтобы приносили золото и драгоценности³²⁰. В Сакастане, как пишет Табари, ссылаясь на Хишам ибн Мухаммеда, было принято решение уйти в Хорасан, собрать там войско и с ним выступить против арабов. В свите шаханшаха, насчитывавшей несколько тысяч человек, преобладали лица, которые в сложившейся обстановке были скорее обузой, чем необходимостью: дворцовые рабы и прислуга, писцы и конюшенные, законные жены и наложницы, члены царского рода — в основном старики и дети. В числе сопровождавших Йездигерда лиц Хишам ибн Мухаммед называет «заложников из детей дехканов»³²¹, которых шаханшах, по-видимому, держал у себя, чтобы гарантировать повиновение местной знати. До Мерва шаханшах и его свиту сопровождал и вооруженный отряд Фаррухзада. Как сообщают Табари со ссылкой на Хордадбега ар-Рази и Фирдоуси, в Мерве Фаррухзад (у Табари — Хурразад Михр) передал Йездигерда III марзбану Махуйе, а сам возвратился в Ирак (у Фирдоуси — в Рей), где его присутствие было более необходимо.

Марзбан Махуйе контролировал территорию до Амударьи. За рекой начинались владения хакана тюрок. Прибытие монарха, лишённого реальной власти, но высокомерного и тем более невыносимого, нарушало установившийся порядок вещей. В таких условиях развязка должна была наступить скоро. Назревающий конфликт между Йездигердом и его вассалом в источниках описывается по-разному, так, как его понимали информаторы. Известно, что Махуйе заключил с хаканом тайный союз о совместных действиях против Йездигерда. Но если Фирдоуси хочет объяснить предательство марзбана его низким происхождением и подлым нравом, то Ибн Исхак, Хузали и Бал'ами начало конфликта видят в реакции Махуйе на требование шаханшаха уплатить палогия, а Хордадбег ар-Рази и Хишам ибн Мухаммед — в попытках шаханшаха сместить неугодного вассала и заменить его более сговорчивым.

Развитие конфликта наиболее исчерпывающе изложено у Хишама ибн Мухаммеда, без чего поступки действующих лиц, упомянутые у других авторов, оказались бы непонятными. Из рассказа следует, что Йездигерд вовсе не был допущен в город Мерв. Попытка шаханшаха силой сместить строптивого дехкана и сделать наместником верного Фаррухзада ни к чему хорошему не привела: население города отказалось открыть ворота. Когда в следующий раз Йездигерд вместо Махуйе собирался посадить на должность наместника племянника Махуйе, дехкан (по другим источникам — марзбан) стал готовить убийство шаханшаха. Возможно, что дело обстояло еще сложнее и правы те информаторы, которые считают, что во всем был виноват сам Йездигерд. Играя на соперничестве двух местных вождей, он отличает одного и пренебрегает другим; первый усугубляет неприязнь шаханшаха ко второму; когда дело заходит слишком далеко и опальный вельможа направляется к Йездигерду за выяснением отношений, тот спасается бегством ³²².

Роль тюрок в последующих драматических событиях источники оценивают неоднозначно. Одни из них (Ибн Исхак, Хордадбех ар-Рази, Бал'ами, Фирдоуси) утверждают, что хакан безоговорочно принял сторону Махуйе и поспешил выслать войско; Фирдоуси уточняет при этом, что сам хакан не участвует в походе, избегая непосредственно ввязываться в сомнительное предприятие, но поручает это дело другому. Хузали подчеркивает, что в противоборстве с шаханшахом мервцы вообще не прибегали к помощи тюрок; то же следует и из заключительного рассказа второй версии, который Табари приводит со ссылкой на «других» авторов. Наконец, Хишам ибн Мухаммед невольное участие хакана в действиях против Йездигерда объясняет как результат козней Махуйе. Вначале между «царем царей» и хаканом нет каких-либо недоразумений, в трудное для шаханшаха время приближенные даже предлагают ему уйти в землю тюрок. Но Махуйе устраивает сближение Йездигерда и Найзака ценой отказа шаханшаха от влиятельного вельможи Фаррухзада ³²³, а затем делает все возможное для того, чтобы в результате возникшей ссоры между государями иранцев и тюрок Йездигерд остался без защиты.

Источники, повествующие о прямом сговоре марзбана с хаканом, изображают дело таким образом, что Йездигерд

мужественно отражает нашествие тюрков, но вынужден бежать из-за предательства Махуйе (так у Хордадбеха ар-Рази и Фирдоуси), или, как у Бал'ами, тайно покидает резиденцию, узнав о прибытии иноземцев и готовящемся покушении. Все источники без исключения считают последним убежищем шаханшаха мельницу на берегу Мургаба, где он в течение нескольких суток укрывается от погони. Крайне измученный физически, голодный, «царь царей» не может приступить к пище, не совершив молитву по зороастрийскому обряду. Эту бытовую деталь отмечают Хордадбех ар-Рази, Хишам ибн Мухаммед и Фирдоуси³²⁴. Можно думать, что авторы (в особенности Фирдоуси) стремились отразить в этом эпизоде благочестие и набожность Йездигерда III. Для нас важно другое: благочестие шаханшаха ускорило его гибель. Действительно, христианину-мельнику приходится либо идти за барсомом в Мерв и доставать его у зороастрийцев, как сообщают Хордадбех ар-Рази и Фирдоуси, либо просить зороастрийца, привезшего на мельницу зерно, совершить молитву для знатного гостя, как сказано у Хишама ибн Мухаммеда. Станные просьбы христианина не остаются незамеченными, они наводят врагов на след Йездигерда.

Большинство источников считает, что Йездигерд был убит мельником при участии людей марзбана Махуйе, а Бал'ами и некоторые другие убийцей шаханшаха называют только мельника, польстившегося на богатые одежды и драгоценности.

Все источники (передатчики) иранской версии повествования о Йездигерде, кроме Бал'ами, упоминают об участии христианской общины Мерва в организации похорон «царя царей». Фирдоуси и безымянные авторы («другие»), на которых ссылается Табари, отмечают особую атмосферу торжественности траурной церемонии и дань глубокого уважения иноверцев к убиенному монарху. Но легитимист Фирдоуси видит в этом признание царских достоинств погибшего, в то время как «другие» объясняют доброе расположение христиан к покойному добродетелями царственных предков Йездигерда III. Церемонию похорон описывают и Фирдоуси, и безымянные авторы. У последних она изображена более подробно. Когда в убитом опознали царя персов, мервский митрополит Илья родом из Ахваза собрал христиан и обратился к ним с речью. В ней он напомнил о том, что Йездигерд —

сын Шахрийара, а Шахрийар — сын Хосрова Парвиза и христианки Ширин, известной своими благодеяниями в отношении единоверцев. Значит и убитый царь тоже христианин по происхождению. Митрополит призывает паству скорбеть о погибшем ввиду добрых деяний его предков, в особенности его бабки Ширин, которая была христианкой, и похоронить его со всеми почестями. В саду митрополита сооружают гробницу (у Фирдоуси — дахму). Тело Йездигерда оборачивают в саван, кладут в гроб, гроб помещают в гробницу, вход в нее засыпают.

Хузали и Хордадбех ар-Рази утверждают, что тело шаханшаха было перевезено в Стахр и похоронено там.

У ряда авторов история Йездигерда III на этом не кончается. Согласно Бал'ами, Махуйе, противник шаханшаха, остается в Мерве до прихода туда арабов. Когда мусульмане оказываются уже у стен города, Махуйе бежит за Амударью и остаток жизни проводит у хакана тюрков. Арабы завоевывают Мерв, Герат, Балх и утверждают политическое господство ислама до Амударьи. Их полководец Ахнаф избирает своей резиденцией Мервруд, затем переселяется в специально для него выстроенную крепость в четырех фарсангах от города.

Фирдоуси по-иному распоряжается судьбой Махуйе. Торжественные похороны Йездигерда дают марзбану повод начать преследование христиан. Сам Махуйе чувствует себя беспокойно и раскаивается в содеянном; убийство шаханшаха, совершенное по его приказу, не принесло ему ожидаемого удовлетворения: хотя завладел и короной, и пышным облачением «царя царей», царем его никто не считает, даже союзники-тюрки. Бесславная смерть Махуйе в итоге повествования — назидательный урок тем, кто, не принадлежа к царскому роду, осмелится посягнуть на личность шаханшаха и царский трон. Сами иранцы подвергают мятежного марзбана мучительной казни: отсекают сначала одну руку, потом обе ноги, уши и нос и, наконец, сжигают полуживого марзбана вместе с тремя его сыновьями, а весь его род предают проклятию. В этой связи заслуживает внимания утверждение Хузали о том, что за отступничество от монарха Мерв был прозван «врагом царя».

Согласно Хишаму ибн Мухаммеду, Абу Бараз (он же Махуйе) остается дехканом Мерва и при арабах. Все драгоценности погибшего Йездигерда он пересылает халифу.

Получив сокровища, халиф Осман требует взыскать с дехкана стоимость пропавшей серьги.

Хузали останавливается на проблеме побочных детей и внуков Йездигерда III. От сожительства с одной из наложниц в Мерве у Йездигерда рождается сын, но это происходит уже после смерти шаханшаха. Сын Йездигерда живет в Хорасане. Когда много лет спустя Кутейба совершает поход в Среднюю Азию, к нему приводят двух девушек — детей Мухдаджа (побочного сына Йездигерда III); он отправляет их (или одну из них) к наместнику восточных провинций Халифата Хаджаджу ибн Йусуфу, а тот — Валиду ибн Абдалмалику. От брака омейядского халифа с внучкой Йездигерда родился сын Йазид ибн ал-Валид (Йазид III), короткое время (в 774 г.) занимавший пост халифа.

Версия Балазури и Али ибн Мухаммеда ³²⁵. Третья версия завоевания Хорасана сосредоточивает внимание не столько на взаимоотношениях Йездигерда III с провинциальной знатью и тюрками, сколько на военной истории и политических отношениях мусульман с иноверцами. История Йездигерда здесь не исключается полностью, но занимает в повествовании подчиненное место. Видно, что авторы в достаточной степени владеют иранской устной и письменной традицией, но относятся к ней критически (особенно Балазури), известные факты они меняют местами, сокращают, и история скитаний шаханшаха предстает у них в несколько ином виде. Военная история дается на основании информации передатчиков.

Балазури рассказывает о Йездигерде и описании военных походов мусульман в Хорасан помещает в разных частях своего сочинения как не имеющие непосредственной связи между собой. История Йездигерда начинается у него с бегства шаханшаха из Хулвана. У Балазури назван несколько иной маршрут отступления: Хулван—Спахан—Стахр. После подчинения арабами Спахана шаханшах безуспешно преследует отряд Абдаллаха ибн Будайла. В 29 г. х./650 г. наместником в Басре становится Абдаллах ибн Амир. Йездигерд намеревается уйти в Табаристан к тамошнему марзбану, но отступает в Керман. Вдогонку ему Абдаллах ибн Амир посылает два отряда, один из которых почти полностью погибает во время пурги. Высокомерие шаханшаха по отношению к марзбану Кермана приводит к конфликту, и Йездигерд вынужден уйти в Сакастан. И там

мирные отношения с местным правителем уступают место вражде, едва только шаханшах заводит речь об уплате налога. Из Сакастана Йездигерд со свитой выступает в Хорасан. У границы провинции Мерв его с почестями встречают марзбан Махуйе и тархан Низак, предоставивший иранскому «царю царей» верховых лошадей. Отношения с тюрками портятся после того, как Йездигерд в пренебрежительной форме отказывается выдать замуж за Низака свою дочь. От марзбана он требует немедленно уплатить налоги. Тогда Махуйе и тархан готовят покушение на шаханшаха. Низак с войском появляется в окрестностях Мерва и сражается с отрядами Йездигерда. Сначала тюрки отступают, но потом одолевают персов. Шаханшах торопится укрыться за стенами Мерва, но ему не открывают городских ворот. Пешком он доходит до мельницы на р. Мургаб.

Далее следуют вариации на тему о том, кто и по чьему приказу убил шаханшаха. Сын Йездигерда III Пероз попадает в плен к тюркам и воспитывается в их среде.

Рассказ о военных действиях в Хорасане представляет у Балазури подробный перечень покоренных городов, провинций и округов с указанием условий подчинения, иногда с цитированием текста мирного договора. В этом отношении к рассказу Балазури близко изложение Ибн А'сама ал-Куфи, но последний пишет более конспективно. Али ибн Мухаммеда, на которого постоянно ссылается Табари, в равной степени интересуют и вопросы военной истории, и договоры завоевателей с покоренным населением. Здесь он в достаточной степени подробен, но истории гибели Йездигерда III не касается.

Али ибн Мухаммед и Балазури военную историю подчинения Хорасана изображают вне связи с историей Йездигерда. По Балазури, начало вторжению в Хорасан было положено в наместничество Абу Мусы ал-Аш'ари. Тогда отряд Абдаллаха ибн Будаила, подчинив Керман, выступил в Табасайн (двойств. от «Табас») — название двух крепостей и подчиненных им округов, которые именуют еще «вратами Хорасана». Там мусульмане захватили богатую добычу. Но планомерное завоевание восточной четверти Сасанидского государства Балазури относит к 30 г. х./651 г. У Табари, очевидно, под влиянием его основного информатора Али ибн Мухаммеда события на востоке Ирана помещены под 31 и 32 гг. х. и относятся,

таким образом, ко времени после смерти Йездигерда III.

Военный поход в Хорасан возглавляет новый наместник в Басре — Абдаллах ибн Амир, отличившийся до того в покорении Парса. К походу его побуждают, как сообщает Али ибн Мухаммед, арабские военачальники. Оставив в Басре заместителя, наместник во главе войска двинулся на Керман. Мусульманская армия стала лагерем в Сираджане, административном центре провинции при последних Сасанидах. Из Сираджана мусульмане выступили на северо-восток и, преодолев пустыню Равар, в 80 фарсангах от города вышли к Табасайну³²⁶. Табасайн был подчинен, очевидно, без сопротивления. Балазури отмечает, что Абдаллах ибн Амир оставил в силе прежний договор арабов с местным населением. Овладев «вратами Хорасана», полководец поставил своей ближайшей задачей завоевание Абаршахра (Нишапура). Путь к Нишапуру лежал через горную область Кухистан. В Кухистане авангард мусульманского войска, предводительствуемый Ахнафом ибн Кайсом, был встречен ополчением эфталитов, живших в Гератской провинции. Балазури умалчивает о том, что эфталиты были из Герата, но утверждает, что в составе ополчения были также и тюрки, которые, как и эфталиты, оказывали военную помощь населению Кухистана. Упоминание об участии тюрков в этих событиях представляется сомнительным.

Мусульмане вынудили противника к отступлению и беспрепятственно достигли Нишапура. Балазури отмечает, что вначале они успешно овладели рустакми Абаршахра (Зам, Джувейн, Бейхак, Исфараин и др.), увели оттуда большое количество пленных. Затем в течение нескольких месяцев осаждали административный центр провинции. В результате предательства одного из вельмож, управлявшего одним из четырех районов города, мусульманам удалось ворваться в город, но еще некоторое время ушло на то, чтобы заставить отряд, запершийся вместе с марзбаном в главной цитадели, кухандизе, сложить оружие. Али ибн Мухаммед в одном из вариантов версии отмечает, что арабы захватили сначала половину Абаршахра, в то время как другая находилась в руках Кинары (очевидно, это не имя, а искаженное название должности — «канаранг», то есть марзбан). В конце концов Кинара заключил мир с Абдаллахом ибн Амиром (условия не указаны)

и для гарантии его соблюдения отдал арабскому полководцу в качестве заложников своих сына и племянника, которые впоследствии были освобождены. Там же Абдаллаху ибн Амиру были подарены две невольницы (служанки) из Сасанидского рода — известный сюжет с внучками Йездигерда III.

Пока басрийское войско завоевывало Абаршахр, другим путем в Хорасан были направлены отряды из Куфы. Достигнув Гургана, Са'ид ибн ал-Ас, командовавший куфийцами, узнал о том, что Абдаллах ибн Амир уже подчинил Нишапур и отдал приказ отрядам возвращаться в Куфу.

После Абаршахра мусульмане заняли окрестные города и провинции: Тус, Абивард, Нису, Хумран, Сарахс, Герат, Мерв, Бадгис. Большинство их было подчинено на основании мирного договора.

32 г. х./652 г. был отмечен успехами мусульманских войск в районах восточнее Абаршахра. Датировку и изложение военных событий даем по Табари, который пользуется информацией Али ибн Мухаммеда. Командующим арабских отрядов был назначен Ахнаф ибн Кайс. О завоевании Мервруда имеются два рассказа у Али ибн Мухаммеда, восходящие к разным информаторам. Согласно первому из них, отряду Ахнафа ибн Кайса удалось потеснить противника и запереть в крепости. Некоторое время мусульмане осаждают город, потом осажденные направляют посла для переговоров о мире. Стороны обмениваются письмами, содержащими условия договора. Арабский военачальник заключает договор с марзбаном Мервруда. Второй рассказ освещает военную сторону событий и представляет их в несколько ином свете. Против арабов выступает ополчение из Тохаристана, Джузджана, Талекана и Фарйаба общей численностью в 30 тыс. воинов. После долгих совещаний и размышлений Ахнаф принимает решение оставаться на месте и встретить противника. Он располагает лагерь между р. Мургабом справа и горами слева, чтобы не дать противнику совершить обходный маневр. Свою помощь мусульманам предлагают мервцы, но Ахнаф отказывается от прямого военного сотрудничества с «язычниками». Он определяет им позиции между арабским войском и противником: «Если мы победим — мы вас выручим, если они победят — они вас перебыют». Сражение началось с наступлением темноты атакой противника и продолжалось до утра, «потом Аллах прогнал язычников». Мусульмане

преследовали отступающего врага. Марзбан Мервруда был схвачен воинами Ахнафа.

В одном из списков сочинения Бал'ами эти два рассказа объединены ³²⁷, в других — отсутствуют. Такое отклонение от «нормы» скорее всего можно объяснить результатом редакторской работы переписчика, имевшего перед собой и арабский текст первоисточника. В литографированном списке нашли отражение и другие события, имевшие отношение к действиям мусульманских отрядов на востоке и известные лишь в передаче Али ибн Мухаммеда.

После завоевания Мервруда Ахнаф ибн Кайс выступил во главе армии на Балх. С боя взять Балх не удалось, и арабы подвергли его осаде. Они заключили с населением мирный договор на условиях уплаты контрибуции. То же сообщает и Бал'ами, но называет иную сумму дани. Для сбора причитавшихся по договору денег Ахнаф оставил в Балхе своего двоюродного брата (у Бал'ами — дядю), а сам с войском двинулся к Хорезму. Поход оказался неудачным, с наступлением зимы войско Ахнафа возвратилось в Балх. В Балхе арабскому полководцу были вручены не только контрибуция, зафиксированная в договоре, но и богатые дары. Свою щедрость балхцы объяснили древним обычаем делать подношения своему правителю в осенний праздник михраган. Сборщик передал все вернувшемуся из Хорезма Ахнафу, а тот, непривычный к богатым дарам, отправил их наместнику Абдаллаху ибн Амиру. Последний отказался принять лично и распорядился передать казначею.

С подчинением Балха завоевание Хорасана завершилось, но еще не было прочным. Едва Абдаллах ибн Амир покинул пределы Хорасана, назначив в провинциях эмиров, условия договора нарушило население Герата. Местный вельможа Карен собрал сорокатысячное ополчение, включившее отряды из Герата, Бадгиса, Кухистана, Табасайна. Восставшие осадили войско арабов в Нишапуре. Но те вышли из крепости и, прибегнув к военной хитрости, вызвали панику в лагере иранцев, а затем преследовали отступающего противника. Карен был убит, мусульмане захватили богатую добычу, увели много пленных. За победу над восставшими военачальник Абдаллах ибн Хазим был утвержден в должности наместника Хорасана.

Завоевание Ирана арабами в VII в. имело своим следствием миграцию за пределы страны, на восток, части населения поверженной Сасанидской державы. Источники сохранили упоминание о зороастрийских общинах в Индии, Средней Азии, Китае. В последнее время установлено, что волна иранской эмиграции докатилась до берегов Японии. В Хронике, датированной 720 г., сообщается о прибытии в эту страну во второй половине VII в. (в 654, 657, 659, 660, 676 гг.) жителей «Тохаристана». Все эти люди знатного происхождения, они носят иранские имена. Японский исследователь видит в сообщении Хроники косвенное свидетельство странствования родственников Йездигерда III ³²⁸.

АРАБЫ И ПОКОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ ИРАНА

Картина взаимоотношений завоевателей с покоренным населением чрезвычайно сложна и запутана, если ее попытаться проследить, каждый раз выделяя из многочисленных событий военной истории. Отдельные факты этих взаимоотношений тонут в океане бесчисленных сражений, реальных и фантастических цифр. Собранные воедино, сопоставленные между собой и «привязанные» к конкретной обстановке они представляют собой важный материал для суждения о социально-экономических и религиозных отношениях в рассматриваемую эпоху.

Территорию Сасанидского государства к началу арабских завоеваний населяли многие народы, исповедовавшие различные религии. Большинство исповедовало зороастризм (иранцы), значительную часть городского населения в западном и северо-западном Иране составляли христиане (сирийцы, армяне, арабы), в Спехане (Исфахане) и Вавилонии существовали общины иудеев. Подчиненное положение иповерцев в Иране даже в годы наибольшей веротерпимости было достаточным основанием для недовольства центральной властью. И в этой связи становится понятным, почему отношение Мухаммеда и его сподвижников к «людям писания» отличалось от их отношения к «язычникам» (к которым причисляли и зороастрийцев). Было бы интересно изучить проблему взаимоотношений ранних мусульман с приверженцами других религий. Но обращает на себя внимание тот факт, что арабоязычные исторические сочинения, повествующие об эпохе завоеваний (наш основной источник информации), переносят внимание исследователя из области религиозных в область политических и социально-экономических отношений. При чтении источников иногда складывается впечатление, что отношение завоевателей к покоренному населению определялось не столько его конфессиональной принадлежностью, сколько

его поведением в конкретной ситуации. И подчас трудно установить, чем положение зороастрийцев в раннем Халифате отличалось от положения христиан и иудеев.

В мусульманской историографии IX—XII вв. изложение периода арабских завоеваний (равно как и других событий после хиджры) дается либо по годам хиджры, т. е. в хронологической последовательности, либо по отдельным регионам. Но и в том, и в другом случае средневековые авторы, черпавшие свои сведения у передатчиков информации и через них у непосредственных участников завоевательных войн, религиозные отношения между завоевателями и покоренным населением ставят в зависимость от политических и экономических отношений.

В ходе экспансии ислама на восток выработалось два типа завоевания иноязычного населения: «насильственное» ^{بسرور} ^{سور} (или принятый рядом исследователей перевод «силой оружия») и «мирное» ^{بسلام} ^{سلام}, предполагающее заключение мирного договора между победителями и побежденными. В зависимости от характера подчинения складывались и дальнейшие отношения между сторонами. Авторы книг о харадже, написанных в VIII—IX вв., сообщая о размерах поземельного налога с различных провинций, округов или населенных пунктов, почти всегда указывают на то, имело ли население завоеванных территорий договор с мусульманами, или же было подчинено оружием. В первые десятилетия существования Халифата способ подчинения мог иметь большое (решающее) значение в отношениях между мусульманской администрацией и населением.

Завоевание оружием

В сущности, подчинение всей территории Сасанидского государства, за некоторым исключением, осуществлялось насильственным путем, силой оружия, ибо населявшие Иран народы уступили арабам прежде всего как военной силе, о чем свидетельствуют многочисленные эпизоды истории завоеваний. Но в понятии устных передатчиков, авторов книг о харадже, составителей летописей и книг завоеваний, термин ^{بسرور} ^{سور} всегда противопоставлялся термину ^{بسلام} ^{سلام} и, как явствует из контекстов, означал только то, что население какой-либо территории не приняло условий до-

говора, предложенного арабами, либо арабы не приняли условий противника, и конфликт разрешен вооруженным путем, «насильственно», силой оружия в пользу мусульман, дав им неограниченные преимущества перед населением захваченной территории. На деле это означало, что судьба «насильственно» подчиненных находилась в руках победителей. В таких случаях по решению арабского военачальника население частично или полностью истреблялось либо обращалось в рабов (иногда — поголовно), а избежавшие участи пленников облагались тяжелыми поборами или же стогнялись с родных мест и эмигрировали, их земли и имущество конфисковывались. В начале завоеваний, как об этом свидетельствуют хроники, сражения были наиболее жестокими и кровопролитными; истребление врага продолжалось и после победы: победившая сторона пыталась оправдать собственные потери за счет противника. В пограничных крепостях Сасанидской державы главным противником мусульманских отрядов были персидские военные гарнизоны.

В Месопотамии арабский полководец Халид ибн ал-Валид натолкнулся на упорное сопротивление отряда иранцев, охранявших Айнат-Тамр. Когда возможности сопротивления были исчерпаны и осажденный гарнизон обратился с просьбой о мире, Халид отказался ее выполнить, взял крепость штурмом, часть защитников истребил, часть взял в плен. Были взяты в плен и христиане, собравшиеся в церкви¹. Во время боевых действий в Бахрейне при халифе Абу Бакре и в начале правления Омара главным объектом нападения арабов тоже были персидские гарнизоны; при захвате крепостей и других населенных пунктов эти гарнизоны подвергались истреблению².

Кроме персов серьезным противником мусульман на первом этапе завоеваний были местные арабы-христиане, состоявшие на военной службе шаханшаха и охранявшие границы державы. Они выполняли эту задачу как самостоятельно, так и в составе иранских отрядов. Активно участвовали в военных действиях против мусульман христиане и язычники из племен бакр ибн ваил, иджл, таглиб, намир. В то же время другая часть бакритов и иджлитов участвовала в походах Халида ибн ал-Валида. За союз с персами и византийцами христианские арабы безжалостно уничтожались или обращались в рабов³. Каких-либо намеков на то, что им удалось заклю-

чить договор с мусульманами, нет. Особенно бескомпромиссной была борьба с таглибитами, исповедующими христианство: отряды Мусанны и Халида истребляли их днем и ночью, топили в Тигре, сжигали в прибрежных зарослях; оставшиеся в живых семьи воинов обращали в рабство, забирали их имущество и скот ⁴.

В сражении при Айн ат-Тамре вместе с иранским гарнизоном, которым командовал марзбан Михран сын Бахрама Чубина, принимали участие бакриты, иджлиты и таглибиты, уцелевшие после поражения при Оболле, Хире и Анбаре, а также, по другим сведениям, племена намир и ийад. Они действовали автономно от персов под командованием полководца араба Акки, но разделили участь своих союзников — были подчинены «силой оружия» ⁵.

Вместе с тем случаи «насильственного» завоевания территории с преобладающим христианским населением отмечены только в первые годы завоеваний. В социальном, национальном и религиозном отношениях у христиан Междуречья и мусульман Аравии первой половины VII в. было больше общего, чем у мусульман и зороастрийцев. Это обстоятельство позволило уже халифу Омару I искать союза со своими непримиримыми врагами — таглибитами ⁶.

Даже после подробного очерка об арабских завоеваниях в Иране трудно судить о том, какая часть территории Сасанидского государства была подчинена силой оружия и какая — на основании договора. Изучение военно-политической истории периода, отображенной в мусульманских летописях, трудах по истории завоеваний и местных хрониках, дает возможность сделать вывод о том, что большая часть территории страны (по крайней мере три четверти ее) была подчинена «мирным путем», т. е. на основании договоров.

По ряду причин более точные сведения привести невозможно:

А. Подчинение «насильственное», как и «мирное», в каждом отдельном случае могло относиться и к небольшому селению, и к округу, и к целой провинции, к изолированной крепости и к крупному административному центру. Имеются указания на то, что часть Оболлы была подчинена силой оружия, а часть — на основании договора ⁷. Тот же источник сообщает, что города Джазиры — Верхнего Междуречья — были подчинены «мирным путем»,

а земли — «насильственно»⁸. В Парсе два населенных пункта округа Дарабгерд не приняли условий мирного договора мусульман с хербедами и были завоеваны «силой оружия»⁹.

Подобных примеров можно привести множество, но нет никакой уверенности в том, что все случаи в источниках учтены; сами источники с точки зрения подробности изложения материала не всегда равноценны, да и не все они сохранились.

Б. При «праведных» халифах, т. е. в течение трех десятилетий завоевательных войн Халифата, в силу ряда причин некоторые районы завоевывались по нескольку раз и были случаи, когда прежде заключенный договор после повторного завоевания терял силу. Восставшее население рассматривалось как нарушитель договора, поэтому арабы считали свои гарантии аннулированными и население могло быть обращено в рабство¹⁰. Вместе с тем были случаи, когда «насильственно» подчиненное население впоследствии получало статус зиммиев. Табари, например, сообщает такой факт: г. Шуш в Хузистане был подчинен силой оружия. Но население, после того как город был взят штурмом, запросило мира, и просьба эта была выполнена; в результате добычей мусульман стало только то, что было захвачено до заключения мира¹¹.

Военно-политическая обстановка на востоке Халифата в те годы менялась довольно часто. Поэтому одно-два столетия спустя, когда по рассказам воссоздавалась письменная история завоеваний, в среде историков и составителей книг о харадже возникли разногласия по поводу характера подчинения того или иного округа, населенного пункта, крепости или целой провинции. Особенно важен был этот вопрос для авторов книг о харадже, которые писали свои книги как пособие по взиманию налогов, а размер и вид налогообложения целиком зависел от характера окончательного подчинения. Иногда общие заключения источников на этот счет противоречат фактам, излагаемым теми же источниками в военно-политической истории: например, говорится, будто вся Вавилония, за редким исключением, была подчинена «насильственно», а статус зиммиев население этого района получило только по возвращении на свои земли (последний тезис отражен лишь в одном из трех рассказов¹²).

Конечно, районы, оставленные населением, считались покоренными силой оружия. Однако в данном случае желание авторов утвердить за Савадом положение «насильственно» подчиненной территории слишком очевидно и далеко от действительности.

Таким образом, к «насильственно» подчиненным относились районы, не имевшие договора с завоевателями: либо население отказалось от условий мусульман, либо не успело заключить договора, либо покинуло свои земли и ушло в глубь страны, не ожидая решения своей участи ¹³.

В некоторые районы (Вавилония, Масабадан в Мидии) местное население возвращалось, после того как по инициативе мусульман ему были предоставлены гарантии неприкосновенности и возможность обрабатывать свою землю.

На землях и в домах, покинутых иранцами, селились завоеватели, как это было в Кермане (их земли и имущество подлежали разделу между завоевателями) ¹⁴. Та же участь ожидала имущество рода Сасанидов и все, что ему принадлежало ¹⁵.

В организации сопротивления против мусульманской администрации как в годы завоеваний, так и после существенную роль играла мелкая и средняя иранская знать. Под ее руководством вспыхивали восстания в центре и на востоке страны. Восстания жестоко подавлялись, источники называют от сорока до ста тысяч убитых только в Стахре, среди них большое число «свободных» и «всадников» ¹⁶. Подавление очередного очага восстания давало мусульманам право объявить мятежный город (округ) территорией, завоеванной силой оружия, хотя бы население и имело прежде договор с мусульманами. «Насильственное» подчинение не сковывало новую администрацию условиями договора и давало возможность поступать с населением по своему усмотрению. Большое количество пленников было обращено в рабов именно в результате «насильственного» подчинения. Практика массового обращения населения в рабство существовала не только в начале, но и на заключительном этапе завоеваний, когда арабы достигли восточных пределов Сасанидского государства и захватили Сакастан и Мекран ¹⁷.

Договоры («мирное» завоевание)

Как уже говорилось, большая часть территории сасанидского Ирана была завоевана «мирным» путем, на основании договоров. И поскольку характер завоевания определял дальнейшие взаимоотношения мусульман с местным населением, «мирное» подчинение также заслуживает специального рассмотрения¹⁸.

В отечественных и зарубежных исследованиях по раннему исламу ссылки на договоры довольно многочисленны¹⁹. Однако там они используются главным образом для развития того или иного положения автора, чаще выборочно²⁰, и недостаточно привлекаются для анализа социальной и военно-политической истории Ирана.

Попытаемся осветить здесь два момента: а) что представляет собой договор как юридический документ в целом и каковы его структура и содержание; б) значение договоров для анализа «мирного» завоевания (договоры как исторический источник).

Специфика содержащейся в договорах информации позволяет выделить их в самостоятельную группу источников, близких между собой по времени составления, сходных по композиции и часто имеющих единый формуляр.

В научной литературе по раннему исламу один и тот же термин *mihān* («договор», ему соответствует среднеперсидский термин *mihgān*//*mihg* с тем же значением) переводят то как «договор о мире», то как «договор о капитуляции», «договор о неприкосновенности», «охранная грамота». Хотя в зависимости от контекста термин мог действительно иметь одно из этих значений, однако понятие договора как юридического документа, как будет показано ниже, значительно шире каждого из перечисленных определений.

На территории сасанидского Ирана в годы арабских завоеваний договоры заключались между мусульманами (в лице арабского военачальника) и местным населением (в лице фактического правителя округа, провинции, населенного пункта; в качестве такового могли выступать дехкан, марзбан, мобед, а в районах с христианским населением — епископ или старейшины города).

Договор как документ, регулирующий отношения между победителями и побежденными, господином и вассалом, был известен и персам и арабам задолго до вторжения мусульман в Иран. В «Карнамаке» Ардашира Папакана, сборнике легендарных и исторических деяний первого сасанидского царя, составленном в VI в., есть упоминание и о договоре (*mihrān*), и о нарушителях договора (*mihrāndrūžih*):

W 'lthšyl PWN ZK mynšn bwt 'YK 'L 'lmn W 'twrp'tk'n 'ZLW-m MH yzd'n' krt ZY šhlčwlyk LWTN KBD sp'h ZY gnd MN ZK kwst šhlčwlyk mtr''n krtk PWN plm'n bwt'l 'wb-š mt 'YK 'YMW'-t²¹.

«И Ардашир подумал о следующем: отправляюсь я в Армению и Азербайджан, потому что Йазданкард Шахразури с большим доблестным войском заключил договор с шахразурским краем, [и] тот ему подчинился».

Другой пример. Подданный Ардашира Михрак Ануш-задан родом из Парса, воспользовавшись отсутствием своего патрона, совершает вооруженное нападение на его имение и опустошает его, уносит имущество и казну. Действия Михрака и его сообщников Ардашир расценивает как нарушение договора (*mihrāndrūžih*) и принимает решение восстановить справедливость силой:

'MT-š mtr''ndlwčyh ZY mtr'k W 'p'ryk mrlwm'n p'ls PWN'dwynk 'šnwt Y'WL-1 ZNH 'ndyšyt 'YK MN kwhššn klm BR' 'p'yt pld'htn' 'HR 'L kwhššn k'lyč'l mtr'k 'ZLW'-tn²².

«Когда он услышал о таком нарушении договора Михраком и другими людьми Парса, он подумал, что сначала следует заняться борьбой с Кирмом, а затем отправиться на войну с Михраком».

В глазах своих противников Ардашир тоже предстает клятвопреступником за нарушение договора с шаханшахом Ардаваном. Именно так его оценивают сыновья Ардавана в письме к сестре:

W ZK ZY 2 wtbht bl'tl'n ZY LK MNW ZNH mtr'dlwč PWN bnd zynd'n' p'tpl's YHYTYW'-yt' MNW mlg PWN 'y'pt' hm'k B'YHW-nd²³.

«. . . И то, что два твоих несчастных брата, которых этот нарушитель договора в наказание заключил в тюрьму [и] которые молят о близкой смерти» (дословно: «просят пайти смерть»).

В «Сасанидском судебнике» имеется термин *mihrdruzih* для обозначения нарушения контракта²⁴, хотя там речь идет скорее всего о договоре между отдельными лицами, равными в правовом отношении; сфера применения этого договора совершенно иная.

Для арабов договор был хорошо известным документом, с помощью которого они уже задолго до Мухаммеда регулировали свои взаимоотношения с правителями соседних государств, улаживали межплеменные и религиозные распри²⁵. В Коране термин *عهد* встречается в двух значениях: в зависимости от контекста он может означать или договор мусульман с язычниками²⁶, или же, чаще, «завет», договор с богом²⁷. В мусульманской литературе по арабским завоеваниям термин употребляется главным образом в первом значении.

Целесообразность заключения договоров с местным населением (сирийцы, иранцы, армяне и др.) для мусульман и их союзников вытекала из подавляющего численного превосходства иповерцев над арабским войском. Для немусульман договор предоставлял возможность мирного разрешения вооруженного конфликта, когда другие, более почетные средства отстоять свободу и право на существование были исчерпаны.

В первые годы военной экспансии ислама договоры были, пожалуй, единственными официальными документами, регламентирующими взаимоотношения завоевателей с покоренным населением. В указах «справедливых» халифов и их преемников Омейядов по социальным вопросам чувствуется влияние местной доисламской традиции и первых договоров с «язычниками». Договор периода арабских завоеваний фиксировал признание факта политического подчинения иповерцев мусульманской администрации, определял взаимные обязательства победителей и побежденных, устанавливал между ними мирные отношения. Если в посланиях-договорах пророка Мухаммеда срок действия некоторых документов (в частности, его договора с христианами Наджрана) устанавливался «до Судного дня», т. е. длительность действия его была неограниченной, то для времени экспансии ислама на восток у нас нет четкого указания на этот счет. На практике срок действия ограничивался тем промежутком времени, после которого одна из сторон нарушала договор и он терял свою законную силу, аннулировался. Для мусуль-

ман соблюдение договора с иноверцами было обязательно до тех пор, пока «язычники» не нарушали его первыми. Этот пункт нашел свое отражение в Коране ²⁸. К авторитету Мухаммеда мусульманские историки и составители книг о харадже прибегали неоднократно, когда следовало подчеркнуть незыблемость договора и внушить правоверным уважительное отношение к му'ахидам — иноверцам, имеющим с ними договор ²⁹.

Перечень провинций, округов, населенных пунктов различного назначения, имевших договоры с арабами, содержит не менее пятидесяти наименований. В их числе Хира и ряд округов Вавилонии (Савада), часть округов Хузистана и Парса, провинции и административные центры провинций и округов: Анбар, Махруд, Хулван, Хамадан, Спахан (Исфахан), Динавар, Рей, Демавенд, Казвин, Тус, Кумиш (Кумис), Гурган, Герат, Пушанг, Бадгис, Мерв, Мервруд, Заранг, Шахразур, Каликал, Абхар и др. При взгляде на карту сасанидского Ирана можно судить о территории, завоеванной «мирным» путем.

«Мирный» путь не всегда означал бескровное разрешение конфликта, он определял лишь характер подчинения. Чаще заключению договора предшествовали стихийные набеги или организованные военные действия, осада крепостей, опустошение сельскохозяйственной округи. Инициатива заключения договора исходила либо от арабского военачальника, либо от иранского военного, либо гражданского должностного лица, когда последний осознавал бесполезность дальнейшего сопротивления. В таком случае в лагерь противника направляли представителя для ведения переговоров о мире на тех или иных условиях. Когда предложение о мире принималось, оно оформлялось договором, фиксировавшим конкретные условия сохранения мирных отношений и взаимные обязательства сторон.

На готовность иранской знати установить мирные отношения с завоевателями оказывали влияние и военные успехи арабов, и настроение в собственном войске, и невозможность дальнейшего сопротивления, и личные мотивы.

Доступный изучению ираноязычный материал по проблеме содержит иногда правовую терминологию, связанную с договорами, но вместе с тем сами иранские тексты договоров того периода нам неизвестны. С другой стороны,

арабоязычные мусульманские хроники и другие нарративные источники, в той или иной мере повествующие об истории завоеваний, изобилуют упоминаниями о договорах, однако полный текст договоров приводят редко. Историки VIII—X вв. чаще ограничивались более или менее подробным пересказом текста или перечисляли наиболее важные, с их точки зрения, пункты, касавшиеся размеров дани, подушного или поземельного налога. Полные тексты нескольких договоров, донесенные хрониками, и некоторые косвенные данные позволяют в общем виде представить формуляр такого важного юридического документа, каким был договор в первые десятилетия арабских завоеваний в Иране.

Сравнение различных юридических документов одной эпохи показывает поразительное сходство в структуре договоров, заключенных между воюющими сторонами, и любых других договоров, касавшихся земельных, имущественных и брачных отношений. В этой связи подлинные документы VIII—X вв. из Египта, составленные на папирусе, пергаменте и бумаге и публиковавшиеся с 1934 г. по 1962 г.³⁰, можно использовать как дополнительный источник для воссоздания структуры мирных договоров периода арабских завоеваний.

Договор составлялся в форме послания арабского восначальника главе местной администрации (марзбан, дехкан, мобед, в христианских районах — епископ, старейшины общины). Вступительная часть начиналась «басмаллой» — коранической фразой «Во имя Аллаха милостивого, милосердного!», обязательной для всех деловых документов мусульманского Востока³¹. Затем назывались имя отправителя, имя и титул адресата (или адресат без титула, когда договор был обращен ко всему населению).

После вступительной части следовал основной текст договора, в котором местному населению предлагалось одно из двух: либо принятие ислама, либо только политическое подчинение, не обусловленное исламизацией, но включавшее обязательства уплаты дани или подушного налога. Отказ от выполнения требований означал нежелание другой стороны разрешить конфликт мирным путем. Условия будущих договоров были сформулированы еще до начала организованной экспансии ислама в пределы Сасанидского государства. Во время стихийного вторже-

ния арабских отрядов в Вавилонию иранцам и их подданным предлагалось одно из трех: либо принять ислам, либо платить джизью, либо выходить на бой³². В случае готовности населения разрешить конфликт мирным путем оно (либо часть его) переходило в ислам либо, чаще, заключало с мусульманами мирный договор, обязывавший иноплеменцев платить дань.

Анализ содержания договоров показывает, что в большинстве случаев имело место только политическое подчинение, покоренное население сохраняло религию и обычаи своих предков. Активная исламизация иранского населения происходила значительно позже. Как зороастрийцам, так и христианам, заключавшим договор, мусульмане гарантировали личную неприкосновенность, неприкосновенность жилища и имущества, невмешательство во внутренние дела и дела веры, защиту от нападения соседей. В этом отношении не было принципиальной разницы между договорами, заключенными с последователями Ахура Мазды и христианами.

В каждом договоре обязательства заинтересованных сторон конкретизировались и часто находились в прямой зависимости от того, какие усилия приложили арабы, чтобы вынудить иранский гарнизон или его христианских союзников сложить оружие, и какой ценой им досталась победа. Известны случаи, когда гарантия безопасности предоставлялась только указанному в договоре количеству населения, как это было, например, при завоевании города Шуша в Хузистане или Сарахса в Хорасане³³. Вся сасанидская столица Селевкия-Ктесифон (Махозе, Мадаин), состоявшая из нескольких городов, была подчинена силой оружия, но гарнизону «Белого дворца» шаханшаха удалось заключить с арабами мирный договор на условиях выплаты дани³⁴. В других случаях договор касался всего населения, но в нем предусматривались обязательства побежденной стороны дополнительно к сумме дани выделить пленников либо уплатить налог или дань в больших размерах. В договоре, как правило, назывались последствия, которые влекло за собой нарушение побежденной стороной принятых условий.

Текст договора в его арабоязычном варианте заканчивался перечислением имен свидетелей (не менее трех человек из ближайшего окружения арабского восначальника) и упоминанием имени писца. Как можно судить по

мусульманским сочинениям, иногда имена свидетелей заменялись печатью военачальника (может быть, при снятии копии?). Среди известных нам договоров встречаются датированные.

Один экземпляр договора хранился у арабов, другой — у местного правителя. В источниках нет прямого указания на то, переводились ли договоры на язык покоренного населения, но ряд косвенных данных позволяет сделать предположение, что сам документ мог быть двуязычным, как билингвы первых сасанидских царей на камне, как ранние мусульманские папирусы из Египта конца VII — начала VIII в. В раннеисламском Иране следы двуязычия заметны на арабо-сасанидских монетах Омейядского халифата (часть легенд выполнена по-среднеперсидски, часть — по-арабски куфическим шрифтом). В переходный момент истории, когда две основные этнические массы (иранцы и арабы) были в постоянном взаимодействии, возможность существования двуязычия при оформлении двусторонних юридических документов не исключалась. В первые годы военной экспансии ислама, когда большая часть Вавилонии (Савада) находилась уже под властью мусульман, персы, подстрекая местное ираноязычное население к выступлению против арабов, заключали с ним договоры³⁵, которые могли быть поняты только на языке населявшей Савад народности.

Знакомство неарабов с содержанием договоров могло осуществляться и при помощи переводчиков, владеющих арабским языком. Во время походов Халида ибн ал-Валида в Ирак представители местных властей делали для себя копии договоров, заключаемых с мусульманами³⁶. Не исключено, что копия составлялась в ипоязычном варианте, т. е. на языке покоренного населения.

Для иллюстрации структуры договора приведем тексты двух договоров, которые можно считать типовыми для рассматриваемой эпохи. Первый был заключен между Ну'маном ибн Мукаррином и населением Мах Бахрадана: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Вот что пожаловал ан-Ну'ман ибн Мукаррин населению Мах Бахрадана. Даровал он им пощаду — их жизням, имуществу, землям, — возможность оставаться в своей вере, невмешательство в их внутренние дела и законы. От них требуется, чтобы ежегодно платили джизью тому, кто правит ими, с каждого совершеннолетнего по его имущественному по-

ложению и платежеспособности; чтобы указывали дорогу [мусульманину], находящемуся в пути; чинили бы дороги; оказывали гостеприимство тем, кто придет с мусульманским войском, и в любое время принимали бы их на постой; чтобы соблюдали верность и давали советы. А если будут вести себя дерзко и уклоняться, то наше покровительство над ними прекратится. Свидетельствуют Абдаллах ибн Зу-с-Сахмайн, Ка'ка ибн Амр и Джарир ибн Абдаллах. Написано в мухарраме 19 года [хиджры]»³⁷.

Нижеследующий договор был заключен с населением Спахана (Исфахана): «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Послание Абдаллаха паткоспану и населению Исфахана с его округой. Истинно, вы будете в безопасности, когда уплатите джизью! Вам надлежит ежегодно вносить джизью с каждого совершеннолетнего по платежеспособности тому, кто будет управлять вашей страной; быть проводниками у мусульман; чинить дороги, по которым они следуют; в любое время оказывать им гостеприимство; доставлять путника до места остановки; не подстрекать против мусульман. Мусульманам — ваши советы и то, что вы должны уплатить, а вам безопасность за ваши деяния. Если же вы что-то измените или кто-нибудь из вас нарушит договор и вы не выдадите виновного — то нет вам защиты. Кто обругает (оскорбит) мусульманина — о том станет известно, а если ударит его — того мы убьем. Написал... Засвидетельствовали Абдаллах ибн Кайс, Абдаллах ибн Варка, Исма ибн Абдаллах»³⁸.

Два эти договора можно в известном смысле считать типовыми, поскольку в них назван (перечислен) тот минимум требований, который необходим для поддержания мирных отношений между победителями и побежденными.

Содержание договоров могло изменяться и под влиянием обстоятельств, не имеющих прямого отношения к завоеванию конкретного населенного пункта. Вторгнувшись в пределы нижнего Междуречья, арабы вступили на малознакомую территорию и очень нуждались в помощи оседлого населения. Поэтому не случайно в договорах, заключенных с округами Вавилонии, обуславливается необходимость активного сотрудничества населения с мусульманами. Так, в договоре Халида с населением Оллейса оговаривается обязанность жителей со-

трудничать в качестве лазутчиков и помощников мусульман в их войне против сасанидских отрядов ³⁹.

Когда арена военных действий была перенесена в глубинные районы Ирана и успехи мусульман и их союзников часто оказывались под угрозой из-за непрерывных восстаний в покоренных областях, в двусторонние договоры был включен пункт об изъятии у населения оружия при сохранении за владельцами всего остального имущества. Например, в договоре с Гунди Шапуром Абу Муса ал-Аш'ари гарантировал населению сохранение жизни, личную неприкосновенность (свободу) и сохранность имущества, исключая оружие ⁴⁰. По одной из версий о завоевании Джейа (Гайа, Спахана, Исфахана), в условия мирного договора был включен пункт об изъятии оружия ⁴¹. На аналогичных условиях, как сообщает тот же источник, была подчинена и Йахудийа, предместье Исфахана.

Завоевание новых территорий сопровождалось миграцией арабских племен за пределы Аравии. Они обосновывались на захваченных землях, строили военные поселения. Победители становились собственниками земли, рабов и богатой добычи. С течением времени всячески поощрялась эмиграция иранцев, не желавших подчиниться новому режиму, на окраины и за пределы страны, что тоже нашло свое отражение в договорах (например, в договорах мусульман с населением Ширази, Самгана, Дарабада) ⁴². Такой же факт отмечен и в договорах арабов с Ниневией в верхнем Междуречье и с г. Каликал в Армении ⁴³.

Участники договора брали на себя ответственность за соблюдение его условий. Особенно это касалось побежденных, и мусульманские хроники учитывают главным образом факты нарушения договоров именно со стороны иноверцев; в период завоеваний такие случаи действительно были нередки. На их фоне эпизод, описанный у Куфи, в котором виновниками показаны арабы, заслуживает особого внимания. Содержание эпизода таково: во время боевых действий в Хузистане Абу Муса ал-Аш'ари послал из-под Тустара в Рам Хормузд два отряда, поставив перед ними задачу склонить население города к принятию ислама. Населению был дан шестимесячный срок для принятия решения, в течение полугода стороны должны были соблюдать перемирие. Соглашение было

оформлено соответствующим договором. Но арабы напали раньше времени, завоевали город мечом, захватили и поделили между собой добычу и пленников. Восстановить нарушенный договор удалось только после вмешательства халифа Омара. Пленные были отпущены, имущество возвращено, но это вызвало недовольство в войске, лишенном приобретений. Вину за происшедшее свалили на полководца, и некоторое время спустя Абу Мусе пришлось лично явиться к халифу для объяснений⁴⁴. По замыслу автора этот эпизод должен был прославлять справедливость и великодушие Омара ибн ал-Хаттаба. Однако в действиях халифа и его полководца заметно стремление любой ценой восстановить репутацию мусульманского войска в глазах иноверцев.

Источник не дает ответа на вопрос, приняло ли население Рам Хормузда ислам, и ничего не сообщает о его дальнейшей судьбе. Балазури также упоминает о перемирии и мирном договоре с арабами, но условия сохранения мира связывает не с исламизацией, как Куфи, а с уплатой фиксированной суммы дани (или налога)⁴⁵.

Имеются все основания предполагать, что сложившаяся форма договоров была не только выработана практикой взаимоотношений между конфликтующими сторонами, но и явилась результатом постоянного внимания халифа и его администрации к такому важному юридическому документу. Источники неоднократно сообщают, что тот или иной договор должен был утверждаться халифом⁴⁶. Не исключено, что некоторые договоры заключались непосредственно между халифом и местным населением, как о том свидетельствует Балазури⁴⁷. Наконец, халиф был высшим авторитетом в решении спорных вопросов взаимоотношений победителей и побежденных; он определял поведение мусульман в отношении местного населения и в ряде случаев его правовой статус⁴⁸.

Наличие договора с мусульманами давало покоренному населению статус зиммиев, иноверцев, на которых распространялось покровительство мусульманской общины. Стать зиммией значило сохранить личную свободу, избежать участи иноверцев, подчиненных «силой оружия», часть которых истреблялась во время захвата территории, а остальные уводили в плен и обращались в рабов⁴⁹. Не случайно поэтому, когда население той или иной провинции поднимало восстание, изгоняло араб-

ского наместника или специального уполномоченного по сбору налогов, т. е. действовало вразрез с условиями договора, при повторном завоевании местная знать спешила наладить мирные отношения с арабами и заключить новый договор, хотя бы его условия и были намного тяжелее прежних.

О фактах повторного завоевания источники упоминают часто, но столь же часто страдают отсутствием либо скудостью цифровых данных, что ограничивает возможности дальнейшего анализа. Но и те немногие сведения, которые сохранились, позволяют отчетливо представить, во что обходилось населению повторное «мирное завоевание». После первого подчинения Хиры отрядами Халида ибн ал-Валида размер годового налога по договору составил 190 тыс. драхм (по другим сведениям — от 80 до 100 тыс.)⁵⁰. После смерти халифа Абу Бакра население «пренебрегло договором» и «примкнуло к неверующим». На некоторое время Хира вновь оказалась под властью персов, а когда была завоевана вторично, уже Мусанной, и хирцы попытались вернуться к прежнему договору, оправдывая свое отступничество давлением сасапидской администрации, Мусанна не принял оправданий и выдвинул новые условия. Сумма налога была изменена, очевидно, в большую сторону (не названа)⁵¹. Наконец, в результате третьего, окончательного подчинения Хиры войском Са'да ибн Абу Ваккаса размер фиксированного налога увеличился до 400 тыс. драхм⁵².

В результате первого завоевания Заранга город был обложен тяжелой данью — тысяча рабов, несущих золотые чаши (кубки). Когда в результате поборов со стороны администрации халифского наместника Раби население этой восточной провинции восстало, изгнало наместника, а потом вновь было завоевано, размер дани в денежном и натуральном выражении составил 2 млн. драхм и 2 тыс. рабов, т. е. увеличился в несколько раз⁵³.

Как уже упоминалось выше, в договорах нет указания на точные сроки их действия; сроки определялись отношением сторон к соблюдению фиксированных договором условий. В зависимости от конкретных обстоятельств они могли, не омрачаемые конфликтами, действовать вплоть до «Судного дня» (а практически до того времени, пока будет ощущаться необходимость в них) либо до первого удобного случая, представившегося одной из

сторон, чтобы освободиться от обременительных условий (чаще нарушителем договора выступает побежденная сторона, но в истории завоеваний отмечены и исключения, как, например, в случае с Рам Хормуздом).

В практике договорных отношений между завоевателями и покоренным населением были нередки случаи «перезаключения договоров», когда эти важные документы, подписанные в свое время арабскими военачальниками и представителями местной администрации, подлежали утверждению и продлению при смене власти (халифа, халифского наместника или ответственного чиновника по сбору налогов). Пожалуй, наиболее ярко названные случаи проиллюстрированы в книге о харадже Абу Йусуфа на примере договора пророка Мухаммеда с христианами Наджрана⁵⁴. Как явствует из сочинения, договор после смерти пророка был подтвержден и продлен первым халифом Абу Бакром без каких-либо изменений; дальнейшие продления, сделанные последующими «праведными» халифами Омаром ибн ал-Хаттабом, Османом ибн Аффаном, Али ибн Абу Талибом, учитывали иной статус наджранцев в мусульманском обществе. Следует отметить, что при всех «перезаключениях» (продлениях) оставался в силе первый договор, к нему каждый раз прилагалось дополнение, составленное в форме письма халифа христианам Наджрана (после их переселения — выходцам из Наджрана)⁵⁵. В дополнении, как правило, находили отражение все существенные изменения, касавшиеся прав и обязанностей покоренного населения.

О продлениях (утверждениях) ранее заключенных договоров как о вполне обычных явлениях неоднократно упоминает и Балазури. Договор округа Табасайн в Хорасане, оформленный при халифе Омаре, был продлен новым наместником при Османе на тех же условиях⁵⁶. Аналогичную картину мы наблюдаем в Гургане. Первый договор был составлен между правителем этой провинции и арабским военачальником Са'идом ибн ал-Аси после 29 г. х. (около 650 г.). По его условиям иранцы должны были платить арабам 200 тыс. или 300 тыс. драхм дани. Такую же сумму они выплачивали и другому военачальнику, Йазиду, утвердившему прежний договор:

«Население его (Гургана) предложило ему дань, которую Са'ид ибн ал-Аси назначил в договоре с ними, и он (Йазид) принял ее (дань)»⁵⁷. Известно также, что

договор Мугиры ибн Шу'бы с населением Азербайджана, северной провинции сасанидского Ирана, был «перезаключен» другим военачальником, Аш'асом ибн Кайсом ал-Кинди, и имел законную силу еще во времена непосредственных литературных предшественников Балазури — Хишама ибн ал-Калби и Абу Михнафа, т. е. по крайней мере целое столетие после вторичного покорения страны⁵⁸. Характер подчинения еще долго продолжал оказывать влияние на фискальную политику Халифата на завоеванных территориях.

Земли населения, подчиненного на основании договоров, сохранялись за прежними владельцами. Некоторые данные позволяют говорить о том, что сумма налогов в зависимости от условий договора и существующей традиции была либо на уровне норм, установленных еще реформами шаханшаха Хосрова Ануширвана, иногда ниже, а в ряде случаев и превышала их. Очевидно, как о том свидетельствует Табари, халиф Омар ибн ал-Хаттаб в своей налоговой политике действительно следовал реформе Хосрова Ануширвана⁵⁹ с учетом изменившихся условий. Сумма податей с Савада (Вавилонии), собранная в первый год пребывания Омара на посту халифа (634—635 гг.), составила 80 млн. драхм против 120 млн., взимавшихся Сасанидами⁶⁰. Балазури считал, что при Омаре налог с Савада был равен 100 млн. драхм⁶¹. В то же время характер сообщаемых источниками сведений позволяет заключить, что податное сословие в завоеванном арабами Иране облагалось часто двумя (харадж и джизья, налог с земли и подушный налог), а иногда даже тремя видами налогов, что вряд ли могло означать облегчение налогового бремени по сравнению с Сасанидской эпохой⁶².

Земли населения, подчиненного силой оружия, а также тех, кто оставил свои дома и эмигрировал за пределы подвластной мусульманам территории, становились собственностью мусульманской общины, могли быть распределены между воинами. Таково было правило, из которого, как увидим ниже, было много исключений. Многолетняя практика взаимоотношений между победителями и побежденными вносила определенные поправки в условия, фиксированные договорами периода завоеваний. Есть основания полагать, что только в IX—X вв. в связи с активным процессом исламизации населения Ирана договоры полностью себя исчерпали.

Иранские союзники арабов. Первые иранские мусульмане

Пожалуй, первым иранцем (а вернее, первым подданным Сасанидского государства), принявшим ислам уже при жизни пророка, был Салман ал-Фариси. В свое время он попал в плен, был рабом и затем вольноотпущенником, при халифе Омаре активно участвовал в военных действиях мусульманских отрядов в нижнем Междуречье. Накануне сражения при Кадисии он выступал в качестве проповедника, призывая иранцев принять ислам⁶³, был советником халифа Омара ибн ал-Хаттаба в вопросах, касавшихся завоеванных территорий Сасанидской державы.

До сих пор роль иранского и неиранского населения Сасанидского государства в происходивших событиях освещалась исследователями несколько односторонне: те и другие изображались как объект нападения мусульман, их противники, вынужденные уступить более грозной силе. В целом не возражая против этой посылки, следует иметь в виду, что сами персы и семитоязычное население Двуречья играли не последнюю роль в завоевании и исламизации собственной страны. Истоки обращения коренного населения Ирана в ислам, ставшего обычным явлением в IX—X вв., следует искать в первых десятилетиях существования Халифата. К началу восточных походов мусульман трудное экономическое положение сасанидского Ирана, о чем говорилось выше, усугублялось борьбой за власть различных группировок придворной знати. С восшествием на шаханшахский престол Йездигерда III борьба не прекратилась, и многие его противники бежали за пределы государства. Сирийские источники («Хроника» Михаила Сирийца и Анонимная хроника 1234 г.) сохранили рассказ о сыне узурпатора трона Шахрбараза, который (сын) после свержения отца скрылся в Византии, где принимал участие на стороне византийцев в битве у р. Йармук, чудом избежал смерти, а потом предложил свои услуги арабам. Из Хомса (Эмессы) он послал халифу Омару письмо, в котором просил предоставить ему войско для похода на Иран. Сказал: «Дай мне командование и войско, я отправлюсь в Иран и подчиню для тебя эту страну». Планы добровольного пособника не осуществились. По приказу халифа он был рас-

пят⁶⁴, но сам факт перехода в лагерь противника и готовности воевать на его стороне довольно типичен для той эпохи. Как свидетельствуют источники, случаи активного сотрудничества с завоевателями в годы экспансии ислама на восток стали заурядным явлением в ираноязычной и в инопоязычной среде.

Тенденции к сотрудничеству с мусульманами наиболее устойчивы были в Саваде (Вавилонии), самой плодородной и наиболее пестрой в этническом и религиозном отношении провинции сасанидского Ирана. После разгрома в начале VII в. Хосровом II Парвизом вассального царства Хиры, служившего щитом от вторжения бедуинов в культурные области Междуречья, территории к западу от столицы не были застрахованы не только от организованных военных вторжений, но и от случайных набегов, принятых с целью грабежа. Действия отрядов регулярного шахского войска по защите западных границ были малоэффективными. Вторжение отрядов Халида ибн ал-Валида не оставляло никаких сомнений на этот счет. Действия Мусанны ибн Харисы, сменившего Халида на посту главнокомандующего мусульманской армии в Вавилонии, были ознаменованы не только военными успехами, но и большим контактом с местным населением, облегчавшим задачу завоевателей. В той или иной мере об этом сообщают все доступные нам источники.

Известно, что в войске Мусанны, собиравшегося совершить нападение на рынки Багдада и Хапафиса, проводниками были два местных жителя: один из Хиры, другой из Анбара. После ограбления багдадского рынка дехканы округа Анбар устроили Мусанне торжественную встречу; он, в свою очередь, одарил их милостью и удовлетворил их просьбы (содержание просьб не раскрывается)⁶⁵. По другой версии, проводников до рынка Багдада дал Мусанне марзбан Пусфаррух, который также восстановил для него мост через Евфрат⁶⁶.

Сотрудничество это еще более расширилось, когда после смерти Мусанны командование мусульманскими отрядами в Вавилонии перешло к Са'ду ибн Абу Ваккасу. Перед сражением при Кадисии на стороне арабов была местная знать и «союзники» из Вавилонии, судя по именам, местные арабы, которые еще раньше обратились с предложением помощи к халифу Омару, а тот направил их в войско Са'да⁶⁷. По некоторым данным, в числе союз-

ников мусульман был и отряд дейлемитов, принявших ислам⁶⁸. Плененные у Кадисии иранские войны тоже принимали ислам и оказывали арабам помощь⁶⁹.

Помимо этих отрывочных и не всегда четких сведений источники сохранили список дехканов мелких округов Вавилонии, припавших ислам при халифе Омаре. Это Джамиль сын Васпухрака (в тексте — Бусбухра) — дехкан тасуков Фаллуджи и Нахрейн, Бистам сын Нарсе — дехкан тасука Бабил и Хутарнийе, Руфайл (Рафаил?) — дехкан тасука Ал, Пероз сын Йездигерда — дехкан тасуков Нахр Малик и Куса⁷⁰. В данном случае речь идет, по-видимому, о добровольном, не вызванном особыми обстоятельствами обращении в ислам. Руфайл (Рафаил?), один из информаторов Сайфа ибн Омара, в прошлом зороастриец (или христианин, если судить по имени), сообщает, что поводом для принятия им ислама послужили переговоры между арабским военачальником Зухрой и иранским полководцем Рустамом, вылившиеся в своеобразную полемику между зороастрийцем и мусульманином, в которой перевес был на стороне защитника нового вероучения. Убедившись в моральном поражении Рустама, Руфайл еще до наступления Кадисийского сражения принял ислам⁷¹.

Содержание дискуссии заслуживает того, чтобы привести ее полностью.

«Рустам стал говорить ему следующее: „Вы наши соседи, и, хотя часть из вас была под нашей властью, мы хорошо покровительствовали им, отводили обиды от них, во многом оказывали им помощь, защищали их от кочевников, предоставляли им наши пастбища, снабжали их нашим продовольствием, не запрещали им торговать в любом уголке нашей страны, что составляло для них средство к существованию, предлагая им мир“.

Он только сообщал ему об их (персов) благодеянии, желая мира и не открывая истинных намерений.

Зухра ему сказал: „Когда ты упомянул об этом, ты сказал правду. Но наше дело — не дело тех (о которых ты говорил), и нам нужно не то, что нужно им. Мы пришли к вам не в поисках мирских благ, потому что наши желания и заботы другие. Как ты упомянул, те из нас, кто приходил к вам, подчинялись вам и покорно помогали вашим благодеяниям. Затем Аллах Благословенный и Всевышний направил к нам Посланника. Он призвал нас

к своему Господу, и мы послушали его“. Он произнес в честь пророка: „Да благословит его Аллах, да приветствует!“ — „Я дал своим соратникам власть над теми, кто не стал близок моей вере, и с ними наказываю их. Я дарую им господство, пока они стоят на нем (исламе), ибо он — вера истины. От него отворачиваются только низкие (презренные), за него держатся только сильные“.

Рустам у него спросил: „Что это за вера?“

Сказал: „Основная ее часть, лучше которой нет, это свидетельство, что нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммед — посланник Аллаха, а также утверждение того, что исходит от Аллаха Всевышнего“.

Сказал [Рустам]: „Как это хорошо! А что еще?“

Ответил [Зухра]: „Отвращение людей от служения людям для служения Аллаху Всевышнему“.

Сказал: „Хорошо. А что еще?“

Ответил: „Род людской — дети Адама и Евы, братья по отцу и матери“.

Сказал: „Как это хорошо!“ Потом Рустам ему сказал: „Не думаешь ли ты, что если я соглашусь с этим делом (вероучением) и послушаю вас для Иего, а вместе со мной и мой род, то как бы вам не пришлось возвращаться?“

Сказал [Зухра]: „Ей-богу, да. Потом мы никогда не приблизимся к вашей стране, кроме как по делам торговли или в случае нужды“.

Сказал [Рустам]: „Ей-богу, ты сказал мне правду. Но ведь персы, начиная с правления Ардашира, не позволяли никому из подлых покидать свою провинцию. Они говорили: „Если выйдут из своих провинций, то нарушат свое положение и выступят против своей знати“.

Зухра ему сказал: «Мы — лучшие среди людей и не можем быть такими, какими вы нас представляете. В унижении мы повинемся Аллаху, и кто восстал против Аллаха — не принудит нас сделать обратное“.

[Рустам] ушел от него, созвал иранцев и обсудил с ними положение дел. Одни это поддерживали, другие гнушались этим. Сказал: „Удалил и сокрушил вас Аллах. Опозорил Аллах наши козни и малодушие“» ⁷².

Проповедники ислама в своих аргументах подчеркивали социальную сторону нового вероучения, провозглашавшего равенство всех мусульман перед богом. Эта религия противопоставлялась зороастризму, всячески отстаивавшему незыблемость сословного деления общества. В мно-

гонациональном Сасанидском государстве, раздираемом социальными и религиозными противоречиями, еще живы были воспоминания о маздакитском движении, сотрясавшем основы социального строя. И новая идеология находила своих приверженцев прежде всего в среде иранского населения державы Сасанидов, в Междуречье. Руфайл (Рафаил) был представителем местной вавилонской знати. Упомянутый среди новообращенных мусульман Джамил сын Васпухрака (в тексте дана арабизированная форма имени отца) был, очевидно, смешанного ирано-арабского происхождения: его родной брат тоже носил арабское имя — Халид ⁷³. Поводом для перехода определенной части иранской знати в ислам служили в основном материальные привилегии, о чем подробнее будет сказано ниже.

Случаи сотрудничества с мусульманами отмечены и после событий при Кадисии, перед завоеванием сасанидской столицы. Источники называют «простолюдина» или «простолюдинов» из жителей Ктесифона, явившихся к Са'ду, чтобы указать арабам брод. Дехкан из Бурса заключил с Зухрой союз и строил мусульманам мосты ⁷⁴. В тексте нет прямого указания на принятие им ислама, но терминологически عقد чаще означает заключение договора, обуславливающего обращение в ислам; кроме того, при упоминании о «простом» договоре (عقد) обязательно сообщаются его условия, а здесь они отсутствуют. Ширзад, дехкан Сабата, заключил с Зухрой мир на условиях уплаты налога (трудно сказать какого из-за многозначности понятия «джизья» для начального периода арабских завоеваний) ⁷⁵. Он же затем активно сотрудничает с Са'дом, и его действия выходят далеко за рамки условий, фиксированных договором: по заказу арабского военачальника он изготавливает двадцать камнеметных машин для осады укреплений Бех Ардашира ⁷⁶.

Переход в ислам давал иноверцам определенные привилегии, теоретически уравнивал новообращенных с мусульманами-арабами. В самом общем виде это выражалось формулой «Для вас то же, что и для нас, на вас то же, что и на нас» (в значении «права и обязанности поровну»), часто встречавшейся как в тексте договоров, так и в изложении переговоров между арабами и иранцами. В конкретной ситуации существовали отступления от общего правила в ту или иную сторону. В этом отношении по-

казательны переговоры посольства военачальника Сийаха, командовавшего одним из отрядов в Хузистане, с арабским полководцем Абу Мусой.

«[Сийах сказал]: „Что касается меня, я думаю, что мы должны перейти в их веру“.

Они (иранцы. — *А. К.*) послали Ширавайха с десятью всадниками к Абу Мусе, чтобы тот принял условия, на которых они переходят в ислам. Ширавайх прибыл к Абу Мусе и сказал: „Мы очень пожелали принять вашу веру. Мы переходим в ислам, чтобы воевать вместе с вами против иранцев, но не воевать с вами против арабов. Если кто из арабов будет воевать против нас, вы защитите нас от них. Мы будем селиться, где хотим, и с теми из вас, с кем хотим. Вы причислите нас к благородным, получающим вознаграждения (жалованье). Пусть заключит с нами договор эмир, который выше тебя“.

Абу Муса сказал: „Нет, для вас то же, что и для нас, на вас то же, что и на нас“.

Они сказали: „Мы не согласны“.

Абу Муса написал [об этом] Омару ибн ал-Хаттабу. Тот написал Абу Мусе: „Дай им то, что они у тебя просят“. Абу Муса написал им об этом. Они приняли ислам и участвовали в осаде Тустара⁷⁷.

Таким образом, эти переговоры больше напоминают торг, в котором мнение иранской стороны является решающим.

В другом письме, адресованном Абу Мусе, Омар дает ему указание: «При раздаче вознаграждения воздай им по достоинству, больше того, что получает каждый из арабов». И далее источник сообщает: «Выдал он сотне из них по две тысячи (драхм), а шестерым — Сийаху, Хосрову, у которого прозвище Миклас, Шахрийару, Шахравайху, Ширавайху и Афрузину — по две с половиной тысячи»⁷⁸.

В осаде Шустара в Хузистане на стороне арабов принимали участие не менее ста иранских всадников-мусульман, составлявших целую боевую единицу. Данные источника вряд ли можно подвергнуть сомнению; другой автор, Балазури, их уточняет: «К тем всадникам прикнули и некоторые из иранских воинов, из тех, у которых не было земли». Балазури, кроме того, подчеркивает привилегию новообращенных мусульман выбирать место для поселения и племя-покровителя. Прибыв в Басру, иранские мусульмане заключили союз с тамимитами, создали

свое поселение, прорыли оросительный канал, известный как «канал всадников»⁷⁹. Общее число иранцев-мусульман в Басре, включая всадников и «безземельных», составляло несколько сот и, возможно, приближалось к тысяче. Примерно в то же время вместе с членами своего дома и свитой принял ислам правитель Хузистана Хормуздан (Хормузан). Он стал советником халифа Омара по иранским делам, жил в Медине и получал из казны халифа жалованье — 2 тыс. драхм; после покушения на Омара был казнен по обвинению в организации заговора⁸⁰.

Во время покорения Хузистана, как показывают источники, новообращенные мусульмане формально порывают со своим народом, поселяются вместе с арабами в городах — военных лагерях (очевидно, в целях большей безопасности от окружающего местного населения, которое в основной массе сохраняло свою религию). Такая практика существовала и впоследствии. Но что касается Вавилонии, то там принявшие ислам дехканы остались на своих местах. «Омар ибн ал-Хаттаб не вмешивался в их дела, не забирая у них землю, снял джизью с их шеи»⁸¹, т. е. освободил от уплаты подушного налога. Они тоже получали положенные им две тысячи драхм, но не совсем ясно, было ли это единовременное вознаграждение (поскольку об их участии в боевых действиях не сообщается, живут они в своих владениях и имеют доход), или жалованье. Первое представляется более вероятным.

Случаи единичного и группового перехода иранцев в ислам имели место в течение всего периода арабских завоеваний и повсеместно. Инициатива чаще всего исходила от иранской знати после завоевания мусульманами той или иной провинции. После подчинения Исфахана часть местной знати, «благородные», владевшие укрепленными замками в рустаках этой провинции, выразили покорность и, гнушаясь подушным налогом, обратились в ислам. Точно так же, но по другому поводу, поступили и жители Казвина: они решили заключить договор с арабами и перейти в ислам после того, как обнаружили, что их союзники, дейлемиты, отказываются от боя с противником и оставляют их на произвол судьбы. Источник не указывает на сословную принадлежность этих казвинцев, возможно, исламизация была массовой. Казвинцы приняли ислам почти на тех же условиях, что и всадники, поселившиеся в Басре. По одной версии, они избрали местом

жительства Куфу и стали клиентами Зухры ибн Хавийа. По другой — они остались на своих землях и платили десятину, а на свободных землях были поселены 500 мусульман-арабов⁸². Впрочем, вторая версия, может быть, и не противоречит первой, если в первой шла речь о кадровых военных, а во второй — о крестьянах.

К числу добровольно принявших ислам можно отнести и Арзанбана, правителя округа Бишапур в Парсе, который после заключения мирного договора с арабами вместе с ними участвовал в покорении Стахра. Примерно в той же роли выступал канаранг (марзбан) Туса, предложивший Абдаллаху ибн Амиру свои услуги при завоевании Нишапура⁸³.

Для большинства обращенных переход в ислам означал не столько смену религии, сколько зачисление в армию завоевателей.

Хотя и мусульманин-араб и неомусульманин-иранец теоретически считались равноправными, что выражалось, например, в получении равной доли военной добычи, новообращенные составляли особую группу граждан в мусульманском обществе, известную под именем «мавали» (ед. ч. «маула»). Термин маула (мавали) в доисламской Аравии был широко распространен и чаще применялся для обозначения различных категорий зависимого населения. Ввиду многозначности понятия (от кровных родственников до покровительствуемых чужеродцев и вольноотпущенников), обусловленной особенностью образования маула как грамматической формы, реальное содержание термина раскрывалось только в контексте⁸⁴. В годы арабской военной экспансии в соседние государства термин наполнился новым содержанием: им стали обозначать клиентов-неарабов. Новообращенные мусульмане становились клиентами отдельных арабов или арабских племен, которые во множестве переселялись на завоеванные территории⁸⁵. Мавали селились рядом с племенем-покровителем, сопровождали его в военных походах.

Мусульманская администрация не прибегала к насильственной исламизации неарабского населения, но число мавали в Иране имело тенденцию к постоянному увеличению. Этому способствовал захват большого количества военнопленных, которые обращались в рабов, а с течением времени обретали статус вольноотпущенников. Такое освобождение, не порывавшее окончательно свя-

зей между прежними господином и рабом, предполагало обращение в ислам⁸⁶.

К концу периода завоеваний число мавали иранского происхождения в мусульманском войске было значительным. В пятитысячном войске Ахнафа ибн Кайса, действовавшем на северо-восточных границах бывшего Сасанидского государства, на четыре тысячи мусульман-арабов приходилась одна тысяча мусульман-персов⁸⁷.

Процесс исламизации, развивавшийся в Иране на первых порах весьма медленными темпами, был необратим уже потому, что вероотступничество в исламе жестоко наказывалось. При этом не имело значения, был ли вероотступник рожден мусульманином или принял ислам недавно. Он должен был выбирать между исламом и мечом⁸⁸, исключения из правила были выработаны в трудах мусульманских правоведов значительно позже эпохи завоеваний. Для рассматриваемого периода нам известен один факт вероотступничества, когда дехкан Мешана порвал с исламом, за что и поплатился жизнью: «Затем дехкан Майсана стал неверным и отвернулся от ислама. Мугира встретился с ним в Мун'арадже и убил»⁸⁹. Разрыв с исламом означал нарушение договора с Аллахом, более сильное, чем нарушение договора между мусульманами и язычниками.

По-видимому, уж при «праведных» халифах имело место обращение в ислам не только участников персидского войска, но и мирного населения. Балазури, например, сообщает, что при халифе Али ибн Абу Талибе, когда наместником Азербайджана был назначен Аш'ас ибн Кайс, большинство населения этой важной провинции «приняло ислам и читало Коран»⁹⁰. Другими данными, подтверждающими (или опровергающими) это сообщение, мы не располагаем, но, даже если указание на «большинство» населения считать преувеличением, все же есть все основания думать, что были такие районы в Азербайджане, где новообращенные мусульмане количественно преобладали. Вероятно, свидетельство источника справедливо для района Ардебиля, который арабы превратили в военный лагерь. Ардебиль, по сведениям Балазури, стал главным городом Азербайджана.

Как следует из изложенного выше, обращение зороастрийцев в ислам предоставляло им ряд материальных и моральных привилегий. Прежде всего, они освобождались

от уплаты подушного налога — льгота как материальная, так и моральная, особенно для имущих слоев населения, которые, как неоднократно упоминается в источниках, будучи поставлены перед выбором (платить джизью или принять ислам), выбирали второе, «гнушаясь джизьей». Реформами Хосрова Ануширвана обязанность вносить подушный налог ложилась на плечи податного сословия; привилегированные сословия были освобождены от него, и попытка новой администрации навязать подушный налог всем немусульманам означала в какой-то мере уравнивание сословий, что в определенных кругах иранского общества воспринималось очень болезненно. Служилая знать получала денежные вознаграждения, или жалованье, из казны халифа, занимала важные посты в Халифате, имела право выбора места поселения. Иранцы-мусульмане на правах самостоятельной боевой единицы, вливаясь в мусульманское войско, получали часть военной добычи наравне с арабами, землю. На мусульман, оставшихся на своих землях, распространялся налоговый иммунитет (снятие подушного налога), они сохраняли за собой свои земли и имущество, оставались полноправными хозяевами в своих владениях. Процесс исламизации в Иране стимулировало и то, что землю, завоеванную силой оружия, возвращали ее владельцу, если он принимал ислам⁹¹. Непременным условием обретения личной свободы после обращения в рабство было также принятие ислама.

В надежде получить землю ислам принимали и беднейшие, «безземельные» слои населения, примкнувшие к всадникам-мусульманам в Хузистане.

В договорах, заключенных между новой администрацией и иранскими мусульманами, последние ограничивались в одном отношении: им запрещалось вмешиваться во внутривосточную борьбу в Халифате. Поэтому, когда такое произошло, они были подвергнуты гонениям со стороны Хаджжаджа ибн Йусуфа, наместника восточных провинций Халифата в конце VII в., который им напомнил о нарушении договора, заключенного еще при халифе Омаре ибн ал-Хаттабе: «В ваших условиях значилось, чтобы вы не помогали никому из нас, когда мы воюем друг с другом»⁹². Усиление гонений против иранских мусульман в то время объяснялось отчасти особенностями эпохи Абдалмалика ибн Марвана — Хаджжаджа

ибн Йусуфа, ознаменованной подавлением внутренней смуты, борьбой с лжехалифами, более решительными мерами по исламизации хозяйственной и культурной деятельности в Халифате (вспомним хотя бы денежную реформу и реформу в сфере делопроизводства). После спада гонений права и привилегии иранских мусульман были восстановлены.

Иранская администрация на завоеванной арабами территории

История завоеваний сохранила десятки случаев одиночного и группового перехода в ислам. При первых халифах, несмотря на крупные военные успехи арабов, большинство населения Ирана еще оставалось верно своей религии и своим обычаям. Заключение договора с завоевателями предоставляло зороастрийцам и христианам такую возможность. Многие представители местной знати смогли сохранить за собой прежние, частично урезанные привилегии не ценой принятия ислама, а путем признания политической зависимости от мусульманского государства и принятия обязательств об уплате налогов в пользу завоевателей. Очевидно, такая практика взаимоотношений с покоренным населением вполне устраивала халифа и его наместников, особенно на первом этапе. Она обеспечивала постоянное поступление средств в казну для содержания кадрового арабского войска и способствовала сохранению мира на подчиненных территориях, столь необходимого для продолжения завоеваний на востоке.

Как уже говорилось, часто инициатива в установлении мирных отношений с противником исходила от местной знати, лишённой защиты регулярного шаханшахского войска. Во время вторжения в пределы Вавилонии отрядов Мусанны ибн Харисы, т. е. еще в самом начале завоеваний, Фаррух и Фарвандад, правители округов Барусма и Нахр Джаубар, «опасаясь за свои земли», поспешили собрать со своих подданных дань в размере подушного налога (по четыре драхмы «с головы») и передать ее арабам. Их примеру последовали правители остонов Заб и Кашкар⁹³. Динар, один из местных царей в Мидии, происходивших из рода Карен, приветствовал прибытие арабского войска и был назначен за это пра-

водителем всей провинции; главная его обязанность состояла в сборе хараджа с подчиненной территории в пользу завоевателей⁹⁴. Из сочинения Балазури известно, что в Ардебиле, административном центре Азербайджана, была резиденция марзбана, который тоже занимался сбором хараджа⁹⁵. Об оставлении арабскими наместниками прежней иранской администрации неоднократно сообщает Ибн А'сам ал-Куфи (Махак в Стахре, Касмуд или Кашмур в Герате и Пушанге, Махуйе в Сарахсе, Бахийя в Нисе и Абиварде, Дадуье в Фарйабе и Талекане, Гураз в Балхе)⁹⁶.

Задача иранских должностных лиц сводилась в основном к исправному и своевременному сбору налогов в натуре и деньгах и передаче их арабским наместникам через специально назначенных чиновников. Имеются некоторые указания и на то, какие льготы предоставлялись местным властям в ответ на послушание и регулярную уплату налогов. В договоре арабского военачальника с главным мобедом Демавенда Марданшахом оговаривается сумма налога, которую население области должно ежегодно выплачивать наместнику на пограничных с Демавендом землях. В свою очередь, мусульмане обязуются не вмешиваться во внутренние дела Демавенда и лишают себя права вступать в его пределы, кроме как с разрешения местного правителя⁹⁷. Аналогичные обязательства арабской стороны содержатся и в договоре со спахбедом Хорасапа Фарруханом относительно прикаспийских областей — Гиляна и Табаристана⁹⁸.

Эти и другие примеры свидетельствуют о значительной самостоятельности местной администрации в решении вопросов управления территориями, находившимися в их ведении. Безусловно, степень самостоятельности была разной в различных провинциях; в прикаспийских областях, позже других подчинившихся завоевателям, она была большей по сравнению с областями западного Ирана. Разного рода ограничения со стороны центральной власти все же имели место, и в числе существенных следует назвать ограничение имущественных прав иранской родовой знати. Это очень хорошо показано в договоре Ахнафа ибн Кайса с марзбаном Мервруда Базаном. В данном случае в источнике приводится не только текст договора, но и предшествующее договору послание иранского правителя арабскому военачальнику. Сопостав-

ление письма Базапа и ответа Ахшафа даст возможность сделать заключение о том, чего добивалась и что получила иранская сторона в результате обмена посланиями. Иранцы предлагали вносить ежегодно фиксированную сумму палого и просили оставить за марзбаном право наследственного владения землей, жалованной его прадеду в царствование Хосрова I Ануширвана, а также налогового иммунитета для правителя и его рода и сохранения за его родом должности марзбана. Арабский военачальник соглашался на предлагаемую сумму, оставлял марзбана на своем посту, освобождал его и членов его дома от налогов, даже предлагал военную помощь против его врагов, но лишал марзбана права на наследственное владение землей: «Земля принадлежит Аллаху и Его посланнику; Они дают ее в наследство тому из своих рабов, кому пожелают». В ответе ничего не говорится о сохранении марзбанства за родом правителя⁹⁹. В другом месте историк отмечает, что марзбан Мервруда не очень торопился с исполнением своих обязательств по договору, ожидая результатов военных действий арабов в Гузгане, Фарйабе и Талекане, и уплатил причитающуюся с него сумму после того, как за ней прибыли посланцы от Ахшафа¹⁰⁰.

Приведенные выше примеры далеко не исчерпывают всех случаев сохранения прежней иранской администрации в Халифате, о чем свидетельствует множество косвенных данных, отмеченных другими источниками. Что же касается мусульманских средневековых хроник и книг завоеваний (наиболее информативной группы источников по истории завоеваний), то после повествования о подчинении Ирана арабами они полностью переключаются на описание внутривосточной и религиозной борьбы в Халифате, приведшей к возвышению династии Омейядов, на изложение всех перипетий соперничества между Омейядами и их противниками. На первый план здесь выступают события, касавшиеся арабского этнического элемента; иранцы и немусульмане лишь изредка появляются в поле зрения, и для этого периода «всеобщие истории» становятся исключительно сочинениями по истории арабов. Трудно искать даже намеков на какую-то иранскую администрацию, хотя нет никакого сомнения в том, что она продолжала существовать и более или менее самостоятельно выполняла функции управления на-

селением и сбора налогов в размерах и формах, обусловленных договорами. Имя одного из иранских вельмож, Хурразада сына Баса, Балазури упоминает только в связи с восстанием, возглавленным этим вельможей в Хузистане; он отказался признать власть халифа Абдалмалика ибн Марвана и был за это казнен Хаджаджем ибн Йусуфом, наместником восточных провинций Халифата¹⁰¹.

Отсутствие в мусульманских сочинениях сведений об иранской администрации в раннеомейядский период в какой-то мере восполняется иранским материалом, а точнее, арабо-сасанидскими или омейядскими дореформенными монетами, которые в достаточном количестве выпускались в течение второй половины VII в. на старых монетных дворах бывшего Сасанидского государства. В сущности, они мало чем отличались от драхм поздних сасанидских царей: Хормузда IV, Хосрова II и Йездигерда III. Первые арабо-сасанидские выпуски отличались от собственно сасанидских только присутствием «басмаллы» — коранической легенды, выполненной куфическим шрифтом на на кромке лицевой стороны. В иконографии и символике они повторяли драхмы типа трех названных шаханшахов, эпиграфическая часть монет (имя шаханшаха, монограмма монетного двора, год выпуска, формула «x^warr afzūd»), кроме «басмаллы», тоже оставалась без изменения, т. е. была выполнена среднеперсидским (пехлевийским) письмом. Уже этих факторов достаточно для суждения о том, в чьих руках была сосредоточена деятельность монетных дворов в восточных провинциях Халифата. С течением времени в арабо-сасанидской нумизматике утвердился тип монет Хосрова II, но имя сасанидского царя заменялось именем омейядского халифа, его наместника или арабского полководца, назначенного наместником. «Басмалла» часто заменялась кораническими легендами, на кромке лицевой стороны стали иногда появляться куфические легенды, повторяющие имя наместника пехлевийским шрифтом внутри круга: «ал-Азиз» на монете Абдалазиза (Сакастан, 66 г. х.), «Хумран бн Абан» на монете Хумрана ибн Абана¹⁰².

Вместе с тем куфические легенды с именем арабского наместника исключительно редки, чаще рядом с «басмаллой» или заменяющей ее другой коранической легендой встречаются надписи пехлевийским шрифтом. В XIX в.

в них пытались прочесть названия неизвестных или забытых населенных пунктов либо формулу разрешения на эмиссию или обращение монет ¹⁰³. Попытки расшифровки их в XX в. нам неизвестны, хотя их можно было ожидать в работах Дж. Уокера, Г. Майлса, И. Тозена, Х. Гаубе ¹⁰⁴. Обилие изданного и неизданного, но доступного изучению нумизматического материала позволило по-новому подойти к изучению пехлевийских легенд на кромке арабо-сасанидских монет ¹⁰⁵. По аналогии с куфическими легендами, содержащими имя наместника, в пехлевийских мы тоже предполагали увидеть имена собственные. Предположение вскоре подтвердилось: на нескольких монетах была обнаружена легенда *rlhwz't*, которую можно было прочесть только как «Фаррахвзат», «Фаррухзад». Другие давали возможности вариантного чтения: Бафрак (или Бафруг, Бафарнаг, Бафарнаган), Бундат (или Гурзат, Гондофарн), Юван (или Гушн[асп]), Барбут (или Гавбут, Йазданбут), но тоже представляли собой имена иранского ономастикона. С ними перекликаются имена на печатях должностных лиц (магов) из Парса позднесасанидского и раннего послесасанидского времени: Бафрозин (или Баффарнаг), Фаррахвзат, Фаррахвахт, [Йазд]анбут (?), Мартбут ¹⁰⁶. Среди пехлевийских легенд той же локализации встречаются две, передающие арабские имена собственные: *mw* на монетах Мухаллаба ибн Абу Суфры, повторяющая в усеченном виде первую (основную) часть имени наместника; *zyt ZY 'byzyu't* (Зайд ибн Абу Зийад) на монете Бишра ибн Марвана. Таким образом, не остается сомнения в том, что пехлевийские легенды на кромке рядом с «басмаллой» обозначают скорее всего имена собственные.

Иранские имена легенд, как удалось установить, обозначают только первую, основную часть полного имени. Так, *farax'zāt* могло быть сокращением имени Фаррухзад Хосров, Фаррухзад Хормузд и др., *bundāt* — сокращением для Бундад Мяхр, Бундад Изад и т. д. Многочисленные примеры сложных имен можно встретить в эпиграфических памятниках позднесасанидского периода, в трудах средневековых ираноязычных авторов, в исследованиях по иранской ономастике. Наиболее богатый материал дает пехлевийская глиптика. На печатях мы встречаем имена как в сокращенном, так и в полном виде. Полное (или сложное) имя состоит из имени владельца

печати и имени его отца, соединенных между собой изафетом; при имени отца дается патронимический суффикс — ān; на печатях должностных лиц часто первая часть имени отделяется от второй еще и названием должности:

'z'tmrt' ZY mg' ZY plhwz't'n — «Азадмард маг сын Фаррухзада»;

mrtbwt' ZY mg ZY 'ltwtp't'n — «Мардбуд маг сын Атурпата»¹⁰⁷.

В сасанидской нумизматике традиция сокращений была вполне обычным явлением. Поэтому драхмы одноименных правителей (Шапура II и Шапура III, Хосрова I Ануширвана и Хосрова II Парвиза) различают не столько по легендам, сколько по форме короны и символике.

Иранские имена на кромках арабо-сасанидских монет указывают на лиц, облеченных высокой властью, но стоявших ниже халифа или его наместника, поскольку имена последних даются в поле изображения. Это, по всей видимости, главы местной администрации: марзбан, дехкан или мобед. Они осуществляют фактическое управление отдельными провинциями или округами. Участие лиц духовного звания в управлении на местах вполне вероятно, если вспомнить усиление сословия магов в отдельные периоды сасанидской истории и если учесть, что в Парсе позиции зороастрийского духовенства были особенно устойчивы.

В ведении этих местных правителей были монетные дворы — один или несколько в зависимости от занимаемой должности. Доступный изучению нумизматический материал позволяет заключить, что все лица с иранскими именами «привязаны» к определенным монетным дворам. Так, драхмы с именем Баффарнага чеканены только в Кермане с 62 по 71 г. х. с небольшими перерывами, с именем Бундада (Гурзада, Гондофарна) — только в округе Ардашир-хурра (66 г. х. и 73 г. х.), с именем Фаррухзада — на монетных дворах Ардашир-хурры (76 г. х.) и Бишапура (79 г. х.), с именем Юван — в Стахре (70 г. х.) и с именем Гавбуд (или Йезданбуд) — в Балхе (77 г. х.). Привлечение дополнительного материала, хранящегося в других музеях и до сих пор неопубликованного, дало бы возможность внести определенные коррективы в сделанные наблюдения, и список иранской администрации при Омейядах пришлось бы продолжить, равно как и выявить еще

несколько монетных дворов, чеканивших драхмы с их именами.

Появление имен иранских правителей на арабо-сасанидских монетах в начале 680-х годов, т. е. спустя тридцать лет после официальной даты завоевания Ирана арабами (651 г.), было следствием обострения внутриполитической борьбы в Халифате, которая вела к ослаблению централизованной власти халифа на окраинах государства и к усилению позиций местной администрации. При такой нестабильности и Омейяды, и их противники были заинтересованы в официальном признании своих прав на верховную власть со стороны местной знати, которая отвечала за работу монетных дворов. Не исключено, что как те, так и другие обращались к иранцам за военной поддержкой. Во всяком случае, известно, что драхмы с именем Бундад на кромке чеканились в округе Ардашир-хурра сначала от имени Абдаллаха ибн Зубайра, противника Омейядов, а после его смерти — от имени омейядского халифа Абдалмалика ибн Марвана. Драхмы с легендой *rlhwz't* встречаются в чеканке Мухаллаба ибн Абу Суфры и Хаджжаджа ибн Йусуфа.

Появление имен иранских правителей на арабо-сасанидских монетах само по себе означало их большую самостоятельность по отношению к центральной власти. Примечательно, что сокращение имени Мухаллаб, о котором говорилось выше, встречается только на его монетах, выпущенных в Бишапуре, Дарабгерде и Стахре. В то же время на монетах Мухаллаба, чеканенных в Ардашир-хурре, стоит имя фактического правителя округа — Фаррухзада.

Иранцы, поставившие свои имена на кромке арабо-сасанидских монет, скорее всего были зороастрийцами (данные нумизматики на этот счет ничего не сообщают, они называют только имя правителя), но кое-кто из названных лиц мог быть маула, новообращенным мусульманином, не успевшим сменить имя. К мусульманам второго поколения можно отнести Зайда ибн Абу Зийада, чье имя встречается на монете Бишра ибн Марвана (Гай, или Рей, 74 г. х.).

Трудно сказать, получали ли правители, упомянутые на арабо-сасанидских монетах, жалованье из казны халифа. Такой факт известен лишь в округах северо-западного Ирана. Балазури сообщает, что жалованье пра-

вителя каждого из трех округов — Шахразур, Самган и Дарабад, — входивших в состав провинции Мосул, составляло 200 дирхемов. Поскольку все они управлялись одним из местных вельмож, его жалование было увеличено до 600 дирхемов ¹⁰⁸.

Основание арабских поселений в Иране.¹⁰⁹

Арабская администрация

Одним из последствий арабских завоеваний явились определенные изменения в этническом составе населения покоренных государств. Уже с начала военной экспансии ислама за пределы Аравийского полуострова целые группы арабских кочевых племен активно включились в завоевательные походы, вдохновляемые Мухаммедом, его соратниками и продолжателями его дела. Первые вторжения в пределы Ирака, западной окраины и житницы Сасанидского государства, как отмечалось выше, мало чем отличались от обычных набегов, предпринятых с целью грабежа богатых пограничных районов. Как и раньше, кочевники не отваживались пересекать Евфрат и в случае приближения регулярных войск возвращались в пустыню. Дальнейшее развитие событий (многократные победы над отрядами регулярных сасанидских войск, расширение размаха военных действий и перенесение их в глубь территории Ирана при халифе Омаре) имело следствием закрепление мусульман и их союзников на захваченных территориях.

Халиф и его окружение сулили бедуинам богатую добычу, которой те могут овладеть в стане врага, и недостатка в добровольцах не было. Авторы мусульманских летописей и книг о завоеваниях в своих сочинениях иногда целые страницы отводят перечислению арабских племен и их подразделений, принимавших участие в том или ином важном сражении. Имеются данные, свидетельствующие о том, что в ходе завоеваний осуществлялась широкая миграция арабского населения в западные провинции сасанидского Ирана. Источники отмечают, что воины-кочевники отправлялись в поход вместе с семьями, в окружении многочисленных родственников ¹¹⁰. В составе племен баджила и наха в день сражения при Кадисии было много женщин ¹¹¹. Женщины в войске занимались в ос-

новном вспомогательными работами (ухаживали за ранеными и выносили мертвых, варили еду, прислуживали), в исключительных случаях принимали участие в боевых действиях наравне с мужчинами ¹¹².

Длительная война Арабского халифата с Византией и Ираном, требовавшая с обеих сторон больших усилий и постоянного притока резервов, превратила значительную часть кочевого населения Аравии в профессиональных воинов. Но и в составе воинских формирований они сохраняли родо-племенное деление: представители каждого племени или рода составляли отдельную боевую единицу в мусульманском войске. Та же родо-племенная организация предохраняла завоевателей от смешения с местным населением. В сохранении изоляции от мусульман в равной степени были заинтересованы и иповерцы; это обстоятельство отмечено многими договорами периода завоеваний.

Первые победы и неудачи арабов означали только начало длительной войны с соседними государствами. Понимая это, мусульмане приступили к созданию военных лагерей, которые бы служили опорными пунктами для концентрации арабских войск перед походом. Военные лагеря возводились на краю пустыни и культурных областей с таким расчетом, чтобы при угрозе поражения можно было оставить лагерь и беспрепятственно отступить. В отечественной литературе описание типового арабского военного лагеря дано в работах Н. В. Пигулевской и Е. А. Беляева ¹¹³. Каждый лагерь представлял собой поле, обнесенное по кругу земляным валом, внутри которого в палатках располагалось все войско, причем члены одного рода или племени селились в своем секторе; в лагере вместе с воинами были их семьи и скот. Лагеря возникали, очевидно, как временные поселения, некоторые из них позже превратились в постоянные, застраивались и укреплялись, «обрастали» торгово-ремесленными предместьями, превращались в административные центры.

Крупными опорными пунктами мусульман на востоке стали основанные западнее Евфрата военные лагеря Басра и Куфа. Историческая традиция датирует их возникновение 635—639 гг. Басра была основана недалеко от сасанидского порта-крепости Оболлы на развалинах покинутого персидского поселения Вахиштабад Ардашир (араб-

ское название местности — «хурайба», т. е. «развалины»¹¹⁴. Основателем Басры считается один из сподвижников Мухаммеда — полководец Утба ибн Газван. Автор анонимной Сирийской хроники VII в. называет основателем Басры полководца Абу Мусу. По преданию, на берегу Шатт-эль-Араба, общего русла Тигра и Евфрата, в хижинах из тростника и соломы жили арабы из Омана. По призыву Утбы все они приняли ислам, помогли военачальнику выбрать место для военного лагеря и оказали помощь в его постройке¹¹⁵. Основным строительным материалом был тростник. После пожаров, почти полностью уничтоживших первые сооружения, в Куфе и Басре стали применять необожженный кирпич, на что потребовалось разрешение халифа Омара¹¹⁶. Называют две даты основания Басры: 635—636 гг. и 639 г. По одним сведениям, Басра возникла еще до Кадисийского сражения, из этого военного лагеря к Кадисии были посланы подкрепления войску Са'да ибн Абу Ваккаса. Согласно другим сведениям, Басра была основана в 17 г. х. /638 г. и заселена в 18 г. х. /639 г.¹¹⁷. На первый взгляд взаимоисключающие одна другую датировки имеют вполне реальное объяснение: Балазури имел в виду самое раннее мусульманское поселение, «тростниковую» Басру, а Сам'ани — возрождение военного лагеря после пожара, строительство «кирпичной» Басры. Но первые жилые дома, административные здания и мечеть были построены из тростника. Перед выступлением войска в поход тростниковые сооружения разбирались и складывались до возвращения. Позже этот временный лагерь был превращен в город. На протяжении своей истории старая Басра перестраивалась несколько раз. Один из ее первых наместников, Абу Муса ал-Аш'ари, построил новую мечеть и официальные здания, используя для этой цели обожженный кирпич. Основательной реконструкции Басра подверглась и при омейядском наместнике Зийаде ибн Абу Суфйане. Развалины ее находятся в одиннадцати километрах к юго-западу от современного города с тем же названием, воздвигнутого на месте сасанидской Оболлы. В рассматриваемый период город-лагерь занимал обширную по тем временам площадь: периметр развалин поселения составляет около тринадцати километров¹¹⁸. Как сообщает Йа'куби, в Басре поселилось 68 сподвижников пророка Мухаммеда¹¹⁹.

Куфа как город появилась уже после победы мусульман в сражении при Кадисии и падения сасанидской столицы (638—639). Она была основана на берегу Евфрата примерно на половине пути между развалинами древнего Вавилона и Хирой. Как и Басра, она возникла не на пустом месте: долины Евфрата и Тигра были освоены еще в глубокой древности. К моменту появления мусульман в районе, намеченном для основания Куфы, существовало три христианских монастыря¹²⁰. Автор несторианской хроники VII в. дает Куфе другое название — Акола, относя оба к одному и тому же населенному пункту¹²¹. Арабоязычный автор X в. сообщает о существовании рядом с Куфой поселения ал-Акул, которое имело и иранское название, означающее «княжеские конюшни»¹²². Очевидно, сирийское и иранское названия указывают на поселение более древнее, чем Куфа.

Ранее в литературе высказывалось мнение о том, что причиной основания Куфы как военного лагеря и административного центра послужило то, что расположенная неподалеку Хира после прекращения династии Лахмидов утратила свое бывшее значение, а Ктесифон был разрушен¹²³. Логичное на первый взгляд предположение опровергается данными источников. Во-первых, никто из историков не упоминает о крупных разрушениях в сасанидской столице. Во-вторых, неоднократно называются требования, которым должен удовлетворять постоянный военный лагерь. В инструкции Са'ду халиф Омар пишет, что лагерь не должен отделяться от Медины рекой¹²⁴, т. е. должен быть заложен на правом, западном берегу Евфрата. Ктесифон не подходил арабам и по климатическим условиям: местность, в которой находилась сасанидская столица, изобиловала москитами, что отрицательно сказывалось на верблюдоводстве¹²⁵. Последнее обстоятельство оказалось решающим при выборе места для лагеря. Страшила, вероятно, арабов и перспектива раствориться в огромном городе (по существу, состоявшем из пяти городов, расположенных рядом). Намек на это можно видеть в сообщении источника, где говорится о том, что арабы, поселившиеся вместе с семьями в отведенных для них домах Ктесифона, долго не задержались там и при первой возможности переехали в Куфу¹²⁶. По сообщению Балазури, по первоначальному замыслу лагерь предполагалось основать в Анбаре, го-

роде на восточном берегу Евфрата. Но Анбар изобиловал мухами, приносящими много беспокойства людям и скоту. Тогда была обследована значительная часть западного берега, пока не остановились на местности, получившей название Куфа¹²⁷.

Сооружение военного лагеря осуществлялось организовано и по определенному плану: специальный уполномоченный по строительству назначал ответственных за застройку отдельных участков. По окончании работ жилые кварталы заселялись по племенному признаку; источники сохранили список племен, расселившихся в городе по четырем сторонам света¹²⁸. При «праведных» халифах в Куфе насчитывалось семь кварталов, в каждом из которых были поселены представители нескольких племен¹²⁹. Списки арабских племен Куфы и некоторые другие данные источников свидетельствуют о том, что в городе и его окрестностях оседали не только кочевники из Аравии, составившие основную массу арабского войска, но и арабские христианские племена Месопотамии, вначале враждебные исламу, а потом частично исламизированные, частично принявшие покровительство мусульманской общины. При халифе Омаре ибн ал-Хаттабе в окрестностях Куфы были поселены также многие христиане Падж-рана¹³⁰.

Первые жилые кварталы Куфы состояли из палаток и тростниковых хижин, после пожара стали возводить глинобитные здания. Недостающий строительный материал привозили из других населенных пунктов, ранее завоеванных, но оставленных арабами. Известно, например, что после разметки будущего лагеря и получения разрешения на строительство переселенцы из Ктесифона уносили с собой двери домов, чтобы навесить их в новых жилищах¹³¹. Колонны мечети были облицованы мрамором, предназначенным ранее для церквей¹³².

Большая роль в возведении официальных зданий в Куфе принадлежала строителям и архитекторам-мусульманам, которых отовсюду свозили на место будущего лагеря. Известно, что дворец Са'да, где размещалась и казна, построил ираец Рузбех из кирпича царских построек в Хире¹³³. Среди поселенцев Куфы было 80 сподвижников Мухаммеда¹³⁴.

Ктесифон не был оставлен окончательно мусульманами. В нем селились участники сражения при Джалуле. Мно-

гие из мусульман (представители разных племенных групп, в которых численно преобладало племя бану абс), предпочли Ктесифон другим населенным пунктам¹³⁵.

По мере продвижения мусульманских войск на восток в глубь территории Сасанидского государства и на север временные и постоянные военные лагеря возникали повсеместно, хотя о них известно меньше, чем о Куфе и Басре. Миграция арабского населения на завоеванные территории поощрялась халифом. Призывая племена местных арабов и персов Хузистана поддерживать мусульманское войско под Нехавендом, Омар ибн ал-Хаттаб соблазнял их перспективой осесть на завоеванных землях¹³⁶. В Кермане арабы селились в домах и имениях иранцев, эмигрировавших из страны в годы завоеваний¹³⁷. За войском устремлялись их сородичи из Египта и Сирии, из Куфы и Басры, они обосновывались в покоренных провинциях, захватывали или покупали земли у местных владельцев. Так происходило в завоеванном Азербайджане¹³⁸. Такое соседство мусульман с представителями других религий оказалось возможным благодаря тому, что значительная часть населения Азербайджана была исламизирована уже в первые годы завоеваний, о чем говорилось выше. Непосредственное соседство победителей и побежденных способствовало формированию особых взаимоотношений, заслуживающих отдельного рассмотрения.

Можно полагать, что практика основания «чисто арабских» городов-лагерей на территории сасанидского Ирана ограничилась Басрой и Куфой, другие города того же значения нам неизвестны. Чаще имело место обособление мусульман в отдельном квартале или какой-то части города. Это очень хорошо иллюстрируется следующим рассказом из Балазури: «Когда Омар ибн ал-Хаттаб отозвал Утбу из провинции Мосул, он назначил вместо него Харсаму ибн Арфаджа ал-Бараки. Там была крепость и христианский храм, несколько домов христиан рядом с храмом и квартал иудеев. Харсама превратил крепость в город, разместил арабов в их домах (т. е. в домах местного населения. — *А. К.*), обозначил им границы, потом построил соборную мечеть»¹³⁹.

Сведения письменных источников о проживании представителей разной конфессиональной среды в одних и тех же населенных пунктах подтверждается археологи-

ческим материалом. При раскопках в Сирафе на берегу Персидского залива остатков позднесасанидской крепости и дворца позднесасанидской или раннеисламской эпохи обнаружены погребения, в которых характер захоронения чужд христианству, иудаизму и каноническому мусульманскому. Археологи считают, что это кладбище ранней мусульманской общины, сохранившей обряды домусульманского периода¹⁴⁰. Речь идет, по-видимому, о тех арабах, которые вторглись в Парс с моря еще в первые годы завоеваний и закрепились на захваченной территории отдельными гарнизонами.

Большая мусульманская колония из арабов и персов появилась в Казвине в центральном Иране после перехода значительной части местного населения в ислам. В год гибели последнего сасанидского шаханшаха Йездигерда III (651) в Мерве был оставлен арабский гарнизон и построена соборная мечеть¹⁴¹.

Очевидно, в годы активной военной экспансии ислама на восток число арабских гарнизонов на территории Сасанидского государства было более значительным, чем упоминают источники. Исторические сочинения наряду с известиями об основании военных гарнизонов называют множество наместников, которых своей властью назначали арабские военачальники после захвата какой-то части территории. По-видимому, это не были еще наместники в полном смысле слова; задача их сводилась к тому, чтобы собрать с местного населения обусловленную договором дань и доставить ее полководцу. Для выполнения фискальных функций и охраны налогового сбора или дани у каждого из таких мелких наместников был отряд в несколько сот человек. По выполнении приказа отряд возвращался в войско.

Постоянных военных лагерей было немного и главными оставались Куфа и Басра. Они были одновременно и центрами наместничеств, владения которых простирались далеко за Тигр на север и восток, и базами, откуда снаряжались военные экспедиции на границы Халифата. Наместники Басры и Куфы, назначаемые и смещаемые халифом, осуществляли руководство всей военной и хозяйственной политикой на подведомственных территориях. В их ведении были военные отряды, часть добычи, захваченной во время походов, поступления от налоговых сборов.

Хотя война с «неверными» была общим делом всех мусульман и во многих сражениях куфийцы и басрийцы действовали совместно, все же можно выделить регионы, которые были подчинены только куфийцами или только басрийцами. Перечисляя, например, победы мусульман при халифе Омаре ибн ал-Хаттабе, Хамадани дает список территорий, завоеванных куфийцами, в числе которых Мавсил, Азербайджан, Тустар, Масабадан, Рамхормуз, Гурган и Динавар. Далее автор добавляет, что Нехавенд был покорен с помощью ополчения из Басры и что куфийцы участвовали еще в завоевании некоторых округов Рейя, Спахапа (Исфахана) и Табаристана. Но в 17 г. х. /638-39 г., т. е. в первый год существования Куфы как военного лагеря, границы наместничества очерчивались в основном пределами Месопотамии, достигая Хулвана, Мавсила, Масабадана и Киркенсия ¹⁴². Ведомственные границы наместничеств можно очертить только приблизительно. Сфера влияния Басры, очевидно, включала южную часть Иранского нагорья и районы, примыкающие к Персидскому заливу; территориями, зависимыми от Куфы, были северная часть Месопотамии и северная часть Иранского нагорья, а также прикаспийские провинции. При разделе сфер влияния прежнее административно-территориальное деление не всегда принималось в расчет, что нашло отражение в названиях двух округов Мидии, Нехавенда и Динавара. Первый после завоевания стал называться Мах ал-Басра, т. е. Басрийской Мидией, второй — Мах ал-Куфа, т. е. Куфийской Мидией.

В 24 г. х. /645 г., т. е. спустя семь лет после основания, Куфа представляла собой гигантский военный лагерь, в котором размещалось сорокатысячное войско. Ежегодно десяти тысячный отряд куфийцев отправлялся в провинции Рей и Азербайджан для несения пограничной службы и продолжения завоеваний. Из них шесть тысяч куфийцев отбывало службу в Азербайджане и четыре тысячи — в Рейе. Таким образом, каждому арабу из Куфы приходилось нести службу на границах один раз в четыре года ¹⁴³. К этому времени большая часть территории Сасанидского государства была завоевана, в военных действиях на востоке наступило некоторое затишье, и наместники отправляли туда только часть войска, задача которого состояла в осуществлении контроля над подчиненной территорией, сборе причитающихся по договору

налогов и дани. Последующие завоевания на востоке Ирана осуществлялись с санкции халифа объединенными ополчениями Басры и Куфы, иногда с привлечением резервов из Сирии и Аравии.

Списки наместников халифа в крупных административно-территориальных образованиях, сообщаемые Табари среди событий каждого года хиджры, свидетельствуют о том, что лица, занимавшие эти должности, менялись очень часто, особенно при Омаре ибн ал-Хаттабе.

Не пытаясь воспроизвести полные списки наместников Куфы и Басры, укажем лишь на то, что в течение нескольких лет в Басре сменилось четыре наместника: Утба ибн Газван, Абу Сабра, Мугира ибн Шу'ба, Абу Муса ал-Ап'ари ¹⁴⁴. Частая смена вызывалась иногда требованием момента: наместниками, как правило, становились отличившиеся военачальники, и при организации очередного крупного похода они вновь, как Мугира, назначались предводителями войска. В других случаях наместники могли быть отозваны в Медину для объяснения по поводу разногласий, возникавших между ними и их подчиненными. Это произошло с Мугирой ибн Шу'бой, а несколько позже — с Абу Мусой, которого обвинили в незаконном присвоении рабов и в некоторых других грехах ¹⁴⁵.

Создается впечатление, что при халифе Омаре наместники назначались по личным качествам, хотя выходцам из городских (оседлых) слоев отдавалось некоторое предпочтение перед бедуинами ¹⁴⁶. Халиф Осман ибн Аффан (с 644 г.) отметил свое правление назначением родичей на ведущие посты в государстве, в результате чего наместниками в Басре и Куфе стали его двоюродные братья ¹⁴⁷. Младший из них, наместник Басры Абдаллах ибн Амир, отличился впоследствии своими походами в Хорасан.

До появления Куфы и Басры, крупных наместничеств, не только взявших на себя организацию военных походов, но и осуществлявших контроль над хозяйственной деятельностью на подвластных территориях, управление покоренными округами Вавилонии было в руках наместников, назначаемых военачальниками. Источники сохранили имена многочисленных наместников Халида ибн ал-Валида и Мусаны ибн Харисы, в их ведение передавались небольшие округа, подлежащие налогообложению. Бал'ами упоминает даже о том, что Халид, остановившись лагерем в Хире, разослал во все концы Вавило-

нии по два уполномоченных в каждый город: один из них занимался сбором налогов и дани, второй командовал вооруженным отрядом и осуществлял охрану города ¹⁴⁸. Для первого этапа завоеваний такая предосторожность оправдывала себя ввиду близости сасанидских гарнизонов.

Из двух должностных лиц, направленных в один округ, тот, кто занимался сбором налогов, назывался *‘амил*, а предводитель отряда, представитель военной власти — *‘амир*. Амилу здесь соответствует среднеперсидский термин *amarkār*. Вообще же, в арабоязычных средневековых сочинениях IX—XII вв. терминологическое значение амила раздваивается: в одних случаях это действительно только фискальный агент с вполне определенными функциями ¹⁴⁹, в других — наместник халифа на какой-то обширной территории: Таиф, Йемен, Сирия, Египет, Басра, Куфа и др. ¹⁵⁰. Поэтому во избежание смешения двух разных понятий приходится отказаться от употребления термина *‘амил*, заменяя его переводом, соответствующим контексту.

По одной из версий, военачальник Халид ибн ал-Валид после сражения при Мазаре назначил двух заместителей, первому из которых поручил войско, а второму — сбор налогов с населения; тот, в свою очередь, разослал агентов для непосредственного выполнения распоряжения ¹⁵¹. По-видимому, в определенные годы налоговых уполномоченных назначал халиф. После падения Ктесифона, когда все нижнее Междуречье было завоевано арабами, Омар ибн ал-Хаттаб назначил двух уполномоченных, из которых один собирал подати в округах, примыкавших к Евфрату, а другой — в округах, примыкавших к Тигру. После них на этих должностях было еще четыре уполномоченных, подчинявшихся непосредственно халифу ¹⁵².

У Табари имеется упоминание о том, как Халид разделил часть Ирака от Фалалидж до залива между одиннадцатью своими соратниками ¹⁵³. Это место в хронике можно понять так, будто военачальник предоставил им уделы, но в числе поименованных лиц встречается Сувайд ибн Мукаррин, известный по другим контекстам как уполномоченный по сбору налогов. Значит, здесь имеется в виду раздел территории только с определенной целью — сбора дани и налогов. В случае с разделом куфийцами округа Дастаба после повторного завоевания Хамадана подразумевается выделение территорий для

основания военных гарнизонов: «И были эти (т. е. лица, между которыми была поделена Дастаба. — А. К.) первыми, кто командовал гарнизонами Дастабы и сражался с Дейлемом»¹⁵⁴.

Основатель и первый наместник Басры Утба ибн Газван совмещал функции полководца, главного сборщика налогов и судьи. Его резиденция, построенная рядом с мечетью, служила одновременно тюрьмой и диваном¹⁵⁵. По мере расширения завоеваний и подчинения новых территорий в руках наместников Куфы и Басры сосредоточивалась сильная власть, усиливалось их влияние в войске. Поэтому уже при халифе Омаре ибн ал-Хаттабе была попытка ограничить полномочия крупных наместников. И Табари и Балазури не случайно отмечают факт разделения власти в Куфе между тремя лицами: собственно наместником (в его ведении находилось войско, он же был религиозным главой общины), судьей (он же заведовал казной) и уполномоченным по выполнению землемерных и межевых работ (должность очень важная, поскольку в процессе завоеваний происходило частичное перераспределение палличного земельного фонда)¹⁵⁶. Балазури дополняет свое сообщение упоминанием о том, что в качестве диевного довольствия трем поименованным должностным лицам выделялась одна овца, половина туши которой с внутренностями предназначалась наместнику, а другая половина туши — главному судье и уполномоченному по межеванию и землемерным работам. Этот несколько необычный пример свидетельствует о субординации в правящей тройке: главным по-прежнему оставался наместник, двое других были ниже по должности и в какой-то степени подчинялись ему, но в своей деятельности были отчетны только перед халифом. Последнее очень хорошо иллюстрируется примером: Осман ибн Хунайф, занимавшийся не только землемерными работами, но и установлением ставок поземельного налога в Вавилонии, о своих решениях докладывал непосредственно Омару, и халиф санкционировал его действия¹⁵⁷.

Уже при Омаре, но в еще большей степени при его преемниках сбор налоговых поступлений в государственную казну осуществлялся централизованно. Во времена Омара была установлена специальная должность инспектора налоговых чиновников; в удаленных от Басры и Куфы районах функции налогового чиновника исполнял

арабский наместник провинции или округа. Инспектор занимался разбором жалоб па действия чиновников фиска, поступающих с мест, и принимал решения¹⁵⁸. Обусловленные договором налоги и дань взимались представителем местной власти, который вручал их налоговому чиновнику из арабов или наместнику. В округе собранные суммы передавались в казну соответствующей провинции: известно, что харадж Урмии передавался в казну Мавсила, а налоги Йезда — наместнику в Фарсе¹⁵⁹. Из провинциальных наместничеств, а также из Куфы и Басры подати поступали непосредственно в халифскую казну. По-видимому, в фискальном отношении территории, подчиненные Басре и Куфе, были значительно ограничены (возможно, пределами Вавилонии) как для большей оперативности, так и с целью лучшего контроля за поступлениями. Кроме того, нижнее Междуречье само по себе представляло единообразный экономический район со своими специфическими особенностями, поэтому в нескольких средневековых сочинениях поступления из этой провинции учитываются отдельной сводкой.

Прекращение налоговых поступлений от покоренного населения не только отрицательно сказывалось на состоянии государственной казны, оно означало еще нарушение равновесия во взаимоотношениях между победителями и побежденными, выход какой-то провинции или округа из повиновения. Случаи нарушения договоров и отказа от уплаты налогов в истории арабских завоеваний в Иране не единичны. Тогда в районы восстаний арабская администрация посылала войска для вторичного завоевания мятежной области, условия новых договоров с местным населением ужесточались, иногда оно лишалось договоров, а с ними — и защиты мусульманской общины. Наместники, не сумевшие усмирить восставших, строго наказывались, как это случилось с наместником Рейя, которого Али ибн Абу Талиб приказал бросить в тюрьму¹⁶⁰.

При «мирном подчинении» покоренное население вносило в государственную казну одноразовую дань и платило налоги. Размеры дани и налога устанавливались договорами. На раннем этапе завоеваний (округа Междуречья) договоры фиксируют либо сумму одноразовой дани, либо сумму налога. В более поздний период (завоевание Рейя, Спехаана, Парса, Хорасана) в них предусмотрены и дань, взимавшаяся «в срочном порядке», однора-

зово, и налог (последний передавался арабскому наместнику или налоговому агенту частями в установленные сроки) ¹⁶¹.

Характер налога (подушный или поземельный, или оба вместе) и его сумма, оговоренные в договоре, определялись традицией, выработанной реформами шаханшахов Кавада I и Хосрова I Ануширвана. Однако уже при халифе Омаре ибн ал-Хаттабе возникла необходимость совершенствования налоговой политики, и в этой связи была сделана попытка пересмотра земельного кадастра. Следы подобной деятельности источники сохранили для Вавилонии: отмечается, например, что Абу Муса ал-Аш'ари в бытность свою наместником Басры совершил ознакомительную поездку по окрестным округам, приказал измерить земли и взимать налог в зависимости от качества земель ¹⁶². Деятельность Осмапа ибн Хунайфа, занимавшегося обмером земельных площадей в округах, подчиненных Куфе, представлена более подробно, ему приписывают определение налоговых ставок с единицы площади (1 джариб) в зависимости от вида сельскохозяйственных культур: с финиковых пальм — 10 драхм, с виноградников — 10, с сахарного тростника — 6, с пшеницы — 4, с ячменя — 2 драхмы ¹⁶³. Другие информаторы Балазури называют несколько отличные ставки налогов и измененный перечень культур, подлежащих налогообложению. Ставки, о которых упоминает Ибн Хордадбех и Кудаман ибн Джа'фар, близки к приведенным выше ¹⁶⁴. Нет никакого сомнения в том, что сама идея регламентации поземельного налога в зависимости от вида сельскохозяйственных культур, равно как и размеры ставок, была заимствована арабами у Сасанидов и служила эталоном для мусульманской администрации в раннем Халифате при выработке фискальной политики ¹⁶⁵. Некоторое несоответствие в цифровых данных объясняется, по-видимому, местными условиями, с одной стороны, и множественным информаторов (передатчиков), зафиксировавших в своих рассказах состояние налогообложения, характерное для своего времени, но имеющее определенную традицию, — с другой.

Все мусульманские источники единодушно относят ко времени халифа Омара и стабилизацию ставок подушного налога в зависимости от социального положения налогоплательщиков.

Во многих случаях источники не называют конкретных сумм налога по договору, ограничиваясь замечанием, что харадж или джизья в данном населенном пункте (округе, провинции) взимались в тех же размерах или на тех же условиях, что и там-то (далее следовало название административной единицы) ¹⁶⁶.

Налоги с местного населения поступали в драхмах и в натуре, как об этом свидетельствуют договоры периода завоеваний. Но в восточных и северо-восточных провинциях Халифата из-за недостатка денег и по другим причинам местное население нередко поставляло арабам определенное число рабов. Не исключено, что численность рабов увеличивалась в ходе военных действий, которые при халифах Османе, Али и первых Омейядах почти не прекращались. Известно, что Раби ибн Зийад в течение двух с половиной лет пребывания на посту эмира в Заранге увел сорок тысяч рабов. В другом месте Балазури пишет о том, что Мерв, имея с арабами договор, долгое время рассчитывался рабами, скотом, товарами из-за отсутствия денег, и только при халифе Йазиде ибн Му'авии стал расплачиваться деньгами ¹⁶⁷.

В практике фискальных отношений между мусульманами и местным населением наиболее оригинальным явлением стало освобождение жителей окраины государства, находившейся под угрозой вторжения кочевых племен, от всех видов налогов и сборов. Считалось, что, пребывая в состоянии постоянной войны с «неверными», они тем самым несут неограниченную службу, охраняют мусульман и этим компенсируют свои налоговые повинности. В дальнейшем такая льгота стала обычной, но начало налоговому иммунитету для названной категории подданных Халифата было положено после завоевания Азербайджана, т. е. при «праведных» халифах. Нам о таком факте известно из сообщения историка Бал'ами, который приводит следующий рассказ: когда мусульманское войско вступило в пределы области, управляемой Шахрийаром, правитель явился к военачальнику Абдаррахману и попросил мира, отказываясь в то же время платить налоги. Свой отказ он мотивировал тем, что ему со своими людьми приходится бороться с врагами ислама, поскольку его область находится между хазарами и русами (!). Вопрос был передан на суд халифа, и тот дал указание освободить население пограничного района от налогов. По этой же

причине, продолжает источник, налогового иммунитета были удостоены жители Ферганы: они постоянно воевали с тюрками и мешали их проникновению на территорию Халифата ¹⁶⁸. Возможно, в данном отрывке автор сочинения отобразил ситуацию, характерную для своего времени (уж очень пасторализует упоминание о русах), но нет никакого сомнения в том, что традиция поощрения за несение пограничной службы существовала несколько столетий до него.

Говоря о налоговой практике первых халифов в Иране, следует отметить, что в целом она повторяла принципы и нормы, выработанные реформами Кавада и Хосрова I Ануширвана, особенно в западных провинциях бывшей Сасанидской державы, в Междуречье. Вместе с тем неизбежные последствия завоеваний (гибель и эмиграция значительной части дееспособного населения, частичное перераспределение земельного фонда, разорение многих районов в результате «завоевания оружием» и т. д.) послужили причиной уменьшения общей суммы налогов по сравнению с сасанидской эпохой. В Саваде (Вавилонии) сумма налоговых поступлений уменьшилась на одну треть ¹⁶⁹. Для других провинций Восточного халифата сравнительные данные отсутствуют, но есть все основания думать, что сумма поступлений имела тенденцию к уменьшению. Однако это не означало снижение налогового бремени, доказательством чего являются частые восстания местного населения против халифской администрации.

Выше, со ссылкой на Балазури, упоминалось о дневном довольствии натурой, выдаваемом наместнику Куфы и двум его помощникам (главному судье и уполномоченному по межеванию и землемерным работам). Йа'куби, пользуясь другими источниками, определяет размер дневного довольствия одного из уполномоченных по сбору налогов в пять драхм и мешок муки ¹⁷⁰, т. е. в натурально-денежном выражении. По-видимому, эти довольно высокие нормы довольствия должностным лицам в ранге наместника, судьи, налогового уполномоченного не исчерпывали всего того, что они получали за службу, или могли служить единственным источником существования только в самом начале утверждения мусульманской администрации при халифе Омаре. Далее мы неизбежно сталкиваемся с проблемой земельных пожалований в Халифате в той части, в какой она касается должностных лиц.

Инициативу земельных пожалований в теократическом мусульманском государстве историческая традиция связывает с именем пророка Мухаммеда. Несколько примеров подобной деятельности засвидетельствовано и для времени первого халифа — Абу Бакра. Для истории завоеваний в Иране непосредственный интерес представляет хозяйственная деятельность халифов Омара и Османа, и здесь мы встречаемся с очень любопытным фактом. Если, говоря о пожалованиях земель Мухаммедом, Абу Бакром, Османом, Али, источники дают названия жалованных населенных пунктов и указывают имена лиц, удостоенных такой высокой милости, то в случаях с Омаром одни из них отделяются общими фразами вроде «Жаловал тех, кого он жаловал», либо не делают разницы между действиями пророка и первых халифов¹⁷¹; другие источники либо полностью отрицают факт пожалований, либо упоминают о них со множеством оговорок, характеризуя их не как правило, а как исключение из правил¹⁷². По-видимому, ближе других к истине были Балазури и Йахйя ибн Адам. Обилие информаторов не помешало им выработать собственное мнение на этот счет. Из их повествования следует, что пожалования при Омаре имели место, но сам халиф был против этого и по мере возможности пытался ограничить раздачу земель мусульманам. В разных вариантах повторяется рассказ о том, как после сражения при Кадисии племени баджила, составлявшему по численности одну четвертую часть ополчения, была пожалована четверть Савада, вероятно, $\frac{1}{4}$ одного из его округов. Таким образом, было удовлетворено желание завоевателей стать собственниками земли; на каждого воина-араба приходилось по три крестьянина, которые бы обрабатывали эту землю. Через несколько лет халиф все же отобрал у баджилитов землю, выплатив за нее денежную компенсацию¹⁷³. По сообщению Йа'куби, Омар советовался со сподвижниками пророка и принял совет Али ибн Абу Талиба: «Если разделим ее (землю. — А. К.) сегодня, то ничего не останется тем, кто придет после нас. Тебе же нужно утвердить ее в их руках, чтобы они ее обрабатывали. Тогда будет и нам, и тем, кто после нас»¹⁷⁴.

Разделение земли между воинами лишило бы других членов мусульманской общины средств к существованию. Кроме того, такая мера сказалась бы отрицательно на боевых качествах арабского войска, которое должно было

располагаться в военных лагерях и больших городах и основная задача которого состояла в продолжении завоеваний и удержании захваченных территорий. Все это требовало активного участия в походах боеспособных воинов. В интересах мусульман все земли Вавилонии становились неотъемлемой собственностью мусульманской общины ¹⁷⁵.

Если не считать баджилитов, которые вначале получили землю, а потом вынуждены были возвратить ее за денежную компенсацию, халиф Омар практиковал пожалования земель, но это касалось ограниченного круга должностных лиц, близких к пророку. Источники упоминают о пожаловании Омаром земель пяти сподвижникам Мухаммеда, в числе которых основатель Куфы Са'д ибн Абу Ваккас и главный судья и начальник дивана при наместнике в Куфе Абдаллах ибн Мас'уд, а также некоторым отличившимся военачальникам и зятю пророка Али ибн Абу Талибу, наконец, одному предприимчивому арабу, вздумавшему разводить лошадей ¹⁷⁶. К сожалению, краткость изложения не дает возможности судить о локализации жалованных участков, кроме случая с коневодом. Одна неясность влечет за собой другую: имело ли место жалование земель на территории Сасанидского государства или только за его пределами. Имена Са'да и Абдаллаха в одном из контекстов позволяют предположить, что Иран (в частности, Вавилония) не был исключением.

Если по поводу самого факта пожалований при Омаре в источниках имеются противоречия, оговорки, неясности, то в повествовании о подобной деятельности во время Османа сомнения на этот счет отсутствуют. Все источники единодушно сходятся на том, что пожалования при третьем халифе имели место, а некоторые считают его пионером в реализации этой идеи. Непременным условием владения жалованной землей была обязательность ее обработки. Согласно традиции, халиф Омар отбирал невозделанные, пустующие участки, жалованные до него. При Османе обработка жалованных земель осуществлялась путем передачи ее в аренду местным крестьянам из расчета одной трети или одной четверти урожая ¹⁷⁷. По-видимому, раздача земель и при Османе носила ограниченный характер; в списках лиц, удостоенных такой чести, названы сподвижники пророка, наместники, известные военачальники, крупные администраторы. Топони-

мика земельных пожалований (селение Хормуз, Тай-занабад, берег Евфрата, Нахрейн, Асбин) в значительной своей части указывает на западные районы сасанидского Ирана — Междуречье. Отдельным списком перечислены пять сподвижников пророка, которым Осман раздавал земли из государственного фонда ¹⁷⁸, в их числе — Абдаллах ибн Мас'уд. В других списках встречается имя наместника Куфы Аммара ибн Йасира ¹⁷⁹.

Фонд государственных земель, из которого осуществлялись пожалования должностным лицам, в результате арабских завоеваний был очень значителен. Его составляли при халифе Омаре земли шаханшаха и всего сасанидского рода, земли убитых врагов и тех, кто эмигрировал, а также пустоши и заболоченные участки. И средневековые и современные историки справедливо относят перечисленные категории земель к государственному фонду ¹⁸⁰.

Очевидно, большая часть государственных земель, принадлежавших мусульманской общине, находилась в Междуречье и Хузистане, районах с развитым земледелием и густой сетью ирригационных сооружений. Вавилония и при Сасанидах являлась областью крупного царского землевладения, в которой земли принадлежали шаханшаху и его родственникам; они отчуждались и перераспределялись внутри рода. Табари и Бал'ами упоминают о факте пожалования земель Кашкара (одного из двенадцати останов Вавилонии, официальное название которого было Шад Шауур) сыну тетки (двоюродному брату) шаханшаха Хосрова Парвиза — Нарсе. Последний владел им в течение десяти лет до прихода арабов, под его непосредственной властью было население всего остана. С приходом арабского войска Нарсе бежал в столицу, по приказу шаханшаха вынужден был вернуться: «Отправляйся в свой удел и защити его от твоего и нашего врага, будь мужчиной!» ¹⁸¹. В соседнем с Вавилонией Хузистане находились имения знати, принадлежавшей к древним иранским родам ¹⁸²; из-за упорного сопротивления мусульманскому войску в этой провинции значительная часть имений была конфискована и передана мусульманской общине. Царские земли рода Сасанидов были разбросаны по всему Ирану. При завоевании они становились собственностью Халифата. Так было и в подчиненном арабами Кумме ¹⁸³.

При «праведных» халифах пожалование государственных земель осуществлялось по их воле. В Омейядском халифате это право было предоставлено также крупным и мелким наместникам, в частности наместнику Кермана¹⁸⁴.

Повествуя о создании первых поселений арабов-мусульман на территории покоренного Сасанидского государства, различные средневековые источники отмечают один любопытный факт — обращение завоевателей к хозяйственной деятельности, причем случаи превращения воинов в землевладельцев чаще зафиксированы не в Междуречье, а в глубинных районах страны. В Хузистане арабский восначальник испрашивает у халифа Омара разрешение оживить мертвые земли; получив разрешение, он проводит оросительные каналы¹⁸⁵. Арабы, поселившиеся в Кермане на землях эмигрировавших иранцев, обрабатывали эти земли, платили десятину, проводили подземные оросительные каналы (каризы)¹⁸⁶. Автор «Истории Кумма» сообщает, что к приходу арабов в район Кумма многие его каризы находились в запущенном состоянии. Мусульманские поселенцы провели более двадцати новых каризов¹⁸⁷.

Певероятное на первый взгляд превращение воина в земледельца объясняется, по-видимому, тем, что в мусульманском войске наряду с кочевниками был значительный процент оседлого населения, знакомого с земледелием и способами орошения посредством каризов. Длительная и неудачная война сасанидского Ирана с Византией и еще более неудачная с арабами отрицательно сказались на экономическом положении страны. Трудоспособное население было мобилизовано в армию. В результате военных действий многие районы остались без работников, ирригационные сооружения приходили в упадок, разрушались. Поэтому немногим колониям арабов, расположенным островками на обширных пространствах завоеванной территории, приходилось часто самим возрождать старые или осваивать новые земли. Но в ряде других районов, например в Азербайджане, завоеватели выступают в роли землевладельцев, частично захвативших, частично скупивших земли местного населения.

У новых хозяев крестьяне оказались в положении арендаторов земельных участков¹⁸⁸.

Помимо естественной миграции арабов в пределы Сасанидской державы в годы завоевательных походов мусульман на восток были и другие обстоятельства, вынуждавшие их селиться на восточных окраинах Халифата, во всяком случае, подальше от Медины и ее опорных пунктов в Куфе и Басре. С началом междоусобной борьбы в Халифате при халифе Али ибн Абу Талибе и в дальнейшем при Омейядах центральные и восточные провинции Ирана стали прибежищем оппозиции центральной власти. Например, мусульманская колония в районе будущего Кумма была образована в начале VIII в. из шиитов, которые после неудавшегося восстания в Куфе переселились сначала в Басру, а затем в один из районов провинции Исфahan, получивший впоследствии название Кумм. Там они получили земли от местного иранского правителя, умножили их и после борьбы за власть с местной иранской администрацией подчинили себе весь округ¹⁸⁹.

Города, в которых стояли арабские гарнизоны, были местопребыванием налоговых чиновников и наместников, резиденцией арабской администрации, осуществлявшей контроль над местными властями и заботившейся главным образом о своевременном взимании налогов. Одновременно такие поселения были и центрами распространения ислама: сообщая о деятельности того или иного наместника, источники непременно упомянут о строительстве мечети¹⁹⁰. Правда, успехи ислама в Иране VII в. были еще довольно скромными, подавляющее большинство населения сохраняло и отстаивало религию своих предков. Но уже в то время существовали определенные силы в среде иранского общества, готовые распространять идеи новой веры. К ним относились иранцы, добровольно принявшие ислам, и те, которые приняли его в исключительных обстоятельствах (плен, обращение в рабство). Не случайно поэтому ряд активных деятелей раннего ислама происходил из числа пленных зороастрийцев¹⁹¹.

Число приверженцев новой религии в Иране увеличилось и в результате увода в плен рабынь. Дети от мусульманина и рабыни считались мусульманами. Известен случай, когда в условия договора между арабами и иранцами был включен пункт о передаче победителям женщин¹⁹².

Христиане в раннем Халифате

В годы завоеваний, осуществлявшихся при «праведных» халифах, арабы подчинили огромные территории, большинство населения которых говорило на разных языках, но исповедовало одну религию — христианство. Если говорить о бывших владениях сасанидского Ирана, то христиане (несториане и монофизиты) составляли большинство в Междуречье, крупные общины христиан существовали в Армении, Хузистане, Мерве. О распространении несторианства в Иране можно судить по названиям восточносирийских епархий, упомянутых в постановлениях несторианских соборов V—VII вв.¹⁹³. В западных пределах Сасанидского государства, в Междуречье на всей его протяженности и в Бахрейне существовали общины монофизитов. Христианские авторы называют от 10 до 12 общин с резиденцией митрополита в Такрите. Небольшие колонии монофизитов в начале 30-х годов VII в. появились в Хорасане (в Гургане, Герате и Сакастане)¹⁹⁴. И эти далеко не полные данные свидетельствуют о том, что к концу сасанидского периода христиане жили практически во всех провинциях Ирана.

Роль и значение христиан в сасанидском Иране и при сменившей Сасанидов халифской администрации были весьма существенны. О христианах написаны специальные книги и статьи, освещающие их положение в различные периоды истории. Проблема христианства на средневековом Ближнем Востоке находит отражение и в работах общего характера¹⁹⁵.

Мусульманские историки VIII—X вв. выделяли всех иноверцев, исповедовавших христианство и иудаизм, в особую группу «людей писания»; приверженцы этих религий пользовались дополнительными привилегиями по сравнению с другими подданными немусульманами. Повидимому, такое утверждение отражало правовое положение христиан в первые десятилетия существования Халифата. Есть свидетельство, что несколько веков спустя после начала завоеваний арабами соседних государств немусульманские меньшинства были подвергнуты ограничениям.

Безусловно, корни дальнейших взаимоотношений мусульман с иноверцами следует искать в первых договорах Мухаммеда с соседними племенами и княжествами. С пере-

селением Мухаммеда и его соратников из Мекки в Медину и организацией мединской общины верующих у пророка сложились тесные отношения с местными племенами, исповедовавшими иудаизм. Отношения были оформлены договором, обязывающим стороны к взаимному выполнению определенных условий. Христианский писатель Михаил Сириец упоминает о том, что иудеи использовали влияние и военную силу Мухаммеда для изгнания из Аравии персов¹⁹⁶. Однако спустя некоторое время отношения были омрачены изгнанием из Медины трех иудейских племен — низар, кайнука и курайза, — которым было предъявлено обвинение в нарушении договора. Такое положение сохранялось до смерти пророка в 632 г. В период обширных завоеваний мусульман при «праведных» халифах правовое положение исповедующих иудаизм и характер их отношений с новой администрацией определялись обстоятельствами, весьма далекими от условий первого договора с пророком.

Для христиан одним из наиболее важных можно считать договор Мухаммеда с населением Наджрана, города и его округи в северной части Йемена. Содержание договора Мухаммеда с Наджраном сохранили мусульманские авторы VIII—XII вв. Ибн Са'д, Абу Йусуф, Йа'куби, Балазури, Ибн ал-Асир и др.¹⁹⁷. Историки приводят текст копии договора или же дают его пересказ. Тексты копии в разных сочинениях имеют незначительные различия, и есть основания предполагать, что все они восходят к общему первоисточнику. Ниже даем перевод текста по Балазури:

«Во имя Аллаха милостивого милосердного! Вот что написал пророк, посланник Аллаха Мухаммед, [жителям] Наджрана: когда они признают его власть над всеми их плодами, золотом, серебром, домашней утварью и рабами, он их благодетельствует и оставит им это за две тысячи платьев, оцениваемых в укийях. Одну тысячу платьев [они поставляют] каждый месяц раджаб и одну тысячу платьев — каждый месяц сафар при стоимости одного платья одна укийя. Если стоимость платьев превысит размер налога или же окажется ниже суммы в укийях, то разница будет принята в расчет. Если будут расплачиваться кольчугами, конями, стремениами или товарами, то это им зачтется (досл.: «будет принято от них по расчету»). Наджран обязан предоставлять моим послам жи-

лище на месяц и на меньший срок и не задерживать моих послов дольше месяца. Они (наджранцы. — А. К.) обязаны дать нам займы тридцать кольчуг, тридцать коней и тридцать верблюдов, если в Йемене будут иметь место козни и вероломство. За все, что из данных займы моим послам коней или верблюдов погибнет, послы несут ответственность, пока не вернут им [стоимость]. Наджрану и его округе — покровительство Аллаха и защита пророка Мухаммеда, посланника Аллаха, в отношении их жизни, их веры, их земли и имущества, их отсутствующего, их присутствующего, караванов, церквей (конъектура по Абу Йусуфу. — А. К.) и обычаев. Не будет изменено положение, в котором они находились, не будет изменено ничего из их прав и обычаев; не будут отстранены ни епископ от своего епископства, ни монах от своего монашества, ни священник от своего дела со всем, что в их руках из малого и великого. Наджранцы не несут ответственности за проступки в прошлом и за кровь, пролитую во времена джахилии. Они не будут призываться в войско, не будут платить десятину, войско не будет топтать их земли. Если кто-то из них заявит о своих правах, вопрос будет решаться между ними по справедливости, не будет в Наджране ни обижающего, ни обиженного. А кто из них, начиная с этого дня, будет заниматься ростовничеством, тот лишится моей защиты. Никто из них не будет схвачен за проступок другого. Им, как указано в этом документе, будет покровительство Аллаха и защита пророка Мухаммеда навечно, до тех пор, пока не поступит приговор Аллаха, пока они искренни и выполняют то, что на них возложено, не обременяя себя дурными поступками.

Засвидетельствовали Абу Суфйан ибн Харб, Гайлан ибн Амр, Малик ибн Ауф из бану наср, Акра ибн Хабис ал-Ханзали, Мугира. Написал. . .»¹⁹³.

Формуляр цитированного документа в основных чертах очень напоминает другие договоры, заключенные Мухаммедом и первыми халифами накануне и в годы завоеваний арабами соседних стран и известных по сочинениям средневековых мусульманских историков¹⁹⁹. Действительно, здесь перечисляются конкретные обязанности христиан Наджрана по уплате фиксированного налога-дани и оказанию помощи мусульманам; в ответ на выполнение поставленных условий Мухаммед гарантирует им сохранение жизни, имущества, земли, невмешательство во

внутренние дела и вопросы религии, т. е. предоставляет все основные гарантии, неоднократно фиксированные более поздними договорами мусульман с иноверцами.

Вместе с тем договор пророка с Наджраном — единственный в своем роде документ. Прежде всего, это договор почти равноправных сторон, несмотря на то что составлен в форме грамоты Мухаммеда. Его заключению предшествовали встречи пророка с руководителями Наджранской общины, как о том свидетельствуют некоторые мусульманские авторы²⁰⁰ и автор несторианской версии договора. Наджранцы хотя и освобождаются по договору от воинской повинности, тем не менее Мухаммед рассчитывает на их помощь в будущем. Как единственный в своем роде договор пророка с христианами, известный большинству мусульманских историков, он должен был стать образцом для последующих соглашений с христианским населением; его основные положения повторялись в новых договорах и были обязательны для всех христиан. Стремление идеализировать договор Мухаммеда с Наджраном и распространить его на всех адептов Христа особенно заметно в несторианской версии документа. Последняя составлена значительно позже, она очень отличается текстуально от «мусульманской» версии, но каковы бы ни были расхождения, анализ показывает, что в конечном счете в основе несторианской версии лежал подлинный договор Мухаммеда²⁰¹.

Дальнейшая судьба наджранских несториан хорошо известна по мусульманским источникам. После смерти Мухаммеда договор сохранял свою силу при халифе Абу Бакре (был продлен без изменений) и большую часть халифства Омара ибн ал-Хаттаба до тех пор, пока Омар не переселил большинство наджранцев в Вавилонию. Новое поселение, расположенное неподалеку от Куфы, южнее военного лагеря мусульман, получило название Наджрана иракского²⁰².

По поводу побудительных мотивов выселения наджранских христиан из Аравии уже в средневековой науке существовали различные точки зрения. А. Фатталь анализирует их и пытается выделить наиболее аргументированную. Он мало доверяет традиции, сообщающей, что пророк на смертном одре завещал Омару покончить с существованием на Аравийском полуострове других религий, кроме ислама. Малоубедительным представля-

ется ему и обвинение наджранцев в нарушении договора с мусульманами (занятие ростовщичеством), ибо в таком случае они должны были лишиться статуса зиммиев, между тем как они оставались зиммиями и после переселения. Наиболее удачным А. Фатталю кажется объяснение, высказанное Балазури и Абу Йусуфом: Омар распорядился о выселении наджранцев, которые становились все многочисленнее, были хорошо вооружены, имели верховых лошадей и представляли потенциальную угрозу в тылу мусульман²⁰³.

В Вавилонии наджранцы были поселены на неосвоенных землях, которые должны были обрабатывать; за землю они платили палогі местной администрации. Впоследствии большинство из них приняли ислам. К середине VIII в. сумма палогов с наджранцев составляла $\frac{1}{10}$ часть той, которая была предусмотрена первоначальным договором. Это может свидетельствовать о том, что численность выходцев из Наджрана, исповедовавших христианство, уменьшилась за сто лет с момента переселения в десять раз.

Попытки «иранских» христиан (точнее — христиан Вавилонии) установить контакты с мусульманами были предприняты еще во время Мухаммеда, в последний год жизни пророка. Как сообщает автор «Хроники Сеерта», католикос Ишо'яб II без ведома шаханшаха направил к Мухаммеду епископа Мешана Гавриила с богатыми дарами, в числе которых была тысяча серебряных статеров, и письмом, в котором содержалась просьба быть милостивым к христианам. В том, что католикос принял такое решение самостоятельно, нет ничего удивительного: стремление высшего христианского духовенства выйти из-под опеки монарха для времени последних Сасанидов, начиная с царствования Хосрова II, было обычным явлением (вспомним хотя бы поведение Ишо'яба I, отказавшегося выполнить приказ Хосрова Парвиза и укрывшегося у лахмидского царя Ну'мана).

Гавриил прибыл в Иасриб (Медину), когда пророк уже умер, и передал дары и письмо Абу Бакру, рассказал о положении христиан в державе Сасанидов, пожаловался на грубость арабского войска в отношении местного населения во время грабительских набегов. Посол католикоса убедил также халифа в том, что восточные христиане — противники ромеев. Результатом переговоров стали по-

лученные послом гарантии, и Гавриил возвратился к патриарху с сознанием выполненного долга.

В другое время своеволие католикоса обернулось бы для него большими неприятностями. Но в данном случае гнев государя утих после объяснений главы несторианской церкви. Оправдывая свои действия, Ишо'яб II сказал, что он заботится о христианах, которые живут на землях арабов: последние вынуждают их принять ислам либо платить джизью. Именно поэтому он собрал небольшую сумму и послал им, поскольку обязан заботиться о своей пастве. Затем шаханшах приказал католикосу написать христианам, живущим по соседству с арабами, чтобы христиане держались от них подальше и помогали бы их врагам. Католикос вознес хвалу государю и вышел. Он продолжал руководить общиной восточных христиан, несмотря на трудности, вызванные начавшимися военными действиями между Сасанидским государством и арабами²⁰⁴.

Отношение мусульман к христианам Ирака (Вавилонии) при вторжении в западные провинции Сасанидского государства определялось конкретными обстоятельствами. С одной стороны, христиане нижнего Междуречья были подданными шаханшаха и в этом качестве были связаны с ним обязательствами и повинностями. С другой стороны, большинство христианского населения Вавилонии составляли арабы и арамеи, говорившие также по-арабски: они считали себя арабами, как о том свидетельствуют источники.

В Хире полководец Халид бросает христианам следующее обвинение: «Горе вам! Вы не арабы, ибо не мстите арабам. Вы и не персы, ибо не сводите счета, опираясь на справедливость и законы». Ади ему ответил: «Нет, [мы] чистокровные арабы, а другие — арабизированные». Халид возразил: «Если вы такие, как говорите, то почему враждуете с нами и пренебрегаете нашим приказом?» Ади ответил: «Указание на справедливость наших слов в том, что у нас нет другого языка, кроме арабского»²⁰⁵.

Примерно такая же языковая и этническая ситуация отмечена и в Анбаре (Пероз Шапуре), расположенном севернее Хиры на правом берегу Евфрата: «Он увидел, что они пишут по-арабски и изучают арабский. Спросил у них: „Вы кто?“ Ответили: „Мы арабское племя, посели-

лись здесь с арабским племенем, пришедшим до нас". Первые их поселенцы появились там во времена Навуходоносора, когда он разрешил [селиться] арабам, потому они не ушли оттуда»²⁰⁶. В Айн ат-Тамре, другом городе на Евфрате, были общины христиан и иудеев, но большинство населения составляли оседлые арабы-земледельцы из племен таглиб, намир и асад²⁰⁷.

Во время военных действий мусульман в районах, примыкающих к Тигру и Евфрату, отрядам халифа очень часто приходилось иметь дело с местными арабами. На раннем этапе завоеваний местные арабы чаще выступают противниками пришлых кочевников. Такое отношение к пришельцам было обусловлено традицией, когда полунезависимое царство Хиры играло роль буфера между сасанидским Ираном и кочевниками Аравии: во времена джахилии «никто из арабов не отваживался тревожить Иран из-за раби'итов»²⁰⁸. И после ликвидации Лахмидского царства Сасанидам удалось сохранить союз с частью арабских племен, ранее подвластным Лахмидам. Как союзники персов, они несли пограничную и патрульную службу как самостоятельно, так и в составе сасанидских воинских формирований. Известно, например, что отряды племен раби'а и куда'а охраняли караваны купцов из Ктесифона и Вавилонии, собиравшиеся на знаменитый рынок в Ханафисе²⁰⁹. При Валадже отряды Халида ибн ал-Валида устроили кровавое побоище христианам племени бакр ибн ваил за их союз с персами, отчего их военное сотрудничество с Сасанидами только усилилось²¹⁰.

История завоевания Вавилонии изобилует описаниями сражений, в которых на стороне иранского войска активно участвуют христиане из племен таглиб, намир, ийад. После каждого поражения они разделяли судьбу других участников войска, зороастрийцев. Они гибли во время сражений, во время ночного нападения мусульман на военный лагерь, их топили в Евфрате, сжигали в зарослях, угоняли в плен; члены семей обращались в рабство; скот и имущество становились добычей победителей²¹¹. В сущности, мусульманам не было никакого дела до конфессиональной принадлежности противника, если он участвовал в военных действиях. Источники зафиксировали даже факт убийства отрядами халифа двух мусульман, которые до наступления боя оказались на вражеской

территории; событие это никак не комментируется, так как они находились среди «людей войны» и разделили их участь.

Говоря об участии христианских арабов в военных действиях против мусульман, было бы несправедливо умолчать о том, что христиан той же племенной принадлежности мы встречаем в войске Мусанны ибн Харисы во время его вторжения в Междуречье. Число христиан в войске Мусанны в сражении при Бувайбе, как считает Бал'ами, было две тысячи ²¹². Табари указывает на их племенную принадлежность: это намириты и таглибиты. «На помощь Мусанне выступил Анас ибн Хилал ан-Намири с христианами намиритами и рабами, которых они привезли в войско. Выступил [также] Ибн Мирдал-Фихр ат-Таглиби с христианами племени таглиб и рабами, которых они привезли в войско. . . Узнав о приходе арабов в [землю] персов, они сказали: „Мы будем сражаться вместе с сородичами“» ²¹³.

Вряд ли сообщения источников о христианских подразделениях в войске мусульман можно считать случайными только на основании компилятивного характера «Хроники» Табари. Анализ источников убеждает нас в том, что по крайней мере в Бувайбе арабские христиане отличились военной доблестью: один из них, раб христианин из племени таглиб, убил иранского полководца Михрана; мусульмане попытались отобрать у него добычу, но это вызвало возмущение других христиан, они пожаловались Мусанне; благодаря его вмешательству раб сохранил добычу ²¹⁴. В другой ситуации Мусанна поручает своему военачальнику-таглибиту ограбить кварталы соплеменников в Сиффине ²¹⁵.

Противоборство отдельных групп внутри одной этнической общности, имеющей одну религию (христианство), объяснить трудно. Вероятно, в основе антагонизма лежали социальные причины. Размежевание внутри таглибитов и намиритов, по-видимому, было вызвано тем, что часть этих племен перешла на оседлый образ жизни, а вторая — осталась кочевниками со своими обычаями и традициями. Именно кочевники первыми поддержали идею джихада и первыми, с кем они встретились на поле брани, были их оседлые соплеменники. Общая религия в данном случае не была препятствием, так как христианство пришло к кочевникам поздно и еще не стало органической частью

их общественной жизни. Христиане-кочевники с большей легкостью порывали со своей религией и переходили в ислам.

В этой связи представляет интерес сообщение Бал'ами о значительном числе мусульман из племен бакр и иджл в войске Халида ибн ал-Валида. В то же время в армии иранского полководца Карена было много христиан бакритов и иджлигов ²¹⁶.

Военные успехи мусульман в Междуречье и окончательное завоевание Вавилонии при халифе Омаре I имели для христиан-таглибитов далеко идущие последствия. С ними был заключен договор на условиях уплаты двойной садаки, но не джизьи; они рассматривались как потенциальные мусульмане, по договору им запрещалось крестить детей ²¹⁷.

Таким образом, в течение жизни одного поколения они должны были стать мусульманами. Однако последнее условие договора таглибитами не соблюдалось (или соблюдалось очень неохотно). По сообщению источника, халиф Али ибн Абу Талиб якобы сказал, что, будь на то его воля, он бы истребил воинов-таглибитов, а их детей обратил в рабство из-за того, что таглибиты продолжали крестить детей и этим лишились прав на защиту со стороны мусульман ²¹⁸.

Наиболее сложным было положение христиан Хиры, завоеванной трижды. Население пыталось не участвовать в военных действиях, как бы соблюдая нейтралитет, но в то же время вынуждено было поддерживать ту администрацию, которая располагала реальной властью. Узнав об отступлении персидского отряда, население Хиры выходит навстречу Халиду; Халид использует хирцев в качестве лазутчиков и проводников. Мусанне они советуют напасть на рынок в Багдаде ²¹⁹ и вообще оказывают мусульманам множество мелких услуг. Однако при очередном возвращении иранского войска они оправдываются и стараются доказать свою верность монархии ²²⁰. Такая неустойчивость позиции, вызванная единственным желанием уцелеть и сохранить свободу, имела своим следствием то, что к хирцам относились плохо и мусульмане и зороастрийцы. Поэтому замечание христианского историка о том, что в Хире припавшие арабы оскверняли храмы и монастыри, вовсе не выглядит тенденциозным ²²¹.

Посредниками, вернее — инициаторами переговоров, между населением Хиры и мусульманским войском часто выступали христианские монахи. Почти все историки-традиционалисты отмечали, что мусульманам было запрещено убивать монахов. В договоре Мухаммеда с Наджраном об этом прямо не говорится, но общий тон документа выражает доброжелательность в отношении руководителей христианской церкви и монашества. В эпоху завоеваний обстоятельства вынуждали мусульман обращаться со всеми христианами безотносительно от их духовного звания одинаково, но во время вторжения Мусанны в область Хиры именно монахам удалось смягчить гнев всеначальника, открыв тем самым возможность для его переговоров со старейшинами города ²²².

Христианский автор Михаил Сириец рассказывает, что в верхнем Междуречье объектом массового избиения стали именно монахи, обвиненные в пособничестве персам:

«В это время арабы вторглись в земли персов и поднялись на гору Марде, что рядом с Реш'айной, [и] убили многих монахов в обители, называемой Кадар. . . за то, что о них говорили, будто они — шпионы персов» ²²³.

Прибытие мусульман в области верхней Месопотамии сказалось на конфессиональном составе христианского населения. Наиболее ясно эта мысль выражена в «Хронике» Михаила Сирийца. Война Византии и Ирана в царствование Ираклия и Хосрова II Парвиза была отмечена в Византии новой волной преследований инаковерующих: по указанию императора противникам халкедонского собора отрезали носы и уши, разрушали их дома. В результате преследований многие монахи стали халкедонитами. Поражение Ирана в войне с Византией и вступление византийских армий в северо-западные пределы Сасанидского государства сопровождалось избиением и изгнанием из Эдессы монофизитов. Как утверждает Михаил Сириец, завоевание Месопотамии арабами имело своим следствием изгнание халкедонитов как агентов официальной Византийской церкви и возвращение монофизитов ²²⁴.

Большая колония христиан существовала в Хузистане. Источники ничего не говорят об их роли в ходе завоеваний, и в целом не ясно, чью сторону они поддерживали,

Косвенные данные позволяют предположить, что в этой провинции христиане были на стороне местной администрации, о чем свидетельствует массовое избиение духовенства в Шуштаре: «Лили там кровь как воду. Убили драгомана города и епископа из Хормузид Ардашира вместе с остальными школярами, священниками и дьяконами, пролили их кровь в святилище»²²⁵. По сведениям Табари, монахи и священники Шуша во время осады крепости мусульманами участвуют в переговорах, но источник не сообщает об их дальнейшей судьбе²²⁶.

Относительно устойчивые отношения между мусульманами и христианами западных областей Ирана (т. е. отношение к христианам как к зиммийам, лицам, пользовавшимся защитой мусульманской общины) сложились только после завоевания арабами нижнего Междуречья, когда они вылетную подружились к сасанидской столице. «С приходом арабов страна в течение пяти лет была подвержена непрерывным лишениям и испытаниям, до тех пор, пока дело арабов не упрочилось. Они потребовали у зиммиев джизью — и те ее платили. Они (арабы. — А. К.) обращались с зиммийами милостиво. И утвердились дела по милости Бога Всевышнего, а сердца христиан были довольны правлением арабов»²²⁷. В другом контексте этот же источник сообщает о взимании хараджа с населения Вавилонии в пятый год правления Йездигерда в Ктесифоне (637/38 г.), т. е. в то же самое время²²⁸. В этой связи вряд ли можно думать, что анонимный автор «Несторианской истории» не делал различия между джизьей и хараджем или употреблял оба термина для выражения одного понятия. Во всяком случае, он, кажется, более близок к истине, когда говорит о джизье, подушной подати.

Другой христианский автор, Михаил Сириец, вполне определенно пишет о подушном налоге — *ksp ruz'* (досл. «серебро головы»), — который с 640 г. по распоряжению халифа Омара взимался с христианского населения подчиненных областей²²⁹.

Разница в датировке (два года) несущественна и не может изменить вывода о времени стабилизации отношений христиан с мусульманами.

Как и привилегированные сословия в сасанидском Иране, христианское духовенство в раннем Халифате было освобождено от уплаты подушного налога. Этот факт

отмечен всеми христианскими хрониками. Но в тех же хрониках указывается, что в отдельных провинциях власти не делали различия между мирянами и духовенством.

В Кашкаре, например, при халифе Омаре I духовенство также было обложено джизьей. Оно было освобождено от нее только в результате личного обращения влиятельного религиозного деятеля, столпника Раббан Теодора, к арабскому наместнику провинции. По поводу налогового иммунитета духовенству была выдана специальная грамота ²³⁰.

Взаимные связи мусульман с христианами не ограничивались сферой политических и экономических интересов. Они распространялись и на область семейных отношений, хотя и в меньшей степени. Поведение и обязательства мусульманина по отношению к жене-христианке были регламентированы уже в несторианской версии договора пророка Мухаммеда с Наджраном. По-видимому, смешанные браки были не так уж редки. Табари отмечает, что мухаджире и ансары — ближайшие сподвижники Мухаммеда — брали в жены христианок и иудеек в Вавилонии при условии, что они не принадлежали к рабскому сословию.

Когда, например, Хузайфа, посланный в качестве наместника в сасанидскую столицу, взял себе в жены рабыню, халиф Омар потребовал, чтобы он развелся с нею, и тот выполнил волю халифа ²³¹.

О взаимоотношениях мусульманской администрации с руководителями христианской общины в Иране после завоевания арабами нижнего Междуречья сохранились любопытные детали.

Автор Анонимной сирийской хроники VII в., вообще враждебно настроенный против пришельцев и находясь под впечатлением разграбления патриаршего города, пишет, что католикос Ишо'яб II после опустошения Махозе арабами ушел в область Бет Гармай и поселился в селении Карка (позднее — Керкук) ²³². Из других источников известно, что после захвата сасанидской столицы в городе и его окрестностях наступил голод. Это событие могло ускорить уход христиан во главе со своим католикосом.

Автор «Хроники Сеерта» из гущи событий выделяет факт посещения Ишо'ябом халифа Омара ибн ал-Хаттаба.

Эта встреча могла иметь место после ухода патриарха из Ктесифона, спустя несколько лет, когда мусульманские отряды, оставив Вавилонию позади, углубились в центральные области Сасанидского государства. Тогда католикос отправился на встречу с халифом и вел с ним переговоры относительно положения христиан. Омар заключил с ним договор следующего содержания:

«Это — грамота раба Аллаха, повелителя верующих Омара ибн ал-Хаттаба, жителям Мадаина и Нахрбира, тамошним католикосу, священникам и дьяконам, которую он сделал для них соблюдаемым договором, публичной грамотой, древним законом и охранным покровительством. Всякий, кто верен ему, приобщится к исламу (будет держаться ислама) и вкусит его благодати. Но кто из верующих и мусульман, будь он правитель или подданный, погубит ее (грамоту. — *А. К.*), нарушит содержащийся в ней договор и станет действовать ей вопреки, преступит предписания, тот нарушит завет Аллаха и будет лишен Его защиты.

Но далее. Я даровал вам завет Аллаха и Его договор, покровительство Его пророков, посланников, избранных и мусульманских правителей над вашими жизнями, имуществом, семьями и слугами, а также предоставил свою защиту от всякой обиды. Я обязался быть вам защитником лично, вместе с моими подданными и помощниками, охраняющими святыни ислама, отражать от вас всех врагов, замышляющих против меня и против вас. Я отвращу от вас всякую беду, которую верующие навлекают на людей договора во время грабежа ²³³.

В этом вы не будете подвергнуты принуждениям и насилиям.

Никто из ваших епископов и никто из ваших начальников не будет смещен со своего поста. Ни один из ваших молитвенных домов, ни одна церковь не будут разрушены. Ничто из ваших зданий не отойдет под мечети и жилища мусульман.

Никому из ваших путников не будут чиниться препятствия в любом конце земли. Вы не обязаны выступать вместе с мусульманами на войну с их врагом. Ни один из исповедующих христианство не будет насильно обращен в ислам, после того как ниспослал [Аллах] ему (Мухаммеду. — *А. К.*) откровение в своей книге, говоря: „Нет принуждения в религии. Стало очевидным отличие

правильного пути от заблуждения. Спорьте только наиболее достойным образом“ ²³⁴.

Моя рука отвратит от вас беду везде, где бы вы ни находились. Кто противодействует этому, тот нарушил завет и договор с Аллахом, договор с Мухаммедом (да благословит его Аллах!) и выступает против покровительства Аллаха.

По договору они заслужили непролитие крови и защиту от всякого насилия, потому что они проявили искренность, делали добро и помогали Исламу. Им поставлены следующие условия: чтобы никто из них тайно или явно не был шпионом врага против кого-либо из мусульман; чтобы они не укрывали у себя дома врагов мусульман, откуда бы те могли воспользоваться возможностью для нападения; чтобы они не помогали никому из „людей войны“ ²³⁵ против верующих и мусульман ни враждебными действиями, ни оружием, ни конями, ни пехотой; чтобы они не направляли никого из врагов и не входили бы с ними в письменные сношения.

В случае, если возникнет необходимость в том, чтобы укрыть кого-либо из мусульман у себя дома, они (христиане. — А. К.) должны его спрятать и не выдавать врагу, оказывать ему помощь и сочувствие, пока он находится у них.

Они не отступают ни от одного из возложенных на них условий. Если кто из них нарушит какое-то из этих условий или изменит его — он лишится покровительства Аллаха и его Посланника (да будет над ним молитва и мир!).

На них распространяются те договоры и соглашения, которые я принял (одобрил?) для епископов, монахов и христиан из „людей писания“.

Более всего завещал Аллах своим пророкам в вере соблюдать верность, где бы они ни были. Поэтому все, что я делал для них (христиан. — А. К.), я лично и мусульмане должны соблюдать по договору ввиду его общеизвестности. Срок его действия — до наступления Судного часа и до скончания мира.

Засвидетельствовали это Осман ибн Аффан и Мугира ибн Шу'ба в 17 г. хиджры» ²³⁶.

Несмотря на то что договоры Мухаммеда с Наджраном и Омара ибн ал-Хаттаба с Йесифоном оформлены в разное время и адресованы разным христианским общинам,

первый и второй документы обнаруживают близкое сходство в формулировке основных положений. Это объясняется, по-видимому, устойчивостью официальной позиции высшей мусульманской администрации в отношении христиан.

Организация несторианской церкви в Сасанидском государстве соответствовала структуре государственного устройства и иерархии зороастрийского духовенства.

Титулатура католикоса — «отец отцов», «пастырь пастырей», «глава пастырей» — была скопирована с иранской (ср. «царь царей» и «мобед мобедов»). Во главе христианской общины церковной провинции стоял епископ, границы епископий совпадали часто с границами провинций официального административного деления. В пределах общины несторианское духовенство совмещало прерогативы церковной и светской администрации²³⁷.

Но в провинциях его деятельность контролировалась марзбанами, а в государственном масштабе — шаханшахом.

Даже в периоды наибольшей веротерпимости, когда волна гонений на христиан сменялась сотрудничеством с иноверцами (вспомним время Хормузда IV и начало правления Хосрова Парвиза), христианская церковь находилась под постоянным контролем со стороны центральной власти.

Шаханшах давал разрешение на избрание католикоса, на строительство церквей и монастырей, утверждал монастырские правила и т. д. Во время ирано-византийской войны Хосров II Парвиз отказал в разрешении на выборы католикоса, и в течение двадцати лет восточнохристианская церковь оставалась без руководителя (с 609 по 628 г.). Центральная власть использовала в своих интересах и соперничество монофизитов и несториан.

Мусульманское нашествие явилось для христиан Ирана, как и для приверженцев других религий, серьезным испытанием. Разрушались и разграблялись церкви и монастыри, гибли и попадали в рабство миряне и монахи. Но после жестоких сражений жизнь возвращалась в обычное русло. Мусульманская администрация, как и прежняя сасанидская, требовала от хрис-

типа исправной уплаты податей в обмен на гарантию жизни, личной свободы и имущества. Разрешила восстановление храмов и не препятствовала миссионерской деятельности, лишь бы она не затрагивала интересов мусульманской общины. Что же касается свободы вероисповедания немусульман, то новой администрации не было до нее никакого дела.

Об исключительной веротерпимости во времена халифа Му'авии сообщает несторианский автор конца VII в. Бар Пенкайе ²³⁸.

После захвата столицы Сасанидов мусульманами и разграбления ее католикос Ишо'яб II покинул город. В 648 г. Ишо'яб III вновь сделал Махозе (Мадаин, Селевкию-Ктесифон) резиденцией патриарха, хотя город не был уже столицей государства.

В I в. хиджры ислам был более терпим к иноверцам, чем несколько веков спустя, когда он стал религией большинства населения Ближнего Востока. Тогда положение христиан отягчалось многими унижительными ограничениями.

Было сфабриковано и основание для позднейших гонений на христиан — так называемый договор Омара ибн ал-Хаттаба с христианами ²³⁹. Авторитетом второго «справедного» халифа мусульманское государство стремилось в последующие века узаконить ограничения для христиан.

Отношение мусульман ко всем иноверцам на завоеванных землях определялось конкретными обстоятельствами, хотя одни из них (иудеи и христиане) считались «людьми писания», а другие (зороастрийцы) были зачислены в категорию огнепоклонников и язычников. Зороастризм был ненавистен исламу не особенностями своего вероучения, а как официальная религия Сасанидского государства, в течение столетий угнетавшего соседние племена и народы, в том числе оседлых и кочевых арабов. Поэтому основной удар в годы арабской экспансии на восток приняли на себя «огнепоклонники».

Но по мере утверждения военно-политического господства ислама в Иране возникали новые взаимоотношения мусульман и зороастрийцев, которые практически уравнивали последних с «людьми писания». У Балазури сохранилось предание о том, как халиф Омар ибн ал-Хат-

таб на одном из медресов обратился за советом к присутствующим там мухаджирам: «Не знаю, как мне поступать с магами». Тогда поднялся один из сподвижников пророка, Абдаррахман ибн Ауф, и сказал, что ему приходилось слышать Мухаммеда, когда тот повелел обращаться с зороастрийцами так же, как с «людьми писания»²⁴⁰.

Позиции зороастризма в раиисламском Иране оставались довольно прочными и несколько столетий спустя после крушения Сасанидской державы.

Завоевание всего Сасанидского государства, кроме его дальних восточных провинций, было завершено в середине VII в. Отдельные очаги сопротивления новой мусульманской администрации возникали и позже, но политически все Междуречье и территории к востоку от него вошли в состав Восточного халифата, управлявшегося наместниками Басры и Куфы.

Анализ военно-политической истории периода, выполненный на основании различных источников, показывает, что в подавляющем большинстве случаев военные действия между мусульманскими ополчениями и регулярной сасанидской армией носили ожесточенный и бескомпромиссный характер и сопровождались большим кровопролитием.

Пока вторжения кочевых арабов в район Хиры и в плодородные области нижнего Междуречья ограничивались грабительскими набегами, это мало заботило Сасанидов: от набегов страдали местные крестьяне и часть иранских дехкан. Для военной знати и членов царствующего рода важнее была происходившая в это время борьба за шаханшахский престол. Когда в результате внутренней междоусобицы трон достался шестнадцатилетнему Йездигерду III, у Ирана не было уже достаточно сил, чтобы сдерживать натиск арабов. На время Йездигерду III удалось вытеснить мусульман из Ирака. Но мусульмане, приобретшие немалый опыт борьбы с веротступничеством и сплоченные под единым знаменем ислама, были готовы к тому, чтобы померяться силами с противником в Междуречье. Поражение персов при Кадисии (636 г.) отдало в руки арабов округа приевфратья. Покорение Вавилонии было лишь делом времени. В следующем году был завоеван Ктесифон, столица Сасанидской державы, затем Джалула, и арабы завоевали всю Вавилонию.

После поражений при Кадисси и в Вавилонии регулярная сасанидская армия перестала существовать. В Иехавенде (Мидии), Хузистане, Парсе, Кермане и Хорасане войну с арабами вели местные ополчения. Более десяти лет Йездигерд III, лишенный реальной власти, в сопровождении многочисленной свиты кочевал по всей стране, останавливался ненадолго то в одном городе, то в другом, отдавал приказы местным правителям направить ополчения для борьбы с мусульманами. Но события развивались своим ходом, без участия монарха. Военные действия велись с переменным успехом, некоторые области арабам приходилось завоевывать по нескольку раз, как это было, например, в Парсе. Авторитет Йездигерда неуклонно падал, беглый шаханшах с его амбициями стал обузой для провинциальных правителей, которые пытались как можно скорее избавиться от шаханшаха. Конфликт с марзбаном Мерва завершился убийством Йездигерда III. Год гибели последнего сасанидского «царя царей» (651 г.) означал окончательное политическое подчинение Ирана арабам.

Существует ряд причин, ускоривших крушение Сасанидского государства. К главным можно отнести неудачи в длительной ирано-византийской войне, пятилетний период междоусобиц, упадок экономики страны. Но следует учитывать и военный аспект: в арабах пустыни Сасаниды обрели серьезного противника, который прекрасно владел оружием, тактикой и стратегией ведения войны еще в то время, когда бедуины выступали союзниками Ирана и Византии в их многолетних войнах. Даже боевые порядки персов и арабов в великих сражениях были практически идентичны. Успехам арабов в Междуречье содействовал пестрый национальный и конфессиональный состав его населения: оседлые арабы, иудеи, сирийцы, составлявшие большинство в этой части Сасанидской державы и исповедовавшие христианство и иудаизм, испытывали постоянный гнет господствовавшей зороастрийской церкви. Вряд ли все они единодушно приветствовали новых завоевателей, но готовы были с ними сотрудничать, когда к этому располагали обстоятельства. Немалую роль в успехах мусульман сыграло основание городов-лагерей, которые стали опорными пунктами военной экспансии ислама на восток; они же являлись административными центрами наместничеств,

централизованно управлявшими завоеванными территориями через малых помещиков отдельных провинций, в качестве которых выступали арабские военачальники.

Основу взаимоотношений мусульман с покоренным населением составляли мирные договоры, фиксировавшие двусторонние обязательства. Побежденные должны были платить контрибуцию и (или) подушный налог и нести дополнительные повинности в пользу мусульман; победители — обеспечивать побежденным личную неприкосновенность и неприкосновенность имущества, защиту от внешних врагов, сохраняли за ними право исповедовать свою религию и жить по своим обычаям. Условия договора для иноверцев могли быть лучше или хуже, они зависели и от способа подчинения территории (силой оружия или мирным путем), и от их платежеспособности, и от иных обстоятельств. Обращает на себя внимание тот факт, что договоров, адресованных одной конфессиональной общине (договор Мухаммеда с христианами Наджрана, договор халифа Омара I с христианами), было немного. В подавляющем большинстве случаев источники упоминают о договоре мусульман с конкретным городом, провинцией или округом. Иногда говорится о заключении договора со старейшинами одного города (округа); не исключено, что каждый из них мог представлять на переговорах интересы своей конфессиональной общины. Хотя отношение мусульман к иудеям, христианам и зороастрийцам далеко не всегда было равнозначным, в договорах это не находило прямого отражения, кроме размеров контрибуции или суммы налога (да и они часто определялись иными, внеконфессиональными причинами).

По мере военной экспансии ислама дальше на восток мусульманское войско пополнялось за счет мавали — новообращенных мусульман из зороастрийцев и адептов других религий. Одних (иранскую знать) ислам привлекал перспективой освобождения от позорной джизьи, которая уравнивала ее с податным сословием. Профессиональные воины видели в принятии новой религии возможность обогатиться за счет военной добычи. Для обращенных в рабство пленников войны переход в ислам давал возможность восстановить статус свободных людей. Источники называют десятки случаев одиночного и группового перехода иноверцев в ислам. Однако

в первые десятилетия существования Халифата этот процесс протекал очень медленно. В первую очередь исламизация затронула область денежного обращения и делопроизводства. Но это произошло только на рубеже VII и VIII вв. Что же касается большинства населения покоренных территорий, то оно еще долго сохраняло религию и обычаи своих предков (в X в. половину населения Парса составляли зороастрийцы).

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Имеются в виду библиографические выпуски и обзоры Д. Г. Пфаннмюллера, И. Фюка, Р. Эттингхаузена, Дж. Д. Пирсона, Ж. Соважа, А. Т. Уилсона, М. Саба, Ч. А. Стори, И. Афшара, В. В. Бартольда, В. Миюрского, А. К. Сверчевской и др.

² G. Weil. Geschichte der Chalifen. . . Bd 1—3. Mannheim, 1846, 1848, 1851; Bd 4, 5. Stuttgart, 1860, 1862.

³ G. Weil. Geschichte der islamitischen Völker. . . Stuttgart, 1866.

⁴ A. P. Caussin de Perceval. Essai sur l'histoire des Arabes. . . T. 3, P., 1848.

⁵ G. Flügel. Geschichte der Araber bis auf den Sturz des Chalifats von Bagdad, Zweite umgearbeitete und vermehrte Auflage. Lpz., 1864 (первое издание — 1832 г.).

⁶ A. Müller. Der Islam im Morgen- und Abendland. Bd 1, 2. B., 1885, 1887.

⁷ D. G. Pfannmüller. Handbuch der Islam-Literatur. Berlin und Leipzig, 1923, с. 35—36.

⁸ W. Muir. The Caliphate, its Rise, Decline and Fall. Ox., 1891, 1892, 1899; Edinburgh, 1915, 1924.

⁹ В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 6. М., 1966, с. 272—274.

¹⁰ J. Wellhausen. Mohammed and the First Four Caliphs. — «The Encyclopaedia Britannica». IX ed. Vol. 16. Edinburg, 1883, с. 545—606; J. Wellhausen. Skizzen und Vorarbeiten. H. 6 (Prolegomena zur ältesten Geschichte des Islams). B., 1899.

¹¹ Th. Nöldeke. Zur tendenziösen Gestaltung der Urgeschichte des Islams. — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft». Lpz., Wiesbaden (далее — ZDMG). Bd 52, 1898, с. 16—33.

¹² L. Caetani. Annali dell'Islam. Vol. 1—10. Milano, 1905—1926.

¹³ Н. А. Медников. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. СПб., II, 1897; I, 1902; A. Butler. The Arab Conquest of Egypt and the Last Thirty Years of the Roman Dominion. Ox., 1902.

¹⁴ B. Spuler. Iran in früh-islamischer Zeit. Politic, Kultur, Verwaltung und öffentliches Leben. . . (633 bis 1055). Wiesbaden, 1952; З. Бунятов. Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965; А. Н. Тер-Гевондян. Армения и Арабский халифат. Ер., 1977.

¹⁵ J. P. Brown. Et-Tabari's Conquest of Persia by the Arabs, transl. from the Turkish, — «Journal of the American Oriental So-

ciety». New York—New Haven (далее — JАOS). 1851, vol. 1, с. 435—505; vol. 2, с. 207—234.

¹⁶ А. К р ы м с к и й. История Сасанидов и завоевание Ирана арабами (курс лекций). Изд. 2-е М., 1905.

¹⁷ Б. Н. З а х о д е р. История восточного средневековья (Халифат и Ближний Восток). М., 1944.

¹⁸ А н - Н у ' м а н ' А б д а л - М у т а ' а л а л - К а д и. Ши'р ал-футуḥ ал-исламийа фй садр ал-ислам. Ал-Қахира, 1385 г. х./1965 г.

¹⁹ J. B. G l u b b. The Great Arab Conquests. L., 2-nd Impression, 1966.

²⁰ M. H a r t m a n n. Die Unterredung al-Mughīras mit dem Persergeneral Rustam im J. 16/637 und der Thronbankzwisehenfall. — «Der Islam». Bd 8, Strassburg, 1918, с. 303—304; S. M. Y u s u f. The Battle of al-Qadisiyya. — «Islamic Culture». Vol. 19. Hyderabad, 1945, с. 1—28.

²¹ Cl. H u a r t. Histoire des Arabes. T. 1, 2. P., 1912, 1913; Ph. K. H i t t i. History of the Arabs. L., 1937; C. B r o c k e l m a n n. Geschichte der Islamischen Völker und Staaten. München—Berlin, 1939.

²² M a x v a n B e r c h e m. La propriété territoriale et l'impôt foncier sous les premiers caliphes. Genève, 1886.

²³ A. K r e m e r. Kulturgeschichte des Orients unter den Chalifen. Bd 1, 2. Wien, 1875, 1877.

²⁴ [P. S c h w a r z]. Iran im Mittelalter nach den arabischen Geographen von P. Schwarz. I—IX. Leipzig — Stuttgart, 1896—1936.

²⁵ J. W e l l h a u s e n. Das Arabische Reich und sein Sturz. B., 1902; C. B e c k e r. Beiträge zur Geschichte Ägyptens unter dem Islam. Strassburg, 1—2, 1902—1903; L. C a e t a n i. Annali dell' Islam. Vol. 1—10. Milano, 1905—1926; D. C. D e n n e t. Conversion and the Poll-tax in Early Islam. Cambridge, 1950; G. L ø k k e g a a r d. Islamic Taxation in the Classic Period With Special Reference to Circumstances in Iraq. Copenhagen, 1950; A. F a t t a l. Le statut légal des non-musulmans en pays d'Islam. Beyrouth, 1958; A. A. D u r i. Notes on Taxation in Early Islam. — «Journal of the Economic and Social History of Orient» (далее — JESHO). Vol. 17, p. 2. Leiden, 1974, с. 136—144.

²⁶ D. C. D e n n e t. Conversion and the Poll-tax in Early Islam, с. 2.

²⁷ Там же, с. 41—42.

²⁸ A. F a t t a l. Le statut légal des non-musulmans en pays d'Islam, с. 317—343.

²⁹ M. Kh. F a t e h. Taxation in Persia. A Synopsis from the Early Times to the Conquest of the Mongols. — «Bulletin of the School of Oriental Studies, London Institution (University of London)» (далее — BSOS). Vol. 4, p. 4, 1928, с. 723—743.

³⁰ A. K. S. L a m b t o n. Landlord and Peasant in Persia. L., 1953.

³¹ Там же, с. V.

³² Там же, с. 17.

³³ A. K. S. L a m b t o n. Islamic Society in Persia. L., 1954.

³⁴ Их основные работы в этом направлении: В. В. Б а р т о л ь д. Иран. Исторический обзор. Таш., 1926; он же. К во-

просу о феодализме в Иране. — «Новый Восток». 1930, № 28; Б. Н. Заходер. История восточного средневековья (Халифат и Ближний Восток); Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958; И. П. Петрушевский. Ислам в Иране в VII—XV веках. Л., 1966; он же. К истории рабства в Халифате в VII—X веках. — «Народы Азии и Африки». 1971, № 3; Е. А. Беляев. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. М., 1965; Л. И. Надирадзе. Община на территории Восточного халифата в VII—VIII вв. — Арабские страны. История. Экономика. М., 1966; он же. Вопросы общественно-экономического строя государства арабов и халифата VII—VIII вв. в советской историографии. — Историография стран Востока. Проблемы социально-экономической истории феодализма в странах Востока (Историографические очерки). М., 1969; он же. Хрестоматия по истории халифата. М., 1968; Ф. М. Ацамба, Л. И. Надирадзе. Развитие феодализма в Арабском халифате. — Историография стран Востока (проблемы феодализма). М., 1977.

³⁵ К ним можно отнести работу В. Ф. Гиргаса «Права христиан на Востоке по мусульманским законам». СПб., 1865.

³⁶ M. Hamidullah. Documents sur la diplomatie musulmane à l'époque du Prophète et des Khalifes Orthodoxes. P., 1935; M. G. Morgan. Religious Communities in Late Sasanian and Early Muslim Iraq. — JESHO. Vol. 17, p. 2. Leiden, 1974, с. 113—135. Более подробную библиографию см. в разделе III, где говорится о христианах в раннеисламском Иране.

Раздел I

¹ Развернутая характеристика источника с указанием основных изданий и переводов дана нами в работе «Иран в начале VII века». — «Палестинский сборник». Вып. 22 (85). Л., 1970, с. 26—28. При ссылках на оригинальный сирийский текст имеется в виду издание, помещенное в «Корпусе восточно-христианских рукописей»: Corpus scriptorum christianorum orientalium, scriptores syri, series tertia. T. IV, с. 15—39 (далее — Сирийский аноним VII в., текст).

² Histoire nestorienne inédite (Chronique de Séert). . . publiée par M-gr Addai Scher, archevêque chaldéen de Séert (Kurdistan). — «Patrologia Orientalis». T. IV, V, VII, XIII. P., 1908—1919.

³ Kitab al-'Unvan. Histoire universelle écrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj éditée et traduite en français par Alexandre Vasiliev. — «Patrologia Orientalis». T. V—VIII. P., 1910—1912. В рукописных списках труд Агапия называется либо «Книгой полного введения», либо «Книгой по истории».

⁴ Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М., 1946, с. 52.

⁵ Перечень его трудов в книге: В. Райт. Краткий очерк истории сирийской литературы под редакцией и с дополнениями проф. П. К. Коковцова. СПб., 1902, с. 179—180.

⁶ Chronique de Michel le Syrien, patriarche Jacobite d'Antioche (1169—1199), éditée pour la première fois et traduite en français par

Ж.-В. Chabot. Т. 1—4. Р., 1899—1910 (далее — Михаил Сирпиец).

⁷ Gregorii Barhebraei Chronicon syriacum edidit P. Bedjan. Parisiis, 1890 (далее — Бар Эбрей, текст).

⁸ R. Duval. La littérature syriaque. Р., 1907, с. 198.

⁹ Chronicon ad annum christi 1234 pertinens. Edidit J. B. Chabot. — Corpus scriptorum christianorum orientalium (далее — CSCO), scriptores syri, series III, tomus XIV, textus (1920), versio (1937) (далее — Анонимная хроника 1234 г.).

¹⁰ R. Y. Ebied and M. J. L. Young. A Treatise in Arabic on the Nestorian Patriarchs. — «Le Museon». Vol. LXXXVII, p. 1—2. Louvain, 1974, с. 87—113 (далее — Несторианские патриархи).

¹¹ Ibn Wādhīh qui dicitur al-Jaʿqubī, Historiae pars altera Historiam islamicam continens, ed. M. Th. Houtsma. Lugduni Batavorum, 1883 (далее — Йакуби 2).

¹² Х. А. Р. Гибб. Арабская литература (классический период — перевод А. Б. Халидова). М., 1960, с. 57; The Encyclopaedia of Islam (далее — EI). Vol. 4. Leiden—London, 1934, с. 1152.

¹³ Abū Ḥanīfa ad-Dīnawerī. Kitāb al-aḥbār al-ṭiwāl. Publié par V. Guirgass. Leide, 1888 (далее — Динавари).

¹⁴ Там же, с. 149, стк. 5—6.

¹⁵ Annales quos scripsit Abu Džafar Mohammed ibn Džarir at-Taḡari cum aliis ed. M. J. De Goeje. Prima series. Lugduni Batavorum. Т. 4, 5 (далее — Табары I).

¹⁶ Н. Медников. Об одном из источников ат-Табария. — Сборник статей учеников проф. В. Р. Розена. СПб., 1897, с. 53—66; Н. А. Медников. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. Т. 1. СПб., 1902; J. Wellhausen. Prolegomena zur ältesten Geschichte der Islam. — «Skizzen und Vorarbeiten». 6. B., 1899.

¹⁷ Табары I, с. 2025, стк. 18.

¹⁸ Там же, с. 2200, стк. 9—11.

¹⁹ Kitāb al-Fihrist mit Anmerkungen herausgegeben von G. Flügel. Bd 1. Lpz., 1871, с. 94.

²⁰ Чаще: «Написал мне ас-Сари», иногда: «Рассказал мне ас-Сари».

²¹ «Рассказал мне Убайдаллах» (Табары I, с. 2021, 2022, 2054, 2055 и др.).

²² Н. Медников. Об одном из источников ат-Табария, с. 64; Н. А. Медников. Палестина... 1, с. 86, прим. 7.

²³ C. Brockelmann. Geschichte der arabischen Literatur, Erster Supplementband. Leiden, 1936, с. 213—214.

²⁴ F. Sezgin. Geschichte des arabischen Schrifttums. Bd 1. Leiden, 1967, с. 311.

²⁵ Н. Медников. Об одном из источников ат-Табария, с. 64.

²⁶ Там же, с. 65—66.

²⁷ Н. А. Медников. Палестина... 1, с. 72—73. Ша'би, сын пленницы из Джалулы, родился в 19 или 20 г. х./640—41 г. Он застал в живых пятьсот сподвижников пророка и мог записывать с их слов. Сам'ани, автор XII в., утверждал, что Ша'би передавал со слов ста пятидесяти асхабов (The Kitāb al-Ansāb of... al-Sam'ānī, Reproduced in Facsimile... by D. S. Margoliouth. Leiden—London, 1912, fol. 334 av.). Неоднократные ссылки на

Ша'би встречаются и у Балазури (по изданию Де Гуйе, с. 244, 246, 248, 253, 256 и т. д.).

²⁸ Н. А. Медников. Палестина. . . 1, с. 613; ссылки на труды Табари, Ибн ал-Джаузи, Азраки, Бируни, Ибн Асакира, Сахави и Мас'уди имеются в работе: М. H a m i d u l l a h. Nasi, the Hijrah Calendar and the Need of Preparing a New Concordance for the Hijrah and Gregorian Eras. — «The Islamic Review». 1969, February, с. 7.

²⁹ Этому вопросу посвящена работа М. Хамидуллы, см. прим. 28.

³⁰ J. Walker. A Catalogue of the Arab-Sassanian Coins. L., 1941.

³¹ Liber expugnationis regionum auctore imámo Ahmed ibn Jahja ibn Djábir al-Beládsori. . . Ed. M. J. De Goeje. Lugduni Batavorum. 1866 (далее — Б а л а з у р и, текст), с. 253; Й а' к у б и 2, с. 161, 162; Д и н а в а р и, с. 120, 125.

³² Например, рассказ о завоевании Табаристана по Сайфу помещен в главе 22 г. х. (Т а б а р и I, с. 2659—2660), версия Мадани и Вакиди приводится в главе 30 г. х. (Т а б а р и I, с. 2835—2839).

³³ Т а б а р и I, с. 2021, стк. 6—7.

³⁴ Там же, с. 2183, стк. 16—17; с. 2188, стк. 10—12; с. 2187, стк. 15—16; с. 2188, стк. 6—9, 15—17; с. 2189, стк. 1—5 и т. д.

³⁵ Н. А. Медников. Палестина. . . 1, с. 2—3, 9.

³⁶ Н. Медников. Об одном из источников ат-Табария, с. 61.

³⁷ [H. Zotenberg]. Chronique. . . Tabari, traduite sur la version persan d'Abou-'Ali Mo'hammed Bel'ami d'après les manuscrits de Paris, de Gotha, de Londres, et de Canterbury par H. Zotenberg. T. 3. P., 1871.

³⁸ О. Ф. Акимовский, В. В. Кушев, Н. Д. Миклухо-Маклай, А. М. Мугинов, М. А. Салахетдинов. Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР (краткий алфавитный каталог). Ч. 1 и 2. М., 1964; Н. Д. Миклухо-Маклай. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. Вып. 3. М., 1975. Номера по шифрам: В 4485, С 431, С 432, D 82, D 83, D 182, D 223. Рукопись С 431 включает только часть, посвященную доисламскому периоду. Еще одна рукопись (под № 850) имеется в отделе рукописей Восточного отдела библиотеки ЛГУ.

³⁹ Hamzae Ispahanensis Annalium Libri X. Ed. J. M. E. Gottwaldt. T. 1. Textus arabicus. Petropoli, 1844 (далее — Х а м з а И с ф а х а н и, текст).

⁴⁰ Х а м з а И с ф а х а н и, текст, с. 61—63, 114, 136—139, 151—153.

⁴¹ The Tajârib al-Umam or History of Ibn Miskawayh. . . Reproduced in Facsimile. . . with a Preface and Summary by L. Caetani. Vol. 1. — «E. J. W. Gibb Memorial» Series (далее — GMS), VII, 1. Lieden—London, 1909 (далее — И б н М и с к а в е й х).

⁴² Там же, с. XI.

⁴³ Там же, с. XII.

⁴⁴ El. New Edition. Vol. 3. fasc. 51—52. Leiden—London, 1968, с. 724.

⁴⁵ Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Ed. C. J. Tornberg. Vol. 2, 3. Lugduni Batavorum, 1868, 1869 (далее — И б н а л - А с и р).

⁴⁶ C. Brockelmann. Das Verhältnis von Ibn-el-Atîrs Kâmil fit-ta'riḥ zu Tabaris Abḥâr errusul wal mulûk. Strassburg, 1890.

⁴⁷ Там же, с. 9—13.

⁴⁸ Ибн ал-Асир 1, с. 4.

⁴⁹ Там же, с. 4—5.

⁵⁰ C. Brockelmann. Das Verhältnis. . ., с. 25—58.

⁵¹ EI. New Edition. Vol. 3, с. 724.

⁵² Основные издания и переводы: Liber expugnationis regionum, auctore Imâmo Ahmed ibn Jahja ibn Djâbir al-Belâdsori. . . Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1866 (далее — Балазури, текст); The Origins of the Islamic State Being a Translation from the Arabic Accompanied with Annotations, Geographic and Historic Notes of the Kitâb Futûḥ al-Buldân of al-Imâm Abu-l Abbâs Ahmad ibn-Jâbir al-Balâdhuri. Vol. 1. By Ph. Kh. Hitti. N. Y., 1916; vol. 2. By F. C. Murgotten. N. Y., 1924 (далее — Балазури, англ. перевод, т. 1; англ. перевод, т. 2); Фотӯҳ ал-болдân, бахш-и марбӯт бе Иран, аз Аҳмад ибн Йахйа ал-Балâзорӣ. Тарджоме-и доктор Азертâш-и Азербайш. Техран, 1346 (далее — Балазури, перс. перевод). Часть сочинения Балазури, не относящаяся к данной теме, была переведена на немецкий язык. Издания, появившиеся в XX в., если не считать работу арабского исследователя Салах ад-Дина Мунаджида (1956 г.), чаще всего повторяли издание Де Гуйе.

⁵³ The Origins of the Islamic State. . . Vol. 1, с. V—VI, 8; EI. New Edition. Vol. 1. Leiden—London, 1960, с. 971.

⁵⁴ Х. А. Р. Гибб. Арабская литература (классический период — перевод А. Б. Халидова), с. 56.

⁵⁵ Х. А. Р. Гибб. Мусульманская историография (перевод П. А. Грязневича). — Арабская литература. М., 1960, с. 128.

⁵⁶ Балазури, перс. перевод, с. 20.

⁵⁷ The Origins of the Islamic State. . . Vol. 1, с. 8.

⁵⁸ Kitabu'l Futuh by Abu Muhammad Ibn A'tham al-Kufi. Vol. 1—8. Hyderabad, 1968—1975 A. D. [далее — Куфи (Хайдабадское изд.)].

⁵⁹ А. Т. Тагирджанов. Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела Библиотеки ЛГУ. Т. 1. 1962, с. 90—92. До недавнего времени было известно только об одном переводчике сочинения Куфи — Мухаммеде ибн Ахмаде ал-Мустоуфи ал-Харави. А. Т. Тагирджанову удалось обнаружить в рукописи упоминание о втором переводчике, который продолжил работу первого.

⁶⁰ ЛО ИВ АН СССР — под шифрами С 385 и С 388, Библиотека ЛГУ — под №№ 127, 137, 279, 280, 581 (далее — Куфи, перс. перевод).

⁶¹ Первое сочинение этого жанра, сокращенный перевод Бал'ами на новоперсидский язык многотомной «Истории» Табари, почти не упоминает об источниках оригинала.

⁶² «Равийан-и ахбар чонин гуйанд», или «Рави чонин гуйад».

⁶³ The Fârsnâma of Ibnu'l-Balkhi. Ed by G. Le Strange and R. A. Nicholson. — GMS. New Series. I. L., 1921 (далее — Фарсname).

⁶⁴ Там же, с. 112—113.

⁶⁵ A. K. S. Lambton. An Account of the Tarikhî Qumm. — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies, London In-

stitution (University of London)» (далее — BSOAS). Vol. 12, p. 3 and 4. L., 1948, с. 586—596.

⁶⁶ A. Houtum-Schindler. Eastern Persian Irak. L., 1896.

⁶⁷ Та'рих-и Комм йа Анвар ал-моша'ша'йн. Комм, 1325 [г. х.].

⁶⁸ A. K. S. Lambton. An Account. . . , с. 587.

⁶⁹ История изучения памятника, основные издания и подробная характеристика даны в обстоятельной работе Л. П. Смирновой Та'рих-и Сйстан (История Систана). Перевод, введение и комментарий. М., 1974 (далее — История Систана). В значительной степени наши суждения об этом сочинении как историческом источнике основаны на данном исследовании.

⁷⁰ Все издания труда Абу Йусуфа выполнены на Востоке. Последнее, третье, осуществлено в Каире в 1933 г. Имеется французский перевод Э. Фаньяна. Многие отрывки из сочинения переведены на русский язык Л. И. Надирадзе для «Хрестоматии по истории халифата».

⁷¹ Le Livre de l'impôt foncier de Yahya ibn Adam, publié par Th. W. Yuynboll. Leide, 1896; Taxation in Islam. Vol. 1. Yahyā ben Adam's Kitāb al-Kharāj. Ed. Translated and Provided with an Introduction and Notes by A. Ben Shemesh. . . Leiden, 1958. Второе, Каирское издание, выполненное в 1928 г., осталось нам недоступным.

⁷² Taxation in Islam. Vol. 1, с. 7.

⁷³ Там же, с. 6—7; Л. И. Надирадзе. Хрестоматия по истории халифата, с. 6—7.

⁷⁴ Taxation in Islam. Vol. 1, с. 14—16.

⁷⁵ El. Vol. 2. Leyden—London, 1927, с. 1094.

⁷⁶ Kitāb al-Masālik wa'l-Mamālik auctore Abu'l-Kāsim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordādhbeh et excerpta e Kitāb al-Kharāj auctore Kodāma ibn Dja'far. . . Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum. Bibliotheca geographorum arabicorum. Edidit M. J. de Goeje (далее — BGA), p. VI, с. 184—266.

⁷⁷ El. Vol. 2, с. 1094.

⁷⁸ Taxation in Islam. Vol. 2. Qudāma b. Ja'far's Kitāb al-Kharāj, p. 7 and Excerpts from Abū Yūsuf's Kitāb al-Kharāj Translated and Provided with an Introduction and Notes by A. Ben Shemesh. Leiden, 1969 (далее — Кудамма ибн Джа'фар); rez: R. Veselý («Archiv Orientální», 36/3. Praha, 1968, с. 506—507).

⁷⁹ BGA, p. I—VIII. Lugduni Batavorum. 1870—1894.

⁸⁰ И. Ю. Крачковский. Арабские географы и путешественники. — «Известия Государственного географического общества». 1934, № 5, с. 740.

⁸¹ Kitāb al-Masālik wa'l-Mamālik auctore Abu'l-Kāsim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordādhbeh . . . ed. M. J. de Goeje. BGA, p. VI. Lugduni Batavorum. 1889 (далее — Ибн Хордадбех, текст; перевод).

⁸² Compendium libri Kitāb al-boldān auctore Ibn al-Fakīh al-Hamadhānī quod edidit . . . M. J. de Goeje. BGA, p. V. Lugduni Batavorum. 1885 (далее — Хамаданӣ).

⁸³ El. New Edition. Vol. 3. fasc. 51—52. с. 761.

⁸⁴ Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishāk al-Fārisī al-Istakhri. Ed. M. J. de Goeje. BGA, p. I. Lugduni Batavorum. 1870 (далее — Истахри).

⁸⁵ *Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu'l-Kāsim Ibn Haukal. Ed. M. J. de Goeje. BGA, p. II. Lugduni Bavorum, 1873 (далее — И б н Х а у к а л).*

⁸⁶ *El. New Edition. Vol. 3, c. 788.*

⁸⁷ Ф и р д о у с и. Шах-наме. Критический текст. Т. 9 (составитель текста А. Е. Бертельс). М., 1971. В московском издании за основу приняты четыре древнейших списка, относящиеся к XV в. Они были сопоставлены с Каирской рукописью Шах-наме (XIV в.), рукописью из собрания Гулистанского дворца в Тегеране, переписанной в начале XV в. для тимурида Байсункара, с критическими изданиями Т. Макана и Ж. Моля, выполненными во второй половине XIX в., с арабским переводом Бундари, осуществленным в XIII в. В издании, таким образом, сосредоточена основная масса старейших и лучших чтений «Шах-наме», ее ядро. Настоящее издание завершает первый этап критики текста. По замыслу исследователей, следующий этап будет заключаться в сокращении разночтений и восстановлении первоначального варианта текста путем углубленного филологического анализа.

⁸⁸ Ф и р д о у с и. Шах-наме. Т. 9, с. 318—320, бб. 88—120.

⁸⁹ R. Göbl. *Sasanian Numismatics. Braunschweig, 1971, c. 54—55.*

⁹⁰ J. Walker. *A Catalogue of the Arab-Sassanian Coins. L., 1941.*

⁹¹ G. Miles. *Rare Islamic Coins. — «The American Numismatic Society. Numismatic Notes and Monographs» (далее — ANSNNM). N. Y. 1950, № 118; G. Miles. Excavation Coins from the Persepolis Region. — ANSNNM. 1959. № 143; B. Granberg. Förteckning över Kufiska myntfynd i Finland. Helsinki, 1966; H. G a u b e. Arabosasanidische Numismatik. Braunschweig, 1973; I. T ö s e n. Arabsasanı paraları. — «Nümismatik Yayınları». İstanbul, 1975, № 7.*

⁹² В прошлом веке сасанидским геммам были посвящены специальные исследования А. Мордтмана, П. Хорна, Г. Штейндорфа, И. Кирште. Комплексное изучение коллекций начато несколько десятилетий назад. Здесь по значимости следует выделить работы А. Я. Борисова и В. Г. Лукоцина (СССР), а из зарубежных исследователей публикации Р. Н. Фрая и Ф. Жинью: А. Я. Б о р и с о в, В. Г. Л у к о н и н. Сасанидские геммы. Л., 1963; R. N. Frye. *Sasanian Seals in the Collection of Mohsen Foroughi. — Corpus Inscriptionum Iranicarum (далее — CII), p. III. «Pahlavi Inscriptions». Vol. VI. Plates, part I. 2. L., 1971; он же. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr (Seals, Sealings and Coins). — «Harvard Iranian Series». Vol. 1, Cambridge, 1973; Ph. G i g n o u x. Problèmes d'interprétation des bulles sassanides. — «Studia Iranica». T. 2, fasc. 2. Leiden, 1973, c. 137—142; он же. Sur les sceaux sassanides de la société numismatique américaine. — «Studia Iranica». T. 4, fasc. 2. Leiden, 1975, c. 171—175; E. A. P r o v a s i. Seals with Pahlavi inscriptions from the Nayeri Collection. I. — «East and West». New series. Vol. 25. Rome, 1975, c. 427—433; S. S h a k e d. Jewish and Christian Seals of the Sasanian Period. — *Studies in Memory of Gaston Wiet. Jerusalem, 1977, c. 17—31.**

⁹³ А. Я. Б о р и с о в, В. Г. Л у к о н и н. Сасанидские геммы, с. 12—22.

⁹⁴ R. N. Frye. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr. . . , с. 58.

⁹⁵ Е. А. Пахомов. Пехлевийские надписи Дербенда. — «Известия Общества обследования и изучения Азербайджана». Вып. V, № 8. Баку, 1929, с. 3—25; Г. С. Нюберг. Материал по истолкованию пехлевийских надписей Дербенда (там же, с. 26—32).

⁹⁶ G. G r o p p. Einige neuentdeckten Inschriften aus sasani-discher Zeit. — W. H i n z, Altiranische Funde und Forschungen. B., 1969, с. 229—263; R. N. F r y e. Funerary Inscriptions in Pahlavi from Fars. — W. B. Henning Memorial volume. L., 1970, с. 152—156.

Раздел II

¹ Е. А. Беляев. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье, с. 136; А н - Н у 'м а н 'А б д а л - М у т а 'а л а л - К а 'д и. Ши'р ал-футу'х. . . , с. 43: «едва ли стоит думать. . . что завоевание Ирака началось только после окончания сражений с риддой».

² О предпосылках и обстоятельствах битвы см.: А. И. Колесников. Сражение при Зу-Каре. — «Палестинский сборник», Вып. 19 (82), 1969, с. 76—86.

³ Д и н а в а р и, с. 116, стк. 18—с. 117, стк. 4; Б а л а з у р и, текст, с. 340; англ. перевод, т. 2, с. 51.

⁴ В тексте Табари (I, с. 1961, стк. 1) и Ибн ал-Асира (2, с. 281) — «Хутам ибн Дубей'а, брат бану Кайс ибн Са'лаба». Что это за «брат» племени, не совсем ясно. Не исключено, что в тексте вместо اخو должно стоять فى, как в «Китаб ал-агани». И тогда фразу можно перевести следующим образом: «Хутам ибн Дубей'а из племени кайс ибн са'лаба». Это предположение, как кажется, подтверждается дальнейшим повествованием: бедуины племени Кайс ибн Са'лаба убили вождя ханифитов, увидев его в платье погибшего Хутам. О том, что Хутам был са'лабитом, говорится и у Бал'ами ([H. Z o t e n b e r g]. Chronique. . . Т. 3, с. 300). Ссылка на персидский текст Бал'ами в данном случае невозможна, так как в списках рукописей автора, имеющихся в Ленинградском собрании, раздел о последних событиях «риды» и кампании Халида в Ираке опущен.

⁵ Та б а р и I, с. 1957—1971; И б н а л - А с и р 2, с. 281—283; A. P. Caussin de Perceval. Essai. . . Т. 3, с. 380—385; W. Muir. The Caliphate, its Rise, Decline and Fall. Ox., 1891, с. 48.

⁶ Д и н а в а р и, с. 117, стк. 5—6: «просил его, чтобы помог войском».

⁷ С. Н. В е с к е r. Islamstudien. Bd 1. Lpz., 1924, с. 77.

⁸ Д и н а в а р и, с. 117, стк. 8—9.

⁹ С. Н. В е с к е r. Islamstudien. Bd 4, с. 78; J. B. G l u b b. The Great Arab Conquests, с. 130.

¹⁰ Глабб (The Great Arab Conquests, с. 126) считает, что встреча Халида с Мусанной состоялась в Хафире, который он отождествляет с современным районом Хафара в пустыне юго-западнее Евфрата. Но наши основные источники по военно-политической истории

завоеваний (Табари и Балазури) упоминают в этой связи только Нибадж, и им мы отдаем предпочтение.

¹¹ Ибн ал-Асир 2, с. 294.

¹² Табари I, с. 2023, стк. 11—12; Ибн ал-Асир 2, с. 295.

¹³ Табари I, с. 2025, стк. 5—6; ср. Ибн ал-Асир 2, с. 295.

¹⁴ Табари I, с. 2016, стк. 11—с. 2017, стк. 10; Балазури, текст, с. 340—341.

¹⁵ Табари I, с. 2016, стк. 7—11.

¹⁶ Там же, стк. 3—6; Балазури, текст, с. 241.

¹⁷ Ан-Нуман 'Абд ал-Мута'ал ал-Қадй. Ши'р ал-футу'а . . . , с. 53.

¹⁸ Табари I, с. 2020, стк. 14—18; с. 2022, стк. 1—4; Ибн ал-Асир 2, с. 294.

¹⁹ Балазури, текст, с. 241—242; перс. перевод, с. 36; англ. перевод, т. 1, с. 388.

²⁰ Ибн ал-Асир 2, с. 295.

²¹ Балазури, текст, с. 341.

²² J. V. Glubb. The Great Arab Conquests, с. 126.

²³ В арабском источнике — Карен ибн Карйанус.

²⁴ Табари I, с. 2026—2029; Ибн ал-Асир 2, с. 295—296; Балазури, текст, с. 242; англ. перевод, т. 1, с. 389; перс. перевод, с. 37; A. Caussin de Perceval. Essai. . . Т. 3, с. 403—404; G. Weil. Geschichte der Chalifen. . . Bd 1, с. 32. У Глабба рассказ об этом сражении опущен.

²⁵ Табари I, с. 1869, стк. 19—21.

²⁶ Балазури, текст, с. 242; англ. перевод, т. 1, с. 389; перс. перевод, с. 37. Табари и Ибн ал-Асир о них не упоминают и сразу переходят к событиям при Валадже, тогда как Балазури, напротив, ничего не знает (или игнорирует сведения) о Валадже.

²⁷ الْأَنْدَرَزَقُ Паряду с этой правильной формой в разных списках встречаются искаженные. Разные варианты имени и объяснение значения см.: Th. Nöldöke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Leyden, 1879, с. 462.

²⁸ Табари I, с. 2029—2031; Ибн ал-Асир 2, с. 296.

²⁹ Табари I, с. 2030, стк. 4—5.

³⁰ [H. Zotenberg]. Chronique. . . Т. 3, с. 328.

³¹ По мнению Глабба, Оллейс был расположен на западном берегу Евфрата в окрестностях современного города Самава (J. V. Glubb. The Great Arab Conquests, с. 128).

³² Табари I, с. 2033, стк. 9—10: «Когда Халид настиг их, он остановился и приказал снять тяжести»; ср. Ибн ал-Асир 2, с. 297.

³³ [H. Zotenberg]. Chronique. . . Т. 3, с. 329. Все же какие-то арабы воевали на стороне персов: Табари (I, с. 2033, стк. 12—15) и Ибн ал-Асир (2, с. 297) сообщают о поединке Халида с Маликом ибн Кайсом.

³⁴ Балазури, текст, с. 242; англ. перевод, т. 1, с. 389—390; Табари I, с. 2018—2019.

³⁵ Табари I, с. 2037, стк. 1—9; Ибн ал-Асир 2, с. 298.

³⁶ Табари I, с. 2019, 2037—2047; [H. Zotenberg]. *Chronique. . .* Т. 3, с. 321—322, 330—335; Ибн ал-Асир 2, с. 294, 298—300; Балазури, текст, с. 242—244; англ. перевод, т. 1, с. 390—392. В исследовательской литературе об этом сравнительно подробно написано у А. Р. Caussin de Perceval. *Essai. . .* Т. 3, с. 405—409; Ан-Ну'ман 'Абдал-Мута'ал ал-Кадди. *Шир' ал-футуḥ. . .*, с. 55—56.

³⁷ Табари I, с. 2039, стк. 2—7; Ибн ал-Асир 2, с. 298. Динавари (с. 117) сообщает о том, что жители Хиры укрылись в трех крепостях, но не дает их названий. У Балазури (текст, с. 244; англ. перевод, т. 1, с. 391) названы Каср ал-Абйад, Каср Ибн Букайла и Каср ал-Адасийин.

³⁸ Табари I, с. 2041, стк. 6; «чистокровные арабы и другие, арабизованные».

³⁹ [H. Zotenberg] *Chronique. . .* Т. 3, с. 333.

⁴⁰ Табари I, с. 2045, стк. 4—5; Ибн ал-Асир 2, с. 300; А. Р. Caussin de Perceval. *Essai. . .* Т. 3, с. 409.

⁴¹ Более или менее точный список этих царей с краткой характеристикой их деятельности имеется в той части мусульманских хроник, где кончается изложение сасанидской истории и начинается переход к истории ислама. В главах, посвященных завоеваниям в Иране, часто (как, например, у Табари и Ибн ал-Асира) встречаются расхождения в хронологии: вместо Фаррухзада упоминаются Шируйе и Ардашир, правившие за несколько лет до Йездигерда.

⁴² Фарс-наме, с. 111, стк. 3—4.

⁴³ Там же, стк. 5—11.

⁴⁴ Табари I, с. 2052, стк. 8—13; Ибн ал-Асир 2, с. 300.

⁴⁵ Балазури, текст, с. 244; англ. перевод, т. 1, с. 393.

⁴⁶ Табари I, с. 2058, стк. 2—6.

⁴⁷ J. B. Glubb. *The Great Arab Conquests*, с. 130; R. N. Frye. *The Sasanian System of Walls for Defense*. — *Studies in Memory of Gaston Wiet*. Jerusalem, 1977, с. 10—11.

⁴⁸ Балазури, текст, с. 246; англ. перевод, т. 1, с. 394—395. Объяснение названия города есть и у Ибн ал-Асира (2, с. 301).

⁴⁹ Табари I, с. 2059, стк. 13. А. П. Коссен де Персваль (*Essai. . .* Т. 3, с. 412) называет его марзбаном, но об этом в источниках нигде не сказано.

⁵⁰ По преданию, им удалось ослепить стрелами тысячу (по другим сведениям — две тысячи) защитников Анбара.

⁵¹ J. B. Glubb. *The Great Arab Conquests*, с. 127. Map XII. В источниках месяц хиджры не указан. Датировка события основана, очевидно, на сведениях о том, что Халид два месяца оставался в Хире, собирая налог. А время покорения этого города исследователям известно.

⁵² Там же, с. 130; *El. New Edition*. Vol. 1, Leiden—London, 1960, с. 788. Расхождение здесь минимальное, так как Шитата расположена рядом с современным городом. А. П. Коссен де Персваль (*Essai. . .* Т. 3, с. 413) ошибочно помещал Айн ат-Тамр в трех дневных переходах к северо-западу от Анбара. О. Г. Большаков считает, что на самом деле современный Айн ат-Тамр не существует.

⁵³ Табари I, с. 2062, стк. 12—14; Ибн ал-Асир 2, с. 302; [H. Zotenberg]. *Chronique. . .* Т. 3, с. 338; G. Weil.

Geschichte der Chalifen. . . Bd 1, с. 36; A. P. Caussin de Perceval. Essai. . . Т. 3, с. 413.

⁵⁴ Балазури (с. 246—247) нигде не упоминает об отходе прапцев из крепости.

⁵⁵ Табар и I, с. 2063, стк. 15—16; [H. Zotenberg], Chronique. . . Т. 3, с. 338.

⁵⁶ Табар и I, с. 2065, стк. 3—5; Ибн ал-Асир 2, с. 303.

⁵⁷ [H. Zotenberg]. Chronique. . . Т. 3, с. 339.

⁵⁸ El. New Edition. Vol. 2, Leiden—London, 1965, с. 624—625.

⁵⁹ J. de Goeje. Memoire sur la conquête de la Syrie. Leiden, 1864, с. 28—29; Н. А. Медников. Палестина. . . 1, с. 435—436; L. Caetani. Annali dell'Islam. Vol. 2, t. 2. Milano, 1907, § 170, с. 939.

⁶⁰ El. New Edition. Vol. 2, с. 625.

⁶¹ J. B. Glubb. The Great Arab Conquests, с. 132—133.

⁶² Этот переход занял у него не менее десяти дней (A. P. Caussin de Perceval. Essai. . . Т. 3, с. 414—415).

⁶³ Балазури, текст, с. 62, 250; англ. перевод, т. 1, с. 96, 400.

⁶⁴ Табар и I, с. 2072, стк. 12; Ибн ал-Асир 2, с. 305.

⁶⁵ El. Vol. 3. Leiden—London, 1936, с. 1183.

⁶⁶ [H. Zotenberg]. Chronique. . . Т. 3, с. 343.

⁶⁷ Табар и I, с. 2072, стк. 10—11; A. P. Caussin de Perceval. Essai. . . Т. 3, с. 419.

⁶⁸ [H. Zotenberg]. Chronique. . . Т. 3, с. 344.

⁶⁹ Табар и I, с. 2073, стк. 13—14; Ибн ал-Асир 2, с. 306: «Фирад — это граница Сирии, Ирака и Джазиры». Бал'ами локализует эту крепость на территории Византии (Рума). По другим сведениям, она находилась на восточном берегу Евфрата, т. е. в пределах Сасанидского государства (A. P. Caussin de Perceval. Essai. . . Т. 3, с. 419).

⁷⁰ Табар и I, с. 2074, стк. 8—9: «Это середина зу-л-ка'да 12 года»; ср. Ибн ал-Асир 2, с. 306.

⁷¹ Табар и I, с. 2115—2116.

⁷² Там же, с. 2116.

⁷³ Такую цифру дают Табар и Ибн ал-Асир. Бал'ами сообщает о тридцати тысячах, не называя источника информации.

⁷⁴ Табар и I, с. 2116—2117.

⁷⁵ Там же, с. 2117, стк. 2 — الخو كيد, вариант — الخركيد.

⁷⁶ Там же — الكركيل и الكركند, вариант — الكوكبد.

⁷⁷ Там же, с. 2117, стк. 2—4; Ибн ал-Асир 2, с. 318.

⁷⁸ Табар и I, с. 2120, стк. 1—2.

⁷⁹ Там же, с. 2120, стк. 4—5.

⁸⁰ [H. Zotenberg]. Chronique. . . Т. 3, с. 367.

⁸¹ Табар и I, с. 2164; Балазури, текст, с. 250; [H. Zotenberg]. Chronique. . . Т. 3, с. 368.

⁸² Динавари, с. 118. Вероятно, такая численность ополчения оказалась по прибытии Абу Убайда в Ирак, так как в дороге его отряд пополнялся новыми добровольцами.

⁸³ В отместку за своего отца Рустам казнил (по другой версии ослепил) царичу Азармидухт и возвел на трон ее сестру Буран (Табар и I, с. 2163; Ибн ал-Асир 2, с. 334; Бал'ами: рукописи ЛО ИВАН D 182, л. 333б и В-4485, л. 482а).

⁸⁴ Табари I, с. 2165; Ибн ал-Асир 2, с. 334: «в каждый рустак»; Бал'ами: рук. D-182, л. 333б: «в каждое селение послал человека и в каждый город»; рук. В-4485, л. 482а: «в каждую крепость послал человека и в каждый город».

⁸⁵ El. New Edition. Vol. 1, с. 1210—1211. Ибн ал-Асир (2, с. 334) называет Фурат Бадакла, один из тасуков остана Нижний Бех Кавад.

⁸⁶ Табари I, с. 2166, стк. 2—3: «И восстало население ру斯塔ков от Верхнего Евфрата до Нижнего».

⁸⁷ Бал'ами: рукописи D-182, л. 333б; В-4485, л. 482а; [H. Zotenberg]. Chronique. . . Т. 3, с. 369.

⁸⁸ Бал'ами считает Намарик большим городом, что вряд ли правильно, ибо от каждого большого города остается какой-то след в историографии. Намарик же упоминается только в этой ситуации и нигде больше. Вообще географические представления Бал'ами в той части, где он касается Междуречья, значительно уступают сведениям первоисточника.

⁸⁹ Табари I, с. 2166, 2169.

⁹⁰ Рукописи Бал'ами: D-182, л. 334а: D-223, л. 269а; В-4485, л. 482б; [H. Zotenberg]. Chronique. . . Т. 3, с. 372.

⁹¹ Так это имя звучит в арабской передаче. Его иранская форма неизвестна (может быть, Гален? Но тогда следует признать, что шаханшахским отрядом командовал иеиранец).

⁹² Название селения мы опускаем, так как его точное местоположение неизвестно.

⁹³ Отождествление его с Рустамом и Марданшахом (Балазури, Динавари) вряд ли оправдано, так как деятельность Рустама как полководца, непосредственно участвующего в сражении, проявится несколько позже. В разных версиях рассказа об этих событиях у Табари упоминается только Бахман; Марданшах у историка фигурирует в качестве парламентаря (Табари I, с. 2177, стк. 8—9).

⁹⁴ Табари I, с. 2175, стк. 2—3; J. B. Glubb. The Great Arab Conquests, с. 162.

⁹⁵ Табари I, с. 2176; Ибн ал-Асир 2, с. 338; Динавари, с. 119, стк. 11—12; Балазури, текст, с. 252; англ. перевод, т. 1, с. 404; J. B. Glubb. The Great Arab Conquests, с. 162, 164.

⁹⁶ Табари I, с. 2176; Ибн ал-Асир 2, с. 338. Йа'куби (2, с. 162) датирует восстание 14 г. х.

⁹⁷ Табари I, с. 2182; Ибн ал-Асир 2, с. 339. Оба автора упоминают здесь еще и Марданшаха как соратника Джабана. Но ведь Марданшах, по сведениям тех же источников, погиб, попав в плен после сражения при Намарике, а Джабан остался жив.

⁹⁸ Информаторы Табари локализируют ее между Кадисией и Хаффаном: Табари I, с. 2184, стк. 7—8. Динавари (с. 119, стк. 9) в этой связи называет Са'лабийу, но насколько его географические представления об Ираке точны, судить трудно, так как многие населенные пункты, по которым военные действия получали свои названия, у него опущены. Кроме того, Мардж ас-Сибх встречается у Табари в различных рассказах (см. также, с. 2187, стк. 7), что лишний раз свидетельствует в пользу достоверности информации.

⁹⁹ Табари I, с. 2186, стк. 3—4: Спросил: «Какая сторона вам больше нравится?» Сказали: «Сирия. Ведь предки наши там»; см. также с. 2187, стк. 15—17.

¹⁰⁰ Балазури, текст, с. 253; англ. перевод, т. 1, с. 405.

¹⁰¹ Табари I, с. 2186—2187.

¹⁰² Рукописи Бал'ами: D-182, л. 335б; D-223, л. 270а; B-4485, л. 485а; [H. Zotenberg]. Chronique... Т. 3, с. 382.

¹⁰³ Его называют еще то Михраном сыном Михрбундада Хамадани (Балазури), то Михраном сыном Махруйе Хамадани (Динавари), то Михраном сыном Базана (Табари со ссылкой на Ибн Исхака — Табари I, с. 2201, стк. 12).

¹⁰⁴ Табари I, с. 2190, стк. 8—9.

¹⁰⁵ Например, упоминание о том, что перед сражением Мусанна приказал прекратить пост, хотя месяц рамадан еще не кончился; далее — сведения о боевых порядках арабов и персов, рассказы о препирательствах при дележе добычи и др.

¹⁰⁶ Рукопись Бал'ами D-182, л. 335б.

¹⁰⁷ Глабб тоже датирует события у Бувайба ноябрем 635 г. (J. V. Glubb. The Great Arab Conquests, с. 165, 169).

¹⁰⁸ Табари I, с. 2199; Ибн ал-Асир 2, с. 342; Балазури, текст, с. 254; англ. перевод, т. 1, с. 407—408; Динавари, с. 121.

¹⁰⁹ Табари I, с. 2202; Ибн ал-Асир 2, с. 342.

¹¹⁰ BGA, р. VI, с. 235 араб. текста. EI. Vol. 3, с. 148.

¹¹¹ Динавари, с. 122.

¹¹² Табари I, с. 2202, стк. 15.

¹¹³ Та'рих-и Табарй. Литогр. изд. Каппур, 1896, с. 473; [H. Zotenberg]. Chronique... Т. 3, с. 384.

¹¹⁴ Табари I, с. 2206; Ибн ал-Асир 2, с. 343.

¹¹⁵ Табари I, с. 2207—2208; Ибн ал-Асир 2, с. 344.

¹¹⁶ Табари I, с. 2206—2207; Ибн ал-Асир 2, с. 343—344.

¹¹⁷ Его полное имя дано у Балазури (текст, с. 341); англ. перевод, т. 2, с. 52.

¹¹⁸ Динавари, с. 123, стк. 1—3. У Балазури (текст, с. 341; англ. перевод, т. 2, с. 52) смысл несколько иной: Утбе дается приказ помешать жителям Ахваза, Фарса и Майсана оказывать из Басры помощь своим собратьям в Саваде.

¹¹⁹ Динавари, с. 123, стк. 6.

¹²⁰ Балазури, текст, с. 341; англ. перевод, т. 2, с. 53.

¹²¹ Динавари, с. 123, стк. 9—10.

¹²² Synodicon orientale ou recueil de synodes nestoriens publié, traduit et annoté par J. B. Chabot. P., 1902, с. 679, 684.

¹²³ Балазури, текст, с. 341—342; Динавари, с. 123—124.

¹²⁴ Балазури, текст, с. 346; англ. перевод, т. 2, с. 60.

¹²⁵ Табари I, с. 2210, стк. 11—12; ср. Ибн ал-Асир (2, с. 345) и Йа'куби (2, с. 162).

¹²⁶ Табари I, с. 2210, стк. 13—14. Тафф — это пустынный район, расположенный к западу от Куфы, вдоль аллювиальной долины Евфрата, представляет собой предгорье Центрального Аравийского плато (EI. Vol. 4, с. 603).

¹²⁷ Табари I, с. 2209—2210; Ибн ал-Асир 2, с. 344—345; Динавари, с. 125.

¹²⁸ Прямое указание на этот факт мы находим у Балазури (текст, с. 253; англ. перевод, т. 1, с. 406), который упоминает вскользь, что вместо Йездигерда правила его тетка Буран.

¹²⁹ Табари I, с. 2210, стк. 14—18; ср. Ибн ал-Асир 2, с. 345; Ан-Нумайн 'Абдал-Мута'ал ал-Қади. Ши'р ал-футуҳ . . . , с. 65. Юсуф фразу у Табари понял как необходимость прибегнуть к принуждению (S. M. Y u s u f. The Battle of al-Qadisiyya, с. 7).

¹³⁰ Ибн ал-Асир 2, с. 345. Вариант Ибн ал-Асира подтверждается данными Ибн Хордадбеха и Кудамы.

¹³¹ Map of Ancient Sites of Iraq. Baghdad, 1954; S. M. Y u s u f. The Battle of al-Qadisiyya, с. 9.

¹³² Ибн ал-Асир 2, с. 345—346; ср. Табари I, с. 2211, стк. 12—15.

¹³³ Табари I, с. 2215, стк. 4—5; с. 2216, стк. 2; Ибн ал-Асир 2, с. 347.

¹³⁴ Табари I, с. 2216, стк. 10; с. 2217—2218, 2219, стк. 7—8.

¹³⁵ Табари I, с. 2218—2219; ср. Ибн ал-Асир 2, с. 347.

¹³⁶ Табари I, с. 2221, стк. 5—7; Ибн ал-Асир 2, с. 348. Балазури (текст, с. 255; англ. перевод, т. 1, с. 409) без указания на источник сообщает об остановке Са'да в Са'лабийи, ближе к Ираку.

¹³⁷ S. M. Y u s u f. The Battle of al-Qadisiyya, с. 8. Глабб (The Great Arab Conquests, с. 190) датирует остановку в Заруде зимой 636/637 г., что вряд ли верно, так как в 15 г. х. (Балазури, текст, с. 255) Са'д был уже в Узайбе, т. е. в самом Ираке.

¹³⁸ Табари I, с. 2221, стк. 9—12.

¹³⁹ Там же, стк. 12—18.

¹⁴⁰ Там же, с. 2223—2225; Ибн ал-Асир 2, с. 348.

¹⁴¹ См., например: Р. А. Гусейнов. Сельджукская военная организация. — «Палестинский сборник». Вып. 17 (80), 1967, с. 142.

¹⁴² Prolégomènes d'Ebn-Khaldoun, deuxième partie du texte arabe, publié par M. Quatremère. — «Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque impériale. . . ». Т. XVII, première partie. P., 1858, с. 67, 68.

¹⁴³ Табари I, с. 2265—2266.

¹⁴⁴ Табари III, с. 1238; R. L e v y. The Social Structure of Islam. Cambridge, 1957, с. 427.

¹⁴⁵ S. M. Y u s u f. The Battle of al-Qadisiyya, с. 12, 28; A. P. Caussin de Perceval. Essai. . . Т. 3, с. 472.

¹⁴⁶ Балазури, текст, с. 255; англ. перевод, т. 1, с. 410; Динавари, с. 125—126.

¹⁴⁷ Рукопись Бал'ами: D-182, л. 3366; [H. Z o t e n b e r g]. Chronique. . . Т. 3, с. 388; Табари I, с. 2226, стк. 9—14; с. 2233, стк. 2.

¹⁴⁸ Табари I, с. 2228, стк. 3—4: «Кадисия — ворота Фарса в джахилию (доисламскую эпоху)»; S. M. Y u s u f. The Battle of al-Qadisiyya, с. 12.

¹⁴⁹ Табари I, с. 2229—2230; S. M. Y u s u f. The Battle of al-Qadisiyya, с. 12 (Юсуф ссылается на Мас'уди и Ибн Русту).

¹⁵⁰ Табари I, с. 2233, стк. 2—9; Ибн ал-Асир 2, с. 350.

- ¹⁵¹ Балазур и, текст, с. 256; англ. перевод, т. 1, с. 410; Табар и I, с. 2234, стк. 4—6; с. 2235, стк. 3—4; [H. Zotenberg]. Chronique... Т. 3, с. 388; Ибн ал-Асир 2, с. 351.
- ¹⁵² Табар и I, с. 2247, стк. 4—9; Ибн ал-Асир 2, с. 351; S. M. Yusuf. The Battle of al-Qadisiyya, с. 16.
- ¹⁵³ Фирдоуси. Шах-наме. Т. 9, с. 315, бб. 48—51.
- ¹⁵⁴ Там же, прим. 4.
- ¹⁵⁵ Куфи 1 (Хайдарабадское изд.), с. 201; Табар и I, с. 2250, стк. 12—16; с. 2251, стк. 1—3; с. 2351, стк. 8—9.
- ¹⁵⁶ Табар и I, с. 2251, стк. 8—9. Тот же призыв к активной борьбе содержится в письме Рустама к брату (Фирдоуси. Шах-наме. Т. 9, с. 315—316, бб. 62—67).
- ¹⁵⁷ Табар и I, с. 2253, стк. 15; с. 2254, стк. 16—17; с. 2255, стк. 7—9.
- ¹⁵⁸ Там же, с. 2256, стк. 17—19; с. 2258, стк. 2—3.
- ¹⁵⁹ Там же, с. 2256—2257.
- ¹⁶⁰ Там же, с. 2264, стк. 11—13; с. 2265—2266.
- ¹⁶¹ О служебных перемещениях нигде не говорится прямо, но ясно следует из сравнения двух рассказов, повествующих о событиях, не совпадающих хронологически; причем оба события принадлежат одной и той же группе передатчиков.
- ¹⁶² Табар и I, с. 2285, стк. 10—15; Ибн ал-Асир 2, с. 362.
- ¹⁶³ Табар и I, с. 2285—2286.
- ¹⁶⁴ Там же, с. 2287, стк. 1—5; ср. с. 2266, стк. 18—19; с. 2267, стк. 2—3. Устная традиция, восходящая к Ша'би, называет тридцать боевых слонов.
- ¹⁶⁵ Табар и I, с. 2258, стк. 6—8; с. 2294, стк. 13.
- ¹⁶⁶ Там же, с. 2287, стк. 6—13; ср. Ибн ал-Асир 2, с. 363.
- ¹⁶⁷ S. M. Yusuf. The Battle of al-Qadisiyya, с. 28.
- ¹⁶⁸ Табар и I, с. 2291—2294; Ибн ал-Асир 2, с. 364. S. M. Yusuf. The Battle of al-Qadisiyya, с. 18.
- ¹⁶⁹ Табар и I, с. 2296, стк. 6—7.
- ¹⁷⁰ Применительно к арабам эти три последовательные фазы боя четко определены, и каждая из них имеет свое название: ал-мутарада (единоборство всадников), ал-такаттуб (бой небольших групп войск), аз-захф (сражение остальных сил).
- ¹⁷¹ Источники сообщают, что на каждом слоне было по двадцати воинов.
- ¹⁷² То, что в такой ситуации упомянуты именно тамимиты, а не какое-либо другое племя, можно расценить как тенденциозность Сайфа ибн Омара, по происхождению тамимита. Но, если следовать логике развития событий, нетрудно заметить, что иноплеменники отличились уже раньше и настала, наконец, очередь тамимитов.
- ¹⁷³ Табар и I, с. 2304, стк. 10—14; Ибн ал-Асир 2, с. 367.
- ¹⁷⁴ Табар и I, с. 2305, стк. 5—6; Иа'куби 2, с. 164; S. M. Yusuf. The Battle of al-Qadisiyya, с. 19—20.
- ¹⁷⁵ Табар и I, с. 2306, 2309, 2311.
- ¹⁷⁶ Табар и I, с. 2316, 2317. Значительные потери иранского войска могли объясняться тем, что персы в целом мало были приспособлены к войне в условиях пустыни. Фирдоуси неоднократно упоминает о невероятной жажде, изнурявшей и воинов и коней

(«Шах-наме». Т. 9, с. 329, 66. 225—227. Еще раз о сильной жажде говорится при описании отступления иранцев).

¹⁷⁷ Табари I, с. 2319, стк. 3: «Они не касались своих мертвых».

¹⁷⁸ Там же, с. 2318—2319.

¹⁷⁹ Табари I, с. 2320, стк. 6—8; Ибн ал-Асир 2, с. 371; S. M. Yusu f. The Battle of al-Qadisiyya, с. 21.

¹⁸⁰ Табари I, с. 2324—2326; ср. Ибн ал-Асир 2, с. 371—372.

¹⁸¹ Табари I, с. 2321, стк. 12—14; с. 2326, стк. 13—15.

¹⁸² Там же, с. 2329, стк. 14—16; с. 2330, стк. 9—12.

¹⁸³ Там же, с. 2332, стк. 2—4.

¹⁸⁴ Там же, с. 2333, стк. 2—5; [H. Z o t e n b e r g]. Chronique. . . Т. 3, с. 394.

¹⁸⁵ [H. Z o t e n b e r g]. Chronique. . . Т. 3, с. 396. В передаче ближайших информаторов Сайфа ибн Омара (Мухаммед, Талха, Зийад) первыми начали отступать отряды Хормузана и Перозана, а потом уже центр (Табари I, с. 2336, стк. 3—5). Их информации, может быть, и стоило отдать предпочтение, если бы они не противоречили самим себе: ранее (там же, с. 2306, стк. 8—11) Мухаммед и Талха сообщили, что Перозан погиб от руки Ка'ка ибн Амра во второй день битвы. Эту же версию независимо от них дает и Касим ибн Сулайм, другой информатор Сайфа (там же, с. 2309, стк. 5—7). Хормузан же был одним из тех военачальников, которые покинули поле битвы последними.

¹⁸⁶ Табари I, с. 2345—2346; [H. Z o t e n b e r g]. Chronique. . . Т. 3, с. 398; ср. Балазури, текст, с. 259; англ. перевод, т. 1, с. 415.

¹⁸⁷ Табари I, с. 2338—2339, 2341, стк. 11—13.

¹⁸⁸ Там же, с. 2337—2338.

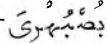
¹⁸⁹ Там же, с. 2349, стк. 15—17; с. 2377, стк. 4—7; Балазури, текст, с. 256.

¹⁹⁰ S. M. Yusu f. The Battle of al-Qadisiyya, с. 25.

¹⁹¹ Th. Nö l d e k e. Zur Geschichte der Araber im 1. Jahrh. d. H. aus syrischen Quellen. I. Die letzten Kämpfe um den Besitz Syriens. — ZDMG. Bd 29, 1876, с. 79.

¹⁹² Табари I, с. 2419, стк. 5—9.

¹⁹³ Там же, с. 2420, стк. 8—10.

¹⁹⁴ Очевидно, Бурс можно отождествить с древней Барсишпой или более поздним Бирс-Нимрудом, показанными на археологической карте Ирака. Чтение имени или титула иранского военачальника восстанавливается из арабизированной формы —

¹⁹⁵ Табари I, с. 2420, стк. 13—16. Здесь вновь нестати упомянут Перозан, которого информаторы Сайфа ибн Омара называют главнокомандующим иранского войска. Возможно, речь идет о лицах с одинаковым именем.

¹⁹⁶ Табари I, с. 2421, стк. 10—17. Перозан, по мнению информаторов Сайфа, ушел в Нехавенд, захватил там казну Хосрова и стал правителем Мидии.

¹⁹⁷ Возможно, полное название населенного пункта Дайр Курра, ибо у Ибн Исхака сообщается о скоплении персов в Дайр Курре, их разгроме и бегстве в Ктесифон (Табари I, с. 2357, стк. 6—9; с. 2358, стк. 6—8). Не исключено также, что это Дайр

Ка'б, упомянутый у Балазури (текст, с. 262). То, что этот монастырь упомянут у Балазури сразу после Кадисия, не является противоречием, так как вся политическая история завоеваний изложена у него очень конспективно.

¹⁹⁸ Табари I, с. 2424, стк. 12; с. 2425, стк. 12; с. 2427, стк. 9—11. Здесь хронология Сайфа в целом не противоречит датировке других авторов.

¹⁹⁹ Там же, с. 2427, стк. 12—13; с. 2428, стк. 3—6.

²⁰⁰ Там же, с. 2429, стк. 8—11.

²⁰¹ Там же, с. 2431, стк. 14—15; Ибн ал-Асир 2, с. 397.

²⁰² Нижний город (Старый город) — другие названия Бех Ардашира.

²⁰³ Балазури, текст, с. 262; англ. перевод, т. 1, с. 417.

²⁰⁴ Табари I, с. 2358—2359 (по источникам Ибн Исхака); с. 2432, стк. 4—5.

²⁰⁵ Там же, с. 2432, стк. 5.

²⁰⁶ Там же, с. 2435, стк. 2—5; Ибн ал-Асир 2, с. 398.

²⁰⁷ Табари I, с. 2434, стк. 9—10; с. 2438, стк. 11—12; с. 2439, стк. 11—12; с. 2442, стк. 1—5.

²⁰⁸ EI. Vol. 1, с. 1006; EI. New Edition. Vol. 2, с. 406.

²⁰⁹ Балазури, текст, с. 264; англ. перевод, т. 1, с. 420; Табари I, с. 2461, стк. 12; с. 2456, стк. 11—12; с. 2457, стк. 3—5; с. 2458, стк. 13; Ибн ал-Асир 2, с. 404—405.

²¹⁰ Табари I, с. 2457, стк. 13—14; с. 2458, стк. 10—11; с. 2459, стк. 6—7; Ибн ал-Асир 2, с. 405; Куфи 1 (Хайдарабадское изд.), с. 272.

²¹¹ Табари I, с. 2461, стк. 6; ср. Балазури, текст, с. 264.

²¹² Табари I, с. 2458, стк. 4—7.

²¹³ Там же, с. 2458, стк. 9; [H. Zotenberg]. Chronique. . . Т. 3, с. 418.

²¹⁴ Балазури, текст, с. 265; Табари I, с. 2470, стк. 8—9; Ибн ал-Асир 2, с. 406; [H. Zotenberg]. Chronique. . . Т. 3, с. 418.

²¹⁵ J. V. Glubb. The Great Arab Conquests, с. 241.

²¹⁶ Табари I, с. 2534, стк. 5—6.

²¹⁷ Балазури, текст, с. 376—382; Сирийский аноним VII в., текст, с. 36; перевод, с. 76.

²¹⁸ Табари I, с. 2529, стк. 8—9 (ср. с. 2534—2545). Такое же несоответствие у Бал'ами и Ибн ал-Асира, использовавших Табари как основной источник. Существующее противоречие устраняется, если мы заменим Утбу Абу Мусой.

²¹⁹ Табари I, с. 2537, стк. 2—4.

²²⁰ Там же, с. 2538, стк. 3—9.

²²¹ Возможно, здесь речь идет о том же конфликте, о котором упоминает Сирийский аноним VII в. (текст, с. 36; перевод с. 76—77).

²²² Табари I, с. 2540, стк. 11; с. 2541, стк. 12.

²²³ Сирийский аноним VII в., текст, с. 36, перевод, с. 77; Балазури, текст, с. 378.

²²⁴ У Куфи (2, с. 6 — Хайдарабадское изд.) оборону Шуша возглавил местный правитель Шагур сын Азермаха.

²²⁵ В договоре-капитуляции речь шла о сохранении жизни десяти (у Куфи) или восьмидесяти (ста) представителям воипского сословия (у Балазури и Динавари), остальное мужское население

подверглось истреблению, семьи и имущество погибших стали добычей мусульман и подлежали разделу. В Анонимной сирийской хронике VII в. речь идет об уничтожении всех знатных города.

²²⁶ Б а л а з у р и, текст, с. 379; ср. Т а б а р и I, с. 2542—2543. В ссылке на Табари заслуживает внимания указание на одно из условий перемирия (или мира) — обещание арабов защищать города Хузистана от курдов Фарса.

²²⁷ К у ф и 2 (Хайдарабадское изд.), с. 11—12.

²²⁸ Там же, т. 1, с. 278—279; т. 2, с. 9—11; Т а б а р и I, с. 2561—2562; Б а л а з у р и, текст, с. 373—374.

²²⁹ Сирийский аноним VII в., текст, с. 35—36.

²³⁰ К у ф и 2 (Хайдарабадское изд.), с. 23, 25; Б а л а з у р и, текст, с. 380—381; Т а б а р и I, с. 2554—2555; Сирийский аноним VII в., текст, с. 37; перевод, с. 77.

²³¹ Б а л а з у р и, текст, с. 301. Случаи размещения союзников-иноверцев между военными лагерями мусульман и их противников для того периода были нередки (ср. с действиями Ахнафа в Хорасане).

²³² EI. Vol. 2. Leyden—Paris, 1927, с. 354.

²³³ Т а б а р и I, с. 2601, стк. 1—2; с. 2608, стк. 5—11; Д и н а в а р и, с. 141; К у ф и 2 (Хайдарабадское изд.), с. 31.

²³⁴ Имя полководца, поставленного во главе армии, в источниках тоже не совпадает: у Табари — Перозап, у Балазури — Марданшах зу-л-Хаджиб, у Динавари — Марданшах сын Хормузда.

²³⁵ Д и н а в а р и, с. 141—142.

²³⁶ Там же, с. 142.

²³⁷ Т а б а р и I, с. 2616, стк. 7—11.

²³⁸ Табари со ссылкой на Сайфа ибн Омара называет три населенных пункта, в которых останавливались мусульмане: Мардж ал-Кал'а, Тазар и Гуда Шаджар. Про второй из них сказано, что он расположен в двадцати с лишним фарсангах от Нехавенда (Т а б а р и I, с. 2617, стк. 15). О первом сообщают Истахри (с. 196) и Ибн Хаукал: Мардж ал-Кал'а расположен между Кармасином и Хулваном, в 10 фарсангах от Хулвана и в 17 — от Кармасина.

²³⁹ Т а б а р и I, с. 2617, стк. 1—3.

²⁴⁰ Там же, с. 2618, стк. 10; с. 2625, ст. 14; Д и н а в а р и, с. 143.

²⁴¹ Т а б а р и I, с. 2597—2598; Д и н а в а р и, с. 144.

²⁴² У Динавари название دژ. Хотя точное название населенного пункта установить трудно, в его первой части отчетливо выделяется компонент دژ — «крепость».

²⁴³ У Табари — 18, 21 гг. х. (I, с. 2596), 19 г. х. (с. 2619); у Балазури — 19, 20, 21 гг. х. (текст, с. 305); у Динавари — 21 г. х. (с. 141); у Хамадани — 19, 20 гг. х. (с. 258—259).

²⁴⁴ Т а б а р и I, с. 2615, стк. 9—11.

²⁴⁵ И с т а х р и, с. 197.

²⁴⁶ Т а б а р и I, с. 2626.

²⁴⁷ Там же, с. 2650; Х а м а д а н и, с. 217—218.

²⁴⁸ EI. New Edition. Vol. 4. Leiden—London, 1973, с. 99.

²⁴⁹ И с т а х р и, с. 196—197.

²⁵⁰ Т а б а р и I, с. 2636, стк. 7—11.

²⁵¹ Б а л а з у р и, текст, с. 312.

²⁵² И с т а х р и, с. 197; И б н Х а у к а л, с. 259.

²⁵³ Тарих-и Кумм (литогр.), с. 102.

²⁵⁴ Табари I, с. 2642, стк. 2—6.

²⁵⁵ Там же, с. 2638.

²⁵⁶ Это более древнее и, по-видимому, местное название Спахапа сохранилось в топонимике современного Исфахана: Джейм называют один из районов города.

²⁵⁷ Балазури (текст, с. 312) со слов передатчиков ошибочно именует марзбана ал-Фадусфаном.

²⁵⁸ Табари I, с. 2639—2640; Балазури, текст, с. 313.

²⁵⁹ Th. Nöldke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden, с. 481, Anm. 2.

²⁶⁰ Истахри, с. 214.

²⁶¹ Табари I, с. 2651; Балазури, текст, с. 318.

²⁶² Табари ссылается на Сайфа ибн Омара, который датирует завоевание Рейя 18 г. х. (с. 2647), и на Вакиди, который называет 23 г. х. (с. 2650); сам он, очевидно, не согласен ни с тем, ни с другим, ибо помещает рассказ о Рейе в раздел событий 22 г. х. Балазури, даже ссылаясь на источники, нигде не упоминает о датировке, но во времени относит покорение Рейя к периоду после Нехавендского сражения.

²⁶³ EI. Vol. 3, с. 1106.

²⁶⁴ Табари I, с. 2653—2654.

²⁶⁵ Там же, с. 2651: «Было великое сражение, равное Нехавендскому и не меньше его; перебили в великой битве несчетное количество народу; их сражение — не меньше [других] больших сражений».

²⁶⁶ Балазури называет его «ал-Фаррухан ибн аз-Зайнабди» и «аз-Зайнаби», Табари в этой связи упоминает об аз-Зайнаби Абу Фаррухане, т. е. все события связывает не с сыном, а с его отцом. О Зинби (или Зайнаби), отце Фаррухана, как главном действующем лице в этих событиях сообщает также Бал'ами [H. Zotenberg]. Chronique... Т. 3, с. 489—490). Хамадани (с. 269) говорит о крепости Зайнабди и крепости Фаррухана как о синонимах.

²⁶⁷ Балазури, текст, с. 318. Куфи (2, с. 66 — Хайдарабадское изд.) исключает версию о «насильственном» завоевании Рейя. Он, не указывая на источник информации, говорит о подчинении Рейя на основании договора, предложенного будто бы самим его правителем.

²⁶⁸ Табари I, с. 2656. У Балазури факт подчинения Демавенда не детализируется.

²⁶⁹ Хамадани, с. 318.

²⁷⁰ Табари I, с. 2657; Балазури, текст, с. 318.

²⁷¹ Истахри, с. 214.

²⁷² Датировку Сайфа можно принять при условии, если для данной ситуации он воспользовался эрой Йездигерда.

²⁷³ Табари I, с. 2659.

²⁷⁴ Хамадани, с. 307, стк. 9—11; см. также: [H. Zotenberg]. Chronique... Т. 3, с. 493.

²⁷⁵ Балазури (с. 334) и Хамадани (с. 307) сообщают о том, что поход был предпринят после того, как марзбан Туза пригласил обоих паместников прибыть в Хорасан, «чтобы сделать его там царем». Двусмысленность арабской фразы с местоименным суффиксом третьего лица (علي ان يملكه عليها) привела к ошибке

в английском переводе труда Балазури (*The Origins of the Islamic State . . .*, р. 2, с. 39), будто марзбан сулил сделать правителем области одного из арабских наместников. Между тем и контекст, и практика отношений между завоевателями и частью иранской феодальной верхушки, сложившаяся в годы военной экспансии ислама на восток, дают возможность понять фразу в том смысле, что марзбан приглашал арабов на условиях сохранения за собой права на управление подвластной территорией. Добровольные приглашения и прочие услуги завоевателям, как правило, оговаривались определенными условиями. У Йа'куби (2, с. 192) вместо марзбана, но в такой же ситуации, оказывается один из дехканов Хорасана, и цена вознаграждения ему за услуги определена довольно конкретно.

²⁷⁶ Табари I, с. 2836, стк. 17—18; Ибн ал-Асир 3, с. 84.

²⁷⁷ Михаил Сирнец 2, fasc. 3; текст, с. 422 (средняя колонка); перевод, с. 430; «*Patrologia Orientalis*». T. VIII, с. 453.

²⁷⁸ J. Walker. A Catalogue of the Arab-Sassanian Coins, с. 47—49.

²⁷⁹ Табари I, с. 2546; Ибн ал-Асир 2, с. 419; Бал'ами, рукописи: D-182, л. 3476; B-4485, л. 5026.

²⁸⁰ Этот любопытный факт отказа наместника Бахрейна участвовать в походе под командованием Са'да приводится только в рукописях сочинения Бал'ами.

²⁸¹ Фарс-наме, с. 113. Это название встречается только у Ибн ал-Балхи; Балазури сообщает о захвате «острова в море у берегов Фарса», версия Сайфа ибн Омара приводит завоевателей непосредственно на побережье Парса. Пар Ибн ал-Балхи можно отождествить с современным островом Ларек в Ормузском проливе рядом с о-вом Кешм у берегов Луристана.

²⁸² В списках сочинения Бал'ами имя полководца — مزید, что можно считать искажением слова خريد, происшедшим в результате многократной переписки. Зотенберг предлагает читать «Мобед».

²⁸³ Первый вариант имени дают Табары, Бал'ами, Динавари, Ибн ал-Асир, Ибн ал-Факих Хамадани, второй — Балазури и автор Фарс-наме.

²⁸⁴ Балазури и Куфи факт неудачного похода войска Ала полностью игнорируют. Первый и удачный поход возглавляет новый наместник, как сказано у Балазури и следовавшего за ним Ибн ал-Балхи; эти же два автора сообщают о смещении Ала, не говоря, однако, о причинах его отъезда.

²⁸⁵ В словаре Йакута **تَوْج** значит как искажение персидского **تَوَز** (1, с. 890). Бал'ами (рукописи D-82, л. 338a и D-182, л. 359b) тоже отождествляет эти два названия. Табары и Ибн ал-Асир в повествовании о походе Ала говорят о крепости Таус, а в рассказе о походе Муджани вспоминают о Таввадже как одном из объектов военной политики Ала, таким образом сохраняя за одним населенным пунктом два названия. При том, что названия Тавваз и Таввадж были равноправны в применении их к одному и тому же рустику в округе Ардашир-хурра (Хамадани, с. 201), форма Таус в какой-то мере могла отражать вариант местного произношения.

²⁸⁶ По Истахри (с. 112), Шиниз причислен к Арраджану, но мы обязаны верить более раннему источнику.

²⁸⁷ Фарс-наме, с. 115. Шираз, по сообщению автора Фарс-наме, при последних Сасанидах представлял собой небольшой округ с несколькими крепостями; города с таким именем еще не существовало.

²⁸⁸ Факт покорения Рев-Ардашира засвидетельствован только у Балазури и Ибн ал-Балхи. Истахри (с. 112) и Якут (2, с. 887) включают Ришахр в состав Арраджана и тем самым сообщают об изменении в административном делении Парса, сложившихся к тому времени. На современных картах Ирана исторический Ришахр показан на берегу Персидского залива, южнее Бушира.

²⁸⁹ Балазури, с. 387—388; Фарс-наме, с. 114—115; Ибн ал-Асир 3, с. 31.

²⁹⁰ Здесь Бал'ами и Ибн ал-Асир следуют за Табари, а автор Фарс-наме — за Балазури.

²⁹¹ Транслитерация названий арабским шрифтом при неоднократно переписывании текстов неизбежно приводит к искажениям, непосредственной причиной которых часто является перестановка диакритических точек и согласных: если у Табари

اَرْدَبِيان; то у Бал'ами اَرْدَبِيان, а у Ибн ал-Асира — اَرزَنِيان

²⁹² Куфи, перс. перевод, рукописи: № 279, л. 1966—1986; № 581, л. 2376—240а.

²⁹³ Фарс-наме, с. 116.

²⁹⁴ О восстаниях в округе Шапур-хурра сообщают только Балазури и автор Фарс-наме.

²⁹⁵ Табари I, с. 2830—2831, 2833; Ибн ал-Асир 3, с. 77.

²⁹⁶ Ибн ал-Асир 3, с. 78.

²⁹⁷ В разделе 30 г. х., где помещен рассказ о бегстве шаханшаха Йездигерда III в Хорасан, Табари сообщает о Гуре как о последней резиденции шаханшаха в Парсе. Это указание можно считать косвенной датировкой завоевания Гура, приведенной, правда, в ином контексте.

²⁹⁸ Балазури, текст, с. 389—391; Фарс-наме, с. 116—117.

²⁹⁹ Табари I, с. 2703—2704; Ибн ал-Асир 3, с. 33—34; [H. Zotenberg]. Chronique. . . Т. 3, с. 516—517.

³⁰⁰ Куфи 2 (Хайдарабадское изд.), с. 77: «Что нам до Хорасана, и что Хорасану до нас?».

³⁰¹ Балазури, текст, с. 391—392; англ. перевод, т. 2, с. 136—137.

³⁰² Об окончательном завоевании Кермана в 30 г. х., по данным Балазури, но без ссылок на него, сообщает также Ибн ал-Асир (3, с. 100). Указания Табари (I, с. 2863) на этот счет очень кратки и сбивчивы.

³⁰³ Табари I, с. 2705—2706; Ибн ал-Асир 3, с. 34; [H. Zotenberg]. Chronique. . . Т. 3, с. 517—518.

³⁰⁴ Табари и Ибн ал-Асир сообщают интересные подробности о взаимоотношениях между местным шахом и его братом Ратбишем, между шахом и наместником Сакастана Салмом ибн Зийадом при халифе Му'авин. Бал'ами эти подробности опускает.

³⁰⁵ Ибн ал-Асир 3, с. 100.

³⁰⁶ Балазури, текст, с. 392—398.

³⁰⁷ В «Истории Систана» название рустака — Джалк, у Йакута (2, с. 909) — Джалик.

³⁰⁸ Одни из пяти ворот средневекового Заранджа, обращенные в сторону Хорасана, назывались воротами Каркуйе (El. Bd 4. Leiden—Leipzig, 1934, с. 1318).

³⁰⁹ В «Истории Систана», которая допускает отступления от версии Балазури, подчинение Заранга следует непосредственно после Залика. Вообще предыстория завоевания Заранга в этом сочинении очень сокращена.

³¹⁰ В «Истории Систана» вместо марзбана Парвиза фигурирует пах Систана Иран сын Рустама сына Азадху сына Бахтийара.

³¹¹ Табари I, с. 2680—2692; Ибн ал-Асир 3, с. 25—29; [H. Zotenberg]. Chronique. . . T. 3, с. 502—503, 506—511.

³¹² Табари I, с. 2872—2884.

³¹³ Та'рих-и Табари. Литограф. изд. Канпур, 1896, с. 505; [H. Zotenberg]. Chronique. . . T. 3, с. 504—506; в перс. тексте *کنند اخبار عجم*, во французском переводе Зотенберга — *les livres des traditions perses*.

³¹⁴ Динавари, с. 148—149; Михаил Сириец 2, текст, с. 418 (лев. кол.), 422 (сред. кол.), перевод, с. 424, 430; Histoire des rois des perses par. . . al-Tha'libi, publié et traduite par H. Zotenberg. P., 1900, с. 742—748.

³¹⁵ Шах-наме. Т. 9, с. 332—380.

³¹⁶ Там же, с. 334, бб. 276—286.

³¹⁷ Табари I, с. 2875.

³¹⁸ Там же.

³¹⁹ Там же, с. 2876.

³²⁰ Шах-наме. Т. 9, с. 343—344.

³²¹ «И вместе с ним заложники из детей дехканов».

³²² Табари I, с. 2881—2882.

³²³ От имени Фаррухзада Йездигерд собственноручно составляет расписку в том, что Фаррухзад передал шаханшаха вместе с семьей и свитой дехкану Мерва Махуйе.

³²⁴ Табари I, с. 2874, 2880; Шах-наме. Т. 9, с. 353.

³²⁵ Балазури, текст, с. 315—316, 403—408; Табари I, с. 2884—2888, 2897—2906.

³²⁶ Средневековые географы выделяли два Табаса: «Табас фикиковых пальм» и «Табас ююбы». Первый отождествляется с современным Табасом, второй, вероятно, находился где-то поблизости, хотя на географической карте селение Табасе Масинан обозначено примерно в 300 км восточнее г. Табаса, у границы с Афганистаном (Иран. Справочная карта ГУГК при СМ СССР. М., 1976). Название пустыни Равар сохранилось в названии селения, расположенного на границе пустыни Даште Лут, в 143 км севернее современного Кермана (Physical, Political and Economical Map of Iran Prepared and Printed by Iran Geographic and Cartographic Co. [Б. м., б. г.]).

Очень соблазнительно локализовать Табасайн с селением Табасин примерно в 130 км восточнее Равара, но в таком случае его местоположение не совпадает с тем, которое дают арабские географы. Подробная сводка о Табасе и Табасах со ссылками на Хамдаллаха ал-Казвини, Йакута, иранского исследователя Дехходу помещена в путевых очерках А. А. Мохаджера «Под небом Кевира» в книге

«По Ирану» (М., 1973, с. 158—164). См. также: EI. Vol. 4, с. 582—583.

³²⁷ Та'рих-и Табари, с. 523.

³²⁸ Gikyo Ito. Zoroastrians' Arrival in Japan (Pahlavica I). «Orient». Vol. XV. Tokyo, 1979, с. 55—63.

Раздел III

¹ Балазурп, текст, с. 246—247; Табари I, с. 2064; Ибн ал-Асир 2, с. 302—303; [H. Zotenberg]. Chronique... Т. 3, с. 338—339.

² Балазурп, текст, с. 85.

³ Табари I, с. 2031, 2032, 2074; Ибн ал-Асир 2, с. 296, 306; [H. Zotenberg]. Chronique... Т. 3, с. 328.

⁴ Табари I, с. 2207—2208; Ибн ал-Асир 2, с. 343—344; Балазури, текст, с. 248.

⁵ Табари I, с. 2062; Ибн ал-Асир 2, с. 302; Балазури, текст, с. 248; [H. Zotenberg]. Chronique... Т. 3, с. 338; EI. New Edition. Vol. 1, с. 788.

⁶ Подробнее об этом см. ниже.

⁷ Балазурп, текст, с. 342; перс. перевод, с. 195.

⁸ Балазури, текст, с. 175; Л. И. Надирадзе. Хрестоматия по истории халифата, с. 175. Хамадани аналогичные сведения приводит для Исфахана и его округов (с. 261).

⁹ Балазури, текст, с. 389; перс. перевод, с. 261.

¹⁰ Подробнее о договорах см. ниже.

¹¹ Табари I, с. 2565, стк. 16: «И поделили то, что захватили до [заклучения] мира».

¹² Там же, с. 2054, 2062, 2472.

¹³ О последней возможности см.: Балазури, текст, с. 391, 392; Табари I, с. 2478.

¹⁴ Балазури, текст, с. 392.

¹⁵ Табари I, с. 2371.

¹⁶ Балазури, текст, с. 389—390; перс. перевод, с. 262.

¹⁷ Балазури, текст, с. 394, 432; перс. перевод, с. 271, 326.

¹⁸ Попытка суммировать наши знания о договорах сделана в работе: А. И. Колесников. Договоры между мусульманами и покоренным населением в годы завоевания Ирана арабами (к постановке проблемы). — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII научная сессия ЛО ИВАН СССР. М., 1977, с. 23—30. Здесь эта тема рассматривается шире, с привлечением большего числа источников и литературы.

¹⁹ Чаще в трудах Г. Вейля, Н. А. Медникова, А. Батлера, Л. Каэтани, И. Шпербера, М. Хамидуллы, Л. И. Надирадзе (Н. А. Медников. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. 1—4. СПб., 1897—1902; Л. И. Надирадзе. Хрестоматия по истории халифата; он же. К вопросу о феодализме в завоеванных арабами странах. — «Современная историография стран зарубежного Востока». М., 1975; G. Weil. Geschichte der Chalifen. Bd. 1—3; A. Butler. The Arab Conquest of Egypt and the Last Thirty Years of the Roman Dominion; L. Caetani. Annali dell'Islam. Vol. 1—4. Milano, 1905—1914; J. Sperber. Die Schreiben Muhammads an die

Stämme Arabiens. B., 1916; M. H a m i d u l l a h. The Muslim Conduct of State. Lahore, 1945).

²⁰ Исключение в этом ряду составляет работа И. Шпербера, специально посвященная посланиям пророка Мухаммеда к вождям арабских племен (см. прим. 19).

²¹ Е. К. Â n t i â. Kârnamak-i Artakhshîr-i Pâpakân. Bombay, 1900, с. 26.

²² Там же, с. 30.

²³ Там же, с. 42; H. S. N y b e r g. A Manual of Pahlavi, p. 1. Wiesbaden, 1964, с. 9 (текст).

²⁴ А. Г. П е р и х а н я н. Сасанидский судебник. Ер., 1973, с. 410, 498.

²⁵ M. H a m i d u l l a h. The Muslim Conduct of State, с. 52, 54.

²⁶ Коран IX, 1, 4, 7.

²⁷ Коран II, 27, 40, 80, 124, 125; VI, 153; VII, 102; XIII, 20, 25; XVII, 34; XXIII, 8; XXXIII, 15, 23; XLVIII, 10.

²⁸ Коран IX, 4: «Они не ущемили вас в чем-либо и не поддерживали никого против вас, поэтому соблюдайте договор с ними в течение их срока»; IX, 7: «И пока они прямы по отношению к вам, будьте и вы прямы к ним». Перевод четвертого стиха здесь несколько отличается от перевода И. Ю. Крачковского (Коран, с. 149); во втором примере мы целиком приняли интерпретацию И. Ю. Крачковского.

²⁹ Л. И. Н а д и р а д з е. Хрестоматия по истории халифата, с. 22—23 (перевод из Абу Йусуфа). Указания на это имеются и в договорах-посланиях Мухаммеда к вождям арабских племен и правителям Аравии.

³⁰ A. G r o h m a n. Arabic Papyri in the Egyptian Library. Vol. 1—4. Cairo, 1934—1962.

³¹ «Басмалла», славословие Аллаху, присутствует практически во всех полных текстах деловых документов из Египта (если только они не простые счета) и еще раньше в арабо-сасанидской нумизматике на монетах Восточного халифата. В текстах книжного пехлеви этой мусульманской формуле соответствует собственная зороастрийская, которая встречается как в сокращенной редакции (pad nām i yazdān — «во имя богов!»), так и в более пространных, где упоминается имя бога и несколько его эпитетов (например: pad nām i dādār ohrmazd i gāuomand i xʷarrōmand — «во имя справедливого Хормузда, сияющего, славного!»).

³² Примером такого ультиматума можно считать и послание Халида ибн ал-Валида иранским марзбапам, направленное им после взятия Хиры: «От Халида ибн ал-Валида марзбапам персов. Мир тому, кто следует правильному пути. Но далее: Хвала Аллаху, который развеял вашу свиту, отобрал вашу власть, ослабил ваши козни. Истинно тот, кто молится нашей молитвой, принимает нашу сторону и ест нашу убоину, — он мусульманин, для которого то же, что и для нас, и на котором то же, что и на нас. Но далее: Когда придет к вам мое письмо, направьте ко мне заложников и получите от меня договор (покровительство). В противном случае Тот, кроме Которого нет другого божества, пошлет на вас людей, которым так же нравится умереть, как вам жить» (Т а б а р и I, с. 2020).

³³ Как сообщает Руфи (2, с. 6—7 — Хайдарабадское изд.), при сдаче крепости Шуш гарантия безопасности была предоставлена

только местному правителю и десяти членам его рода. Балазури (текст, с. 378—379) называет в этой связи 80 и 100 человек, причем у него речь идет о предоставлении личной свободы 100 защитникам Шуша.

³⁴ Табари I, с. 2435, 2440.

³⁵ Там же, с. 2167.

³⁶ Там же, с. 2054: «Нет ни у кого из них договора, кроме тех, кто писал и переписывал его».

³⁷ Табари I, с. 2632—2633. Почти дословно совпадает с этим договор между арабским полководцем Хузайфой ибн ал-Йамани и населением Мах Динара, другого округа в Мидии (см.: Табари I, с. 2633).

³⁸ Табари I, с. 2641.

³⁹ Балазури, текст, с. 242; англ. перевод, т. 1, с. 390. Балазури, перс. перевод, с. 37.

⁴⁰ Балазури, текст, с. 382: «Заключил с ними мир о том, что не убьет из них ни одного [человека], не возьмет его в плен и не посягнет на их имущество, кроме оружия».

⁴¹ Там же, с. 312.

⁴² Балазури, текст, с. 333—334; перс. перевод, с. 179, 259.

⁴³ Балазури, текст, с. 334; 197—198; перс. перевод, с. 173; Л. И. Надирадзе. Хрестоматия по истории халифата, с. 104.

⁴⁴ Куфи 2 (Хайдарабдское изд.), с. 11—12, 30.

⁴⁵ Балазури, текст, с. 379.

⁴⁶ Например, договор, составленный рабом из мусульманского войска защитникам небольшой крепости в Парсе (Балазури, текст, с. 390; перс. перевод, с. 263). Халид ибн ал-Валид, завоевав Хиру и Айн ат-Тамр, направил заключенные с населением договоры на утверждение халифу Абу Бакру (Y a h y a b. A d a m. Kitāb al-Kharāj. . . , с. 46; Балазури, текст, с. 248; перс. перевод, с. 45).

⁴⁷ Например, договор халифа Омара ибн ал-Хаттаба с послами от Табасайна в Хорасане (Балазури, текст, с. 403; перс. перевод, с. 285).

⁴⁸ Все это очень характерно для деятельности халифа Омара (см. его письма к мусульманской администрации в Саваде по поводу обращения с покоренным населением: Табари I, с. 2368—2371, 2427), с именем которого связывают проведение ряда реформ.

⁴⁹ Из этого правила тоже были свои исключения, но они касались определенных территорий и были продиктованы сложившимися обстоятельствами (о них будет сказано отдельно).

⁵⁰ У Табари — 190 тыс. (I, с. 2019, 2041, 2044) и 90 тыс. драхм (с. 2018); у Ибн ал-Асира — 90 тыс. (2, с. 294); у Балазури — 80 тыс. и 100 тыс. драхм (текст, с. 243; перс. перевод, с. 38).

⁵¹ Табари I, с. 2045; Ибн ал-Асир 2, с. 300.

⁵² Табари I, с. 2045; Ибн ал-Асир 2, с. 300. Дж. Глабб, не указывая на источник информации, пишет, что Са'д удвоил налог с Хиры (J. B. G l u b b. The Great Arab Conquests, с. 201).

⁵³ Балазури, текст, с. 393—394; перс. перевод, с. 270—

⁵⁴ Подробнее о нем см. ниже.

⁵⁵ Л. И. Надирадзе. Хрестоматия по истории халифата, с. 84—88 (перевод из Абу Йусуфа).

⁵⁶ Балазури, текст, с. 403; перс. перевод, с. 285.

⁵⁷ Балазури, текст, с. 335—336; перс. перевод, с. 183, 185. Вскоре, очевидно, после ухода Йазиды, иранцы нарушили договор и были завоеваны войском Джахма ибн Зухра ал-Джу'фи.

⁵⁸ Балазури, текст, с. 326; перс. перевод, с. 164.

⁵⁹ Табар и I, с. 962—963; А. Э. Шмидт. Материалы по истории Средней Азии и Ирана. — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР». Т. 16. М.—Л., 1958, с. 459—460; Табар и I, с. 2371, стк. 11—13: «Взимали с них харадж Хосрова. Харадж Хосрова распространялся на мужчин (досл. «на головы мужчин») в зависимости от того, сколько у них было дохода и имущества».

⁶⁰ Йа'куби 2, с. 173—174. В данном случае источник только фиксирует факт, не объясняя причин снижения общей суммы налога, которых могло быть несколько: либо неосведомленность завоевателей в налоговых делах сасанидской администрации, либо желание склонить местное население на свою сторону, либо, наконец, уменьшение численности податного сословия в результате военных действий и уменьшение площади обрабатываемых земель, вызванное стихийными бедствиями (прорыв плотин на р. Тигр и заболачивание земельных участков).

⁶¹ Балазури, текст, с. 270; перс. перевод, с. 73; англ. перевод, т. 1, с. 428.

⁶² Фискальная политика завоевателей более подробно будет рассмотрена ниже.

⁶³ Табар и I, с. 2225—2226, 2344, 2441.

⁶⁴ Михаил Сириец 2, текст, с. 415—416 (левая колонка); франц. перевод, с. 420—421; Анонимная хроника 1234 г., текст, с. 244—246; лат. перевод, с. 191—192; Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI—VII вв., с. 278—279; Бар Эбра'й, текст, с. 100—101.

⁶⁵ Табар и I, с. 2202—2203, 2206; Ибн ал-Асир 2, с. 342.

⁶⁶ Динавари, с. 122.

⁶⁷ Табар и I, с. 2222.

⁶⁸ Там же, с. 2340—2341.

⁶⁹ Там же, с. 2324; Ибн ал-Асир 2, с. 356; [H. Zotenberg]. Chronique... Т. 3, с. 377.

⁷⁰ Балазури, текст, с. 265; англ. перевод, т. 1, с. 421—422; перс. перевод, с. 66; Йа'куби 2, с. 176.

⁷¹ Табар и I, с. 2257, стк. 7—8; с. 2269, стк. 10—12.

⁷² Табар и I, с. 2268, стк. 1 — с. 2269, стк. 10; Ибн ал-Асир 2, с. 357.

⁷³ Йа'куби 2, с. 176.

⁷⁴ Динавари, с. 134, стк. 12—14; Табар и I, с. 2358—2359; с. 2421, стк. 1—3; с. 2432, стк. 4—5.

⁷⁵ Табар и I, с. 2424, стк. 16.

⁷⁶ Там же, с. 2427, стк. 14—15.

⁷⁷ Там же, с. 2562, стк. 15 — с. 2563, стк. 7. Текст, который

дает Балазури (с. 373), почти дословно совпадает с текстом Табари.

⁷⁸ Табари I, с. 2563, стк. 12—15.

⁷⁹ Балазури, текст, с. 373—374.

⁸⁰ Yaḥyā ben Ādam. Kitāb al-Kharāj. . . , с. 51; Куфи 2 (Хайдарабадское изд.), с. 25; Табари I, с. 2559—2560, 2600—2601, 2605.

⁸¹ Балазури, текст, с. 265.

⁸² Балазури, текст, с. 313—314, 321—322.

⁸³ Ибн ал-Асир 3, с. 32; Куфи 2 (Хайдарабадское изд.), с. 103. В арабском тексте хайдарабадского издания труда Куфи в этом месте лакуна. Содержание отсутствующего пассажа восстанавливается издателем по персидскому переводу.

⁸⁴ Л. В. Негря. К вопросу о значениях понятия мавла в Аравии V—VII веков. — «Вестник МГУ». I (1977), с. 25—33.

⁸⁵ И. П. Петрушевский. Ислам в Иране в VII—XV веках. Л., 1966, с. 36.

⁸⁶ Cl. Cahen. Les peuples musulmans dans l'histoire médiévale. Damas, 1977, с. 176.

⁸⁷ Балазури, текст, с. 407. В эту тысячу, очевидно, входили и новообращенные всадники из Хузистана (см.: Балазури, текст, с. 374), о которых источник сообщает: «Они выступили с Ибн Амром в Хорасан».

⁸⁸ M. Hamidullah. The Muslim Conduct of State, с. 161—162.

⁸⁹ Балазури, текст, с. 343.

⁹⁰ Там же, с. 329; перс. перевод, с. 167; Л. И. Надирадзе. Хрестоматия по истории халифата, с. 103.

⁹¹ Балазури, текст, с. 447: «Если неверный, земля которого была завоевана силой оружия, принимал ислам, ему давали землю, чтобы он ее обрабатывал и вносил с нее харадж».

⁹² Балазури, текст, с. 374.

⁹³ Табари I, с. 2170; ср.: Ибн ал-Асир 2, с. 335.

⁹⁴ Табари I, с. 2628, 2631: «Заключил с ним мир на условиях уплаты хараджа, и Мидия была причислена к нему».

⁹⁵ Балазури, текст, с. 326; перс. перевод, с. 163.

⁹⁶ Куфи 2 (Хайдарабадское изд.), с. 102, 104, 107. Некоторые имена в этом списке безусловно искажены.

⁹⁷ Табари I, с. 2656: «Не нападать на тебя и не входить к тебе, кроме как с [твоего] разрешения».

⁹⁸ Табари I, с. 2659: «Никому из нас не будет позволено нападать на тебя, вторгаться в твою землю и приходить к тебе, кроме как по твоему разрешению».

⁹⁹ Табари I, с. 2897—2900; Л. И. Надирадзе. Хрестоматия по истории халифата, с. 108.

¹⁰⁰ Табари I, с. 2902, стк. 2—5. Ахнаф направил своих людей после того, как военная экспедиция закончилась для мусульман успешно.

¹⁰¹ Балазури, текст, с. 383; Jacut's Geographisches Wörterbuch. . . herausgegeben von F. Wüstenfeld. Bd 3. Lpz., 1868, с. 676.

¹⁰² Иранской администрации при Омейядах посвящена наша

статья «Арабские наместники и иранские правители в Омейядском халифате», которая сейчас находится в печати. Здесь она дается в кратком изложении.

¹⁰³ В одной и той же легенде А. Мордтман видел сокращение фразы «Спахбед во Фруше», Б. Дори — разрешение на эмиссию, эквивалент терминам *جایز* или *رایج*, а В. Тизентаузен дал варианты чтения своих предшественников без каких-либо комментариев: J. Walker. A Catalogue of the Arab-Sassanian Coins. L., 1941, с. 31, № 39, табл. V, 7; A. Mordtmann. Erklärung der Münzen mit Pehlevi-legenden. — ZDMG. Bd 8, с. 160, № 805; B. Dorn. Die Pehlevi-Münzen des Asiatischen Museums der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, III. — «Mélanges asiatique». SPb., 1856, II, с. 258; В. Тизентаузен. Монеты Восточного халифата. СПб., 1873, с. 19, № 151.

¹⁰⁴ J. Walker. A Catalogue of the Arab-Sassanian Coins; G. Miles. Excavation Coins from the Persepolis Region. N. Y., 1959; G. Miles. Some New Light on the History of Kirman in the First Century of the Hijrah. — The World of Islam, Studies in Honour of Philipp K. Hitti. L.—N. Y., 1959, с. 85—98, pl. 1; I. Tösen. Arab-sasani paraları. — «Nüsmatic Yamları». № 7, İstanbul, 1975, с. 1—25; H. G a u b e. Arabosasanidische Numismatik. Braunschweig, [1973].

¹⁰⁵ В качестве неизданного материала была привлечена лекция арабо-сасанидских монет Государственного Эрмитажа.

¹⁰⁶ Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr... Ed. by R. N. Frye. Cambridge (Mass.), 1973: D. 32; I. 54, D. 54; D. 63; I. 136; D. 136; D. 205; I. 286, D. 286. Иранское имя *baffarnag* было широко распространено уже в ахеменидское время. В форме *bagarana* оно встречается на эламских табличках из Персеполя и в арамейских документах (см.: E. Benveniste. Titres et nomes propres en Iranien Ancien. P., 1966, с. 79; P. Grelot. Documents araméens d'Egypte. P., 1972, с. 133—134, 309, 311, 364, 467).

¹⁰⁷ Sasanian Seals in the Collection of Mohsen Foroughi. Ed. by R. N. Frye. — CII, p. III. Pahlavi Inscriptions. Vol. VI. Seals and Coins, Plates. Portfolio II. L., 1971, Plates XLVIII (№ 154), LI (№ 177).

¹⁰⁸ Балазури, текст, с. 334.

¹⁰⁹ Частично эта тема затронута в работе А. И. Колесникова. (Первые поселения мусульман на территории Сасанидского государства. — III и ПИКНВ. XV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. II. М., 1981, с. 20—25).

¹¹⁰ [H. Zotenberg]. Chronique... Т. 3, с. 378—379; Рукопись Бал'ами в ЛО ИВ АН СССР D-182, л. 334б; Ибн ал-Асир 2, с. 337; J. B. Glubb. The Great Arab Conquests, с. 161.

¹¹¹ Табарни I, с. 2363.

¹¹² Многочисленные примеры подобного рода деятельности приведены в работе М. Hamidullah. The Muslim Conduct of State, с. 244—245.

¹¹³ Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М.—Л., 1964, с. 251—254; Е. А. Беляев.

Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье, с. 150—151.

¹¹⁴ EI. New Edition. Vol. 1, с. 1085.

¹¹⁵ [H. Zotenberg]. Chronique... Т. 3, с. 402—403.

¹¹⁶ Балазури, текст, с. 346; англ. перевод, т. 2, с. 60; Табарри I, с. 2487.

¹¹⁷ Балазури, текст, 256; англ. перевод, т. 1, с. 410; перс. перевод, с. 55; The Kitāb al-ansāb of . . . al-Samʿānī, reproduced in Facsimile. . . By D. S. Margoliouth. Leiden—London, 1912, sheet 84a.

¹¹⁸ Балазури, текст, с. 346—347; англ. перевод, т. 2, с. 61; Рад̄а ал-Хашими. Сабт би исмаʿ ал-мавакиʿ ал-асарийа ва-таʿрихийа фи ливаʿ ал-Басра. — «Ал-Мирбад». 1388 г. х./1968, № 1, с. 113.

¹¹⁹ Йаʿкуби 2, с. 167.

¹²⁰ Табарри I, с. 2483, стк. 14—15.

¹²¹ Chronicon anonymum de ultimis regibus Persarum. — CSCO, Scriptores syri, textus, series tertia — tomus IV, Chronica minora, pars prior ed. I. Guidi. Parisiis, 1903, с. 36, стк. 10—13; Н. В. Пигулевская. Анонимная сирийская хроника о времени Сасанидов. — «Записки Института востоковедения АН СССР», Т. 7. М.—Л., 1939, с. 76.

¹²² Табарри I, с. 2504: «. . . рядом с которой ал-Акул; иранцы называли ее „Ахур аш-шахиджан“, что значит „Княжеские конюшни“ (или „Конюшни принцев“).»

¹²³ EI. Vol. 2, с. 1105.

¹²⁴ Табарри I, с. 2360 (ср. Балазури, текст, с. 275).

¹²⁵ Табарри I, с. 2484.

¹²⁶ Там же, с. 2451; Ибн ал-Асир 2, с. 403.

¹²⁷ Балазури, текст, с. 275; англ. перевод, т. 1, с. 434.

¹²⁸ Табарри I, с. 2488—2490.

¹²⁹ Там же, с. 2495.

¹³⁰ Там же, с. 2482; W. Muir. The Caliphate, its Rise, Decline and Fall. Ox., 1891, с. 155—156.

¹³¹ Табарри I, с. 2497. О том же сообщает и автор Анонимной сирийской хроники VII в. (текст, с. 31, стк. 7—10); Н. В. Пигулевская. Анонимная сирийская хроника. . . , с. 73.

¹³² Табарри I, с. 2492.

¹³³ [H. Zotenberg]. Chronique... Т. 3, с. 423; Табарри I, с. 2489.

¹³⁴ Йаʿкуби 2, с. 171.

¹³⁵ Табарри I, с. 2471, 2487.

¹³⁶ Там же, с. 2616.

¹³⁷ Балазури, текст, с. 392.

¹³⁸ Хамадани, текст, с. 284; Балазури, текст, с. 329; Л. И. Надирадзе. Хрестоматия по истории халифата, с. 104.

¹³⁹ Балазури, текст, с. 332; перс. перевод, с. 174.

¹⁴⁰ D. Whitehouse. Excavations at Sirāf: Sixth interim Report. — «Iran». Vol. XII, L., 1974, с. 1—30.

¹⁴¹ Ибн Хаукал, с. 314, 316.

¹⁴² Хамадани, с. 165; Табарри I, с. 2498.

- ¹⁴³ Табар и I, с. 2805.
- ¹⁴⁴ Там же, с. 2498, 2529; Балазури, текст, с. 256; англ. перевод, т. 1, с. 410; перс. перевод, с. 55—56.
- ¹⁴⁵ Йа'куби 2, с. 166; Куфи 2 (Хайдарабадское изд.), с. 29—30.
- ¹⁴⁶ Балазури, текст, с. 343; англ. перевод, т. 2, с. 56.
- ¹⁴⁷ Динавар и, с. 147—148.
- ¹⁴⁸ Табар и I, с. 2051—2052, 2062, 2065, 2202, 2206; Ибн ал-Аспир 2, с. 302, 342; [H. Zotenberg]. *Chronique*. . . Т. 3, с. 335.
- ¹⁴⁹ Например, Ну'ман ибн Мукаррин, который собирал налоги с Кашкара и тяготился этой должностью (Табар и I, с. 2596, стк. 10—15).
- ¹⁵⁰ Табар и I, с. 2212, 2647; Ибн ал-Аспир 2, с. 346.
- ¹⁵¹ Табар и I, с. 2029, стк. 3—5 (ср.: Ибн ал-Аспир 2, с. 296).
- ¹⁵² Табар и I, с. 2455—2456.
- ¹⁵³ Там же, с. 2057—2058.
- ¹⁵⁴ Там же, с. 2649—2650.
- ¹⁵⁵ Балазури, текст, с. 346; англ. перевод, т. 2, с. 61.
- ¹⁵⁶ Табар и I, с. 2645, стк. 13—15; Балазури, текст, с. 269; «Омар ибн ал-Хаттаб послал Аммара ибн Йасира для руководства молитвой населения Куфы и его войском, Абдалиха ибн Мас'уда — для руководства его судьями и казной, Османа ибн Хунайфа — для руководства землемерными работами».
- ¹⁵⁷ Балазури, текст, с. 269; англ. перевод, т. 1, с. 427.
- ¹⁵⁸ Табар и I, с. 2606, стк. 7—8; «Мухаммад ибн Маслама был главным над налоговыми чиновниками, который при Омаре разбирал дела тех, на кого поступали жалобы».
- ¹⁵⁹ Балазури, текст, с. 332; перс. перевод, с. 173; Та'рих-и Йазд (литогр.). Йазд, 1317 г. х., с. 32.
- ¹⁶⁰ Балазури, текст, с. 319; перс. перевод, с. 150.
- ¹⁶¹ Куфи 2 (Хайдарабадское изд.), с. 66, 70, 76, 104, 107.
- ¹⁶² Балазури, текст, с. 345; перс. перевод, с. 200.
- ¹⁶³ Балазури, текст, с. 269; англ. перевод, т. 1, с. 427; Л. И. Надирадзе. *Хрестоматия по истории халифата*, с. 39.
- ¹⁶⁴ Ибн Хордадбех, с. 14—15; Кудама ибн Джа'фар VII, 7, текст, с. 87, перевод, с. 39.
- ¹⁶⁵ Табар и I, с. 963, стк. 2—4: «В особенности в Ираке Омар не отступал от введенных Хосровом ставок обложения джарибов земли, пальм, масличных деревьев и голов (т. е. подушной подати. — А. К.), исключив из обложения те же продукты питания населения, что и Хосров». См. также: А. Э. Шмидт. *Материалы по истории Средней Азии и Ирана. — «Ученые записки Института востоковедения»*. Т. 16, М.—Л., 1958, с. 459—460; D. C. Deenett. *Conversion and the Poll-tax in Early Islam*, с. 14.
- ¹⁶⁶ Балазури, текст, с. 251, 313, 318, 321, 388. В настоящей работе мы полностью опускаем понятийную сторону терминов «харадж» и «джизья» в раннем исламе, о чем достаточно много писали Ю. Вельхаузен и другие ученые его школы. Реальное содержание каждого из этих терминов часто определяется контекстом,

поэтому мы пытаемся давать русский эквивалент, а не его арабскую форму в источнике.

¹⁶⁷ Балазури, текст, с. 394, 406; перс. перевод, с. 271, 289.

¹⁶⁸ [H. Zotenberg]. *Chronique*. . . Т. 3, с. 496.

¹⁶⁹ Йа'куби 2, с. 174.

¹⁷⁰ Там же: «Назначил Осману ибн Хунайфу пять дирхемов ежедневно и джериб мукн».

¹⁷¹ Л. И. Надирадзе. Хрестоматия по истории халифата, с. 148. 153 (ссылки на Абу Йусуфа).

¹⁷² Там же, с. 148, 155 (ссылки на Макризи, Йахйу ибн Адама); *Yahya ben Adam. Kitāb al-Kharāj*. . . , с. 63; в других контекстах Йахйа ибн Адам, как и Балазури, является сторонником «осторожной» концепции.

¹⁷³ Балазури, текст, с. 267—268; англ. перевод, т. 1, с. 424—425; перс. перевод, с. 69; *Yahya ben Adam. Kitāb al-Kharāj*. . . , с. 42.

¹⁷⁴ Йа'куби 2, с. 173.

¹⁷⁵ D. C. Dennett. *Conversion and the Poll-tax in Early Islam*, с. 20—21.

¹⁷⁶ *Yahya ben Adam. Kitāb al-Kharāj*. . . , с. 62, 63; Табарни I, с. 2376.

¹⁷⁷ Кудаман ибн Джа'фар VIII, 6, текст, с. 86; франц. перевод, с. 36; Балазури, текст, с. 273; англ. перевод, т. 1, с. 431—432; перс. перевод, с. 76.

¹⁷⁸ Балазури, текст, с. 273. Примечательно, что список Балазури почти совпадает со списком пяти сподвижников у Йахйи ибн Адама, который тот связывает со временем халифства Омара. Только у Балазури вместо Са'да ибн Абу Ваккаса назван Са'д ибн Малик аз-Зухри.

¹⁷⁹ Табарни I, с. 2376, стк. 2—4; Балазури, текст, с. 273—274.

¹⁸⁰ Табарни I, с. 2051, стк. 3—4; Ибн ал-Аспир 2, с. 300; Балазури, текст, с. 272—273; перс. перевод, с. 75—76; D. C. Dennett. *Conversion and the Poll-tax in Early Islam*, с. 26; И. П. Петрушевский. *Ислам в Иране*, с. 160.

¹⁸¹ Табарни I, с. 2168, стк. 16—17; рукописи Бал'ами в ЛО ИВ АН СССР: D-182, л. 334а, D-223, л. 268б; B-4485, л. 4826.

¹⁸² Табарни I, с. 2534.

¹⁸³ A. K. S. Lambton. *An Account of the Tarikhī Qumm*, с. 590.

¹⁸⁴ Балазури, текст, с. 392; перс. перевод, с. 265—266.

¹⁸⁵ Табарни I, с. 2543, стк. 7—8.

¹⁸⁶ Балазури, текст, с. 392.

¹⁸⁷ A. K. S. Lambton. *An Account of the Tarikhī Qumm*, с. 589.

¹⁸⁸ Балазури, текст, с. 329; перс. перевод, с. 168; Хамадани, с. 284: «Люди его (Азербайджана. — А. К.) стали у них арендаторами»; Л. И. Надирадзе. Хрестоматия по истории халифата, с. 104.

¹⁸⁹ A. K. S. Lambton. *An Account of the Tarikhī Qumm*, с. 596.

¹⁹⁰ Табарни I, с. 2884—2885 (о строительстве мечети в Стахре

после третьего завоевания); Б а л а з у р и, текст, с. 392 (о строительстве мечети и резиденции в Арраджане) и т. д. Таких примеров можно привести множество.

¹⁹¹ Б а л а з у р и, текст, с. 344; перс. перевод, с. 198.

¹⁹² Б а л а з у р и, текст, с. 405; перс. перевод, с. 287.

¹⁹³ I. Guidi. Ostsyrische Bischöfe und Bischofssitze im V, VI und VII Jahrhundert. — ZDMG. Bd 43. Lpz., 1889, с. 388—414; J. B. Chabot. Synodicon orientale ou recueil de synodes nestoriens, publié, traduit et annoté. — «Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale et autres bibliothèques». T. 37. P. 1902.

¹⁹⁴ «Patrologia Orientalis». T. XIII, с. 542—543, 545; Barhébraeus. Chronicon Ecclesiasticum, pars 2. Ed. Abbeloos-Lamy. Louvain, 1874, col. 127.

¹⁹⁵ Среди литературы по этому вопросу наиболее ценными представляются следующие работы: J. Labourt. Le Christianisme dans l'empire Perse sous la dynastie Sassanide (224—632). P., 1904; F. Nau. Les arabes chrétiens de Mésopotamie et de Syrie du VII au VIII siècle. P., 1933; A. Fattal. Le statut légal des non-musulmans en pays d'Islam; L. Gardet. La cité Musulmane. Vie sociale et politique. 3me ed. P., 1969; C. Detlef und G. Müller. Stellung und Bedeutung des Katholikos-Patriarchen von Seleukeia-Ktesiphon im Altertum. — «Oriens Christianus». Bd 53. Wiesbaden, 1969, с. 227—245; J. B. Segal. Edessa «the blessed city». Ox., 1970; M. G. Morony. Religious Communities in Late Sasanian and Early Muslim Iraq. — JESHO, vol. 17, с. 113—135.

¹⁹⁶ Extrait de la Chronique de Michel le Syrien. . . traduit de l'Armenien par Ed. Dulaurier. P., 1849, с. 34.

¹⁹⁷ Сводку источников, европейские переводы вариантов договора, а также наиболее существенные разночтения см. в работах: L. Caetani. Annali dell'Islam. Vol. 2, t. 1. Milano, 1907, 10 a. h., с. 349—352; J. Sperber. Die Schreiben Muhammads an die Stämme Arabiens., с. 88—93. Русский перевод текста договора, помещенного в «Книге о харадж» Абу Йусуфа, имеется в работе Л. И. Надирадзе (Хрестоматия по истории халифата, с. 84—85).

¹⁹⁸ Б а л а з у р и, текст, с. 65—66. Столько же и те же свидетели названы у Абу Йусуфа. У последнего упомянуто и имя писца — Абдаллах ибн Абу Бакр. В различных вариантах текста договора число свидетелей колеблется от пяти до семи человек. Русский перевод договора по версии Абу Йусуфа дан Л. И. Надирадзе (Хрестоматия по истории халифата, с. 84—85). Все существующие в арабоязычных сочинениях тексты и пересказы договора с Наджраном, в сущности, воспроизводят «мусульманскую» версию. Наряду с ней существует более пространная «христианская», составленная позже историографом. Ее разбору и обстоятельствам ее возникновения посвящена наша статья «Договор пророка Мухаммеда с христианами Наджрана» (в печати).

¹⁹⁹ Структура договоров более подробно рассматривалась в работе: А. И. Колесников. Договоры между мусульманами и покоренным населением в годы завоевания Ирана арабами (к постановке проблемы). — III и ПИКНВ. XII годинная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. М., 1977, с. 23—30.

- ²⁰⁰ A. Fattal. Le statut légal des non-musulmans en pays d'Islam, с. 23.
- ²⁰¹ Сравнению двух версий договора посвящена специальная статья: А. И. Колесников. Договор пророка Мухаммеда с христианами Наджрана (в печати).
- ²⁰² EI. Vol. 3, с. 824.
- ²⁰³ A. Fattal. Le statut légal des non-musulmans en pays d'Islam, с. 35.
- ²⁰⁴ «Patrologia Orientalis». Т. XIII, с. 618—620.
- ²⁰⁵ Табари I, с. 2041, стк. 3—8.
- ²⁰⁶ Там же, с. 2064, стк. 2—4.
- ²⁰⁷ EI. New Edition. Vol. 1, с. 788.
- ²⁰⁸ Табари I, с. 2223, стк. 3.
- ²⁰⁹ Там же, с. 2203; Ибн ал-Асир 2, с. 342.
- ²¹⁰ Табари I, с. 2031—2032; Ибн ал-Асир 2, с. 296.
- ²¹¹ Балазури, текст, с. 248; англ. перевод, т. 1, с. 398—399; Табари I, с. 2029, 2062, 2074, 2206—2208, 2226, 2244—2245; Ибн ал-Асир 2, с. 296, 302, 306, 343—344; [H. Zotenberg]. Chronique... Т. 3, с. 338.
- ²¹² Рукописи Бал'ами в ЛО ИВ АН СССР: D-182, л. 3356; D-223, л. 270а; B-4485, л. 4846. Ср. [H. Zotenberg]. Chronique... Т. 3, с. 382.
- ²¹³ Табари I, с. 2190, стк. 2—6.
- ²¹⁴ Там же, с. 2192—2193; Ибн ал-Асир 2, с. 341; Рукопись Бал'ами в ЛО ИВ АН СССР: D-182, л. 3356 (ср. [H. Zotenberg]. Chronique... Т. 3, с. 382).
- ²¹⁵ Ибн ал-Асир 2, с. 343.
- ²¹⁶ [H. Zotenberg]. Chronique... Т. 3, с. 328.
- ²¹⁷ Кудама ибн Джа'фар VII, 8, текст, с. 89; перевод, с. 42.
- ²¹⁸ Там же.
- ²¹⁹ Табари I, с. 2019—2020; Динавари, с. 121—122.
- ²²⁰ Табари I, с. 2255—2256.
- ²²¹ «Patrologia Orientalis». Т. XIII, с. 627.
- ²²² [H. Zotenberg]. Chronique... Т. 3, с. 332.
- ²²³ Михаил Сириец 2, текст, с. 414 (прав. кол.); перевод, с. 419.
- ²²⁴ Там же, текст, с. 410 (прав. кол.), с. 414 (лев. кол.); перевод, с. 412, 419.
- ²²⁵ Сирийский аноним VII в., текст, с. 37.
- ²²⁶ Табари I, с. 2564.
- ²²⁷ «Patrologia Orientalis». Т. XIII, с. 581—582.
- ²²⁸ Там же, с. 580.
- ²²⁹ Михаил Сириец 2, текст, с. 421; перевод, с. 426.
- ²³⁰ «Patrologia Orientalis». Т. XIII, с. 598—599.
- ²³¹ Табари I, с. 2374—2375.
- ²³² Сирийский аноним VII в., текст, с. 31; перевод, с. 73.
- ²³³ Издатель «Хроники Сеерта» считает, что в данном месте текст поврежден; фразу он переводит, пользуясь сходным контекстом, который встречается в другом договоре.
- ²³⁴ Фраза составлена из отрывков стихов двух сур Корана: II, 256, и XXIX, 46. Конец фразы несколько короче соответствующего текста стиха.

²³⁵ Население страны, с которой мусульмане находятся в состоянии войны.

²³⁶ «Patrologia Orientalis». T. XIII, с. 620—623.

²³⁷ M. G. M o r o n y. Religious Communities in Late Sasanian and Early Muslim Iraq, с. 117—118.

²³⁸ Sources syriaques. Vol. 1. [Ed.] par A. Mingana. Lpz., [1908], texte, с. 147*, trad., с. 175*.

²³⁹ Подложность «договора» убедительно доказана Н. А. Медниковым в монументальном труде «Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам». Т. 1, с. 538—613.

²⁴⁰ Б а л а з у р и, текст, с. 267; англ. перевод, т. 1, с. 424; перс. перевод, с. 68.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдалазиз 179
 Абдаллах ибн Аббас 127
 Абдаллах ибн Абдаллах ибн Итбан 113, 127
 Абдаллах ибн Амир 120, 126, 129, 130, 141, 143—145, 173, 191
 Абдаллах ибн Будайл ибн Варка ал-Хуза'и 113, 141, 142
 Абдаллах ибн Варка ал-Асади 113
 Абдаллах ибн Варка ар-Рийахи 113
 Абдаллах ибн Зубайр 182
 Абдаллах ибн Мас'уд 199, 200
 Абдаллах ибн Умайр 129
 Абдаллах ибн Хазим 131, 145
 Абдалмалик ибн Марван 47, 175, 179, 182
 Абдалмалик ибн Умайр 25
 Абдаррахман ибн Ауф 219
 Абдаррахман ибн Самура 130, 131
 Абу Бакр, халиф 3, 4, 22, 27, 53—55, 58, 60, 71, 121, 149, 163, 164, 198, 206, 207
 Абу Дауд 25
 Абу Йусуф 9, 39, 40, 164, 204, 205, 207
 Абу Лейли 69
 Абу Ма'шар 111
 Абу Михнаф 35, 75, 165
 Абу Муса ал-Аш'ари 35, 102, 105, 106, 108, 113, 123, 125, 126, 142, 161, 162, 171, 185, 191, 195
 Абу Сабра 191
 Абу Убайд, военачальник 71—75
 Абу-л-Фида 5
 Агапий Мепсиджский 18, 19
 Азадбех 61, 62
 Азадмард, сын Азадбека 85
 Азарбаян 125
 Акка ибн Абу Акка 64, 65, 150
 Ала ибн ал-Хадрамн 53, 121, 122
 Али ибн Абу Талиб, халиф 23, 25, 126, 129, 130, 164, 194, 196, 198, 199, 202, 211
 Али ибн Мухаммед 131, 141—145, 174
 Аммар ибн Йасир 200
 Амир ибн ас-Са'ик 65
 Андарзгар 59, 62
 Анушаджан 55
 Анушак 110
 Ардаван 154
 Ардашир Палакан 55, 154, 169
 Ардашир III 27, 58
 Арзанбан 173
 Асим, военачальник 99
 Асим ибн Амир 129
 Аттаб 68
 Афрузин 171
 Ахнаф ибн Кайс 133, 134, 140, 143—145, 174, 177, 178
 Аш'ас ибн Кайс 165, 174
 Базан 177, 178
 Багри 4
 Балазурн 5, 27, 32—35, 38, 40, 43, 54—60, 67, 75, 76, 79—81, 86, 95, 102, 104, 105, 107, 108, 110—126, 128, 130, 131, 141—143, 162, 164, 165, 171, 174, 177, 179, 185, 186, 188, 193, 195—198, 204, 207, 218
 Бал'амн 7, 28, 29, 54, 59—61, 67, 68, 74, 76, 77, 86, 100, 117, 120—122, 127, 128, 131—133, 135—140, 145, 191, 196, 200, 210, 211
 Бар Пенкайе 218
 Бар Эбрэй, Г. 20
 Барбуд 180, 181
 Бартольд, В. В. 5, 12

Батлер, А. 6
 Бафрак (Баффарнаг) 180, 181
 Бахман Джадуйе 59, 64, 70,
 73, 74, 92, 110
 Башир ибн ал-Хасасийа 71, 83
 Беккер, К. 9, 10
 Беляев, Е. А. 12, 184
 Бен Шемеш, А. 39, 40
 Бершем, М. 9
 Биндой 73
 Биндуван 88, 92
 Бистам, 73
 Бистам, сын Нарсе 97, 168
 Бишр ибн Марван 180, 182
 Браун, Дж. П. 6
 Брокельман, К. 8, 25, 31,
 32, 40
 Бундад Изад 180—182
 Бундар 110
 Бундари 87
 Буниятов, З. 15
 Бурандухт 53

 Ваки ал-Кади 29
 Вакиди 5, 21, 24, 28, 32, 35,
 40, 55, 95, 111, 119
 Валериан 18
 Валид ибн Абдалмалик 141
 Варахран V 46
 Васильев, А. А. 18
 Веспухрак 96
 Вейль, Г. 4, 5, 13
 Вельхаузен, Ю. 6, 9, 10, 23—26

 Гавриил 207, 208
 Гаубе, Х. 48, 180
 Гебль, Р. 46
 Гибб, Х. А. Р. 33
 Глабб, Дж. Б. 7, 8, 57, 58, 66
 Гранберг, Б. 48
 Гушнасмах 73

 Де Гуйе, Ж. 40, 41, 66
 Деннет, Д. 9, 10
 Джабан 59, 60, 72—75
 Джабир ибн Йазид 25
 Джалинос 73, 88—91, 94, 95
 Джамил, сын Веспухрака 168,
 170
 Джарир ибн Абдаллах Бад-
 жали 75, 82, 107, 108, 160
 Джахяз 43
 Димипки 5
 Динавари, Абу Ханифа 15,

22, 23, 27, 54, 71, 77, 79—81,
 104, 110, 111, 135
 Динар 111, 176
 Дорн, Б. 47
 Дюваль, Р. 20

Зад, сын Бухейша 95
 Зайд ибн Абу Зийад 180, 182
 Зардук 110
 Зармихр 67, 69
 Заходер, Б. Н. 7, 12
 Зибрикан 65, 67
 Зийад ибн Абу Суфйан 185
 Зотанбер, А. 28
 Зу-л-Хаджиб (Бахман Джа-
 дуйе) 89, 91
 Зухра ибн ал-Хавийа 89, 96,
 97, 168—170, 173
 Зухри 35

Ибн ал-Асир 5, 31, 32, 54
 55, 57—60, 66—68, 82, 86
 107, 120, 122, 123, 126—131
 204
 Ибн ал-Балхи 36, 121—123,
 125
 Ибн Исхак (Мухаммад ибн
 Исхак) 24, 28, 32, 55, 88,
 95, 96, 111, 137, 138
 Ибн ал-Калби 32, 35
 Ибн Мискавейх 30—32
 Ибн ан-Надим 40
 Ибн Са'д 24, 204
 Ибн ал-Факих ал-Хамадани
 41—43, 190
 Ибн Халдун 5, 84, 85
 Ибн Хаукал 41, 43, 44
 Ибн Хордадбех 41, 42, 195
 Ийад ибн Ганм 56, 63, 65, 67
 Илья 139
 Ираклий 212
 Истахри 15, 41, 43, 44, 116
 Ишп'яб I 207
 Ишп'яб II 20, 207, 208, 214, 218
 Ишп'яб III 218

Йазданкард Шахразури 154
 Йазид ибн ал-Валид 141
 Йазид ибн Му'авийа 196
 Йа'куби 21, 22, 27, 76, 86,
 185, 197, 198, 204
 Йакут 40, 66
 Йахйа ибн Адам 9, 39, 40, 198
 Йездигерд III, сын Шахрий-

- ара 20, 27, 30, 36, 44—46, 48, 52, 58, 62, 81, 86—88, 98, 99, 105, 108, 128, 131—144, 146, 166, 179, 189, 213, 220, 221
- Кавад I 46, 195, 197
Кавад II Шируйе 27, 58, 62
Кавад, военачальник 55, 57
Ка'ка ибн Амр 27, 63, 67, 69, 92, 93, 95, 107, 160
ал-Калби, Аббас ибн Хишам 33
Карен, военачальник в Вавилонии 57, 211
Карен, военачальник в Хорасане 145
Карен, спяхбед Табаристана 120
Казтани, Л. 6, 9, 10, 24, 25, 26, 31, 66
Кинара, военачальник в Вавилонии 89
Кинара, правитель Абаршахра 143
Коссен де Персваль, А. П. 4
Крачковский, И. Ю. 23
Кремср, А. 4, 9
Крымский, А. Е. 7
Кудаман ибн Джа'фар 9, 40, 77, 195
ал-Кумми, Хасан ибн Али 37
ал-Кумми, Хасан ибн Мухаммед 37
Кутейба 141
ал-Куфи, Ибн А'сам 15, 34—36, 88, 100, 104, 105, 125, 142, 161, 162, 177
ал-Куфи, Хусейн ибн Асвад 33
Локкегард, Г. 9
Луконин, В. Г. 50
Лэмбтон, А. К. С. 11, 37
Маверди 9
ал-Маданни Али ибн Мухаммед 21, 28, 29, 33, 35, 43, 104, 119
Майлс, Г. 47, 48, 180
Манучихр сын Хормузdana 105
Марданшах, военачальник 73
Марданшах, мобед Демавенда 117, 177
Марков, А. К. 47
Маскала 120
Мас'уд 70
Мас'уди 4, 5
Матйар 136
Махбудан 67, 69
Махуйе (Махавейх, Абу Бараз) 135, 137—140, 142
Медников, Н. А. 6, 23—25, 66
Михаил Сирисец 19, 20, 135, 166, 204, 212, 213
Михрак Анушзадан 154
Михран, военачальник в Вавилонии 24, 210
Михран, сын Бахрама Чубина 64, 65, 150
Михран из Рейя 96, 97, 99
Михран Хамадани 76
Мордтманн А. 47
Му'авийа ибн Абу Суфйан 120, 130, 218
Му'анна ибн Хариса 70, 85
Мубарак ибн Фадл 25
Мугира ибн Шу'ба 80, 82, 85, 102, 165, 174, 191, 216
Муджалид ибн Са'ид 25, 26
Муджани ибн Мас'уд 122, 123, 128
Мукаддаси 42, 43
Мунзир ибн Ну'ман ибн Мунзир 53
Мусанна ибн Хариса 24, 53, 54, 56, 60, 63, 69—72, 74—78, 82, 83, 150, 163, 167, 176, 191, 210—212
Мухаллаб ибн Абу Суфра 131, 180, 182
Мухаммед, пророк 4, 6, 12, 15, 18, 20, 21, 33, 53, 54, 56, 121, 147, 155, 156, 164, 183, 185, 187, 198, 199, 203—207, 212, 214—216, 218, 222
Мухаммед ибн Исхак 24
Мухаммед ибн Муслим аз-Зухри 34
Мухаммед ибн Са'д 33
Мухдадж 141
Мьюир, В. 4, 5, 13
Мюллер, А. 5
Надирадзе, Л. И. 12
Найзак (Низак) 138, 142
Нарсе 73, 200

Нахверган 96, 97, 99
Нёльдеке, Т. 6, 95
Ну'ман, царь Хиры 64, 207
Ну'ман Абд ал-Мута'ал ал-
Кадн 7
Ну'ман ибн Мукаррип 109,
110, 114, 159
Нюберг, Г. С. 50

Омар ибн ал-Хаттаб, халиф
3, 4, 15, 18, 20, 22, 42, 71,
75, 79, 82, 96, 105, 109,
114, 121—125, 127, 129, 131,
132, 149, 150, 162, 164—168,
171, 172, 175, 183, 185—188,
190—193, 195, 197—201, 206,
207, 211, 213—216, 218,
222

Омар ибн Убайдаллах 131
Осман ибн Абу-л-Ас 122—125
Осман ибн Аффан, халиф 3,
15, 20, 22, 119, 125, 129,
132, 141, 164, 191, 196,
198—200, 216
Осман ибн Хунайф 193, 195

Парук, Ф. 47
Пахомов, Е. А. 47, 50
Пероз, сын Йсэдигерда III
142, 168

Пероз, сын Хосрова 100
Перозан 74, 89, 90, 92
Петрушевский, И. П. 12
Пигулевская, Н. В. 184
Пусфаррух 77, 167

Раббан Теодор 214
Раби ибн Зийад 128, 130, 163,
196

Раби'а ибн Буджайр 68
Рузбех 67, 69
Рустам, сын Фаррухзада 44,
72—74, 84—90, 93, 94, 168,
169
Руфайл 168, 170

Са'алиби 135
Са'д ибн Абу Ваккас 83—86,
88—91, 94—102, 107, 108,
121, 163, 167, 170, 185—187,
199
Са'ид ибн ал-Ас 119, 120,
144, 164
Сайф ибн Омар 6, 21, 24—28,

43, 55, 82, 92, 98, 100, 102,
104, 111, 119—122, 124, 131,
132, 135, 168

Салих ибн Кайсап 55
Салман ал-Фариси 166
Сам'ани 185
Сари 24

Сарийа ибн Зунайм 124
Сезгин, Ф. 25
Сийавахш 116, 117
Сийах 105, 171

Сувайд ибн Кутба 53, 56, 57,
79

Сувайд ибн Мукаррин 192
Суйути 4
Сухайл ибн Ади 127

Табари 4—7, 15, 23—32, 35,
36, 38, 54, 55, 58—60, 66—71,
75—77, 81, 82, 84, 86, 90,
95, 102, 104, 105, 107, 111,
112—120, 122, 124, 126—129,
131, 132, 135—139, 142, 144,
151, 165, 191—193, 200, 210,
213, 214

Тер-Гевондян, А. Н. 15
Тизенгаузен, В. 47
Тирой 73
Тозен, И. 48, 180
Томас, Э. 47

Убайдаллах, информатор Та-
бари 24

Убайдаллах ибн Ма'мар 126
Уокер, Дж. 47, 48, 180
Урва ибн аз-Зубайр 34
Утайба 78

Утба ибн Газван 57, 79, 80,
103, 122, 185, 188, 193

Файуман 97
Фарвандад 176
Фаррух 176
Фаррухан, военачальник в Ва-
вилонии 97, 117
Фаррухан, спяхбед Хорасана
177

Фаррухзад 62
Фаррухзад, правитель Арда-
шир-хурры и Бишапура
180—182

Фаррухзад Хормузд 137, 138
Фатех, М. Х. 10, 11
Фаттал, А. 9, 10, 12, 206, 207

Феофан 5
Феофил Эдесский 19
Фирдоуси 44, 45, 87, 88, 94,
135—140
Флюгель, Г. 5, 13
Фрай, Р. Н. 50
Фурат 78

Хаджжадж ибн Йусуф 141,
175, 179, 182
Халид ибн ал-Валид 27, 54—72,
149, 150, 159, 160, 163, 167,
191, 192, 208, 209, 211
Халид ибн Урфута 90, 91
Хамадани, Ибн ал-Факих 113
Хамза ал-Исфакхани 5, 29, 30,
32, 36
Харсама ибн Арфаджа 79, 188
Харун ар-Рашид 39
Хашим ибн Утба 100, 107
Хипал ибн Акка 69
Хитти, Ф. 8
Хишам ибн ал-Калби 28, 29,
43, 165
Хишам ибн Мухаммед 135—140
Хордадбех ар-Рази 135—139
Хормизд (Хормузд) 19
Хормузан (Хормуздан) 90, 96,
97, 102, 103, 105, 106, 114,
115, 172
Хормузан, сын Ануширвана
100
Хормузд IV 179, 217
Хормузд, вельможа из рода
Сасанидов 91
Хормузд, марзбан Оболлы 54,
55, 57, 58
Хормузд Джадуйе 70
Хосров I Ануширван 11, 63,
165, 175, 178, 181, 195,
197
Хосров Миклас 171

Хосров II Парвиз 46—48, 167,
179, 181, 200, 207, 212,
217
Христос 18, 206
Хузайл ибн Имран 67, 68
Хузали 135, 137, 138, 140
Хумран ибн Абан 179
Хурразад, брат Рустама 100
Хурразад, сын Баса 179
Хурразад, сын Вахриза 100
Хутам ибн Дубей'а 53
Хутум-Шиндлер, А. 37

Ша'би 25, 27, 43, 50, 55, 56
Шапур II 63, 86, 181
Шапур III 181
Шахравайх 171
Шахрак (Сухрак) 123—125
Шахрбараз, узурпатор трона
166
Шахрбараз Джадуйе 115
Шахрийар, брат Хормузана
105, 171
Шахрийа, дехкан в Вавило-
нии 97
Шахрийар, иранский прави-
тель на Востоке 196
Шахрийар, отец Иездигерда III
140
Шварц, П. 9
Шер, А. 17
Ширавайх 171
Ширзад 64, 170
Ширин 140
Шпулер, Б. 7
Шу'айб 24
Шурахбил 95, 96

Юар, К. 8

Якубовский А. Ю. 12

- Абад Кавад 80
 Абаркаван, о-в 122, 128
 Абаршахр (Пишапур) 119, 143, 144
 Абивард 144, 177
 Абхар 156
 Азербайган (Азербайджан) 114, 116, 154, 165, 174, 177, 188, 190, 201
 Айн ат-Тамр 64, 65, 67, 77, 149, 150, 209
 Айн аш-Шамс 92
 Акола 75, 101, 186
 Амгишйи 60, 61
 Амударья 133, 134, 137, 140
 Анбар (Пероз Шапур) 63—65, 67, 77, 78, 80, 150, 156, 167, 186, 187, 208
 Андагар 128
 Аравия, Аравийский п-ов 3, 10, 13, 26, 52, 53, 150, 161, 173, 183, 184, 187, 191, 204, 206, 209
 Ардашир-хурра 120, 123, 126, 181, 182
 Ардебиль 174, 177
 Армения 33, 154, 161, 203
 Арраган (Арраджан) 123
 Асбин 200
 Атик 86, 89, 90, 94—96
 Ахваз 139
 Бабил 168
 Багдад 40, 67, 77, 135, 167, 211
 Бадгис 144, 145, 156
 Балх 133, 134, 140, 145, 177, 181
 Бамм 128
 Банданаджайн 101
 Баникия 63
 Барусма 73, 176
 Барухрава 128
 Басра 38, 54, 55, 79—82, 101—104, 106, 109, 113, 119, 120, 122—125, 129, 130, 141, 143, 174, 172, 184—186, 188—195, 202, 220
 Басусйа 76
 Бахра (Фахрадж) 129
 Бахрейн 40, 53, 66, 79, 121—124, 149, 203
 Бейхак 143
 Бет Гармай 214
 Бех Ардашир 69, 97—99, 170
 Биманд 128
 Бишапур 120, 124, 125, 173, 181, 182
 Бувайб 27, 75, 76, 77, 81, 210
 Бурс 88, 96, 97, 170
 Буст 130, 137
 Вавилон 70, 96, 97, 186
 Вавилония (Ирак, Савад, нижнее Междуречье) 59, 63, 70, 72, 75, 101, 107, 135, 147, 152, 156, 158—160, 167, 168, 172, 176, 191, 193—195, 199, 200, 206—209, 211, 213—215, 220, 221
 Ваджруд 117
 Вайхурд 109
 Валаджа 59, 62, 209
 Вахиштабад Ардашир 184
 верхнее Междуречье 150, 161, 212
 Византия 3, 5, 10, 13, 18, 19, 46, 64, 68, 84, 166, 184, 201, 212, 221
 Герат 15, 133, 140, 143—145, 156, 177, 203
 Гилян 177
 Гудда (Гудай) 82
 Гуздап 178
 Гунди Шапур (Джундай Сабур) 104, 161
 Гур (Джур) 124, 126
 Гурган 117, 119, 136, 144, 156, 164, 190, 203

- Давар 130
 Дайр 97
 Дайр ал-А'вар 88
 Дамаск 66, 92
 Дамган 118
 Дарабад 161, 183
 Дарабгерд 120, 124, 126, 151, 182
 Даскара (Дасткард) 101
 Дастаба 112, 116, 192, 193
 Даурак 105
 Дашт Мешан (Даст Майсан) 77, 80, 102
 Дейлем 116, 193
 Демавенд 117, 120, 156, 177
 Дербенд 50
 Джазира (верхнее Между-
   режье) 33, 63, 67, 68, 70, 78
 Джалула 99—102, 105, 107, 132, 187, 220
 Джармидан 112
 Джахрам (Джахрум) 124
 Джирафт 127, 128
 Джирра 124
 Джувейн 143
 Джузджан 144
 ал-Джулл (Халл) 82
 Дивавар 108, 112, 156, 190
 Дулус 103
 Думат ал-Джандал 65, 66, 69
 Думат ас-Сирхан 66
 Думат ал-Хира 66
 Дурна 59

 Евфрат 55, 56, 61, 63, 65, 67—70, 72, 74—77, 80, 86—89, 96, 97, 101, 167, 183, 185—187, 192, 200, 208, 209
 Египет 10, 13, 22, 29, 33, 157, 159, 188, 192

 Заб 176
 Заболь 130
 Заваби 73
 Залик 130
 Зам 143
 Заранг (Зарандж) 129, 130, 156, 163, 196
 Заруд 83
 Зендавард 59, 73
 Зу-Кар 52, 80, 82
 Зумайл (Бишр) 68
 Зушт 130

 Изадж 104
 Индия 79, 130
 Ирак (Вавилония, Савад, ниж-
   нее Междуречье) 10, 25, 33, 42, 55, 56: 58, 60, 63—72, 75—78, 80—82, 85, 109, 137, 159, 183, 192, 208, 220
 Исбазахан 109
 Исфараин 143
 Исфакан (Спахан, Джей) 88, 109, 114, 161, 172, 202

 Йармук 95, 166
 Йасриб (Медина) 207
 Йахудийа 115, 161
 Йезд 194
 Йемама 53, 54
 Йемен 83, 192, 204, 205

 Кабас 78
 Кадисия 22, 44, 84—88, 90, 95, 96, 101, 102, 111, 121, 124, 135, 166, 167, 168, 170, 183, 185, 186, 220, 221
 Казвин 156, 172, 189
 Казерун 124
 Казима (Кавазим) 55—57
 Каир 39
 Каликал 156, 161
 Кандагар 129
 Карка 214
 Каркуйа 130
 Кармасин 108, 109
 Карун (Дуджайл Ахвазский) 103
 Каср ал-Абйад 61
 Каср-и Абу Наср 50
 Каср Бану Мазин 61
 Каср ал-Гарайин (Каср ал-Адасийин) 61
 Каср Ибн Букайла 61
 Капан 114, 116
 Кашкар (Шад Шапур) 59, 73, 109, 176, 200, 214
 Кербела 63, 64
 Керман 115, 127—129, 132, 136, 141, 143, 152, 181, 188, 201, 221
 Киркенсий 190
 Китай 79, 133, 134, 146
 Ктесифон 56, 60—64, 69, 86, 90, 96—101, 170, 186—188, 192, 209, 213, 215, 216, 220
 Кувейт 55, 56

Кудайс 89
Кумиш (Кумис) 117—119, 156
Кумм 37, 114, 116, 200—202
Курдистан 17
Куса 88, 97, 168
Кусс ан-Натиф 74—76
Куфа (Акола) 24, 26, 28, 38,
55, 101—104, 106, 108, 113,
119, 133, 144, 173, 184—195,
197, 199, 202, 206, 220,
Кухистан 133, 143, 145
Кыха 117

Лар, о-в 121
Лариз 117
Лейден 39
Ленинград 34

Мадаин (Махозе, Селевкия—
Ктесифон) 215, 218
Мазан (Синий) 57, 59, 79, 192
Маназир 102, 103
Марваха 74
Мардж ас-Сибак 75, 76
Масабадан 112, 152, 190
Мах ал-Басра 190
Мах Бахрадан 159
Мах ал-Куфа 190
Махруд 101, 156
Медина 52—54, 57, 63, 79,
80, 82, 83, 104, 108, 172, 186,
191, 202, 204
Мекка 204
Мешбидж 18
Мерв 19, 44, 45, 133—135,
137—142, 144, 156, 189, 196,
203, 221
Мөрвруд 133, 140, 144, 145,
177, 156, 178
Месопотамия (Междуречье) 10,
11, 29, 149, 167, 187, 190,
194, 197, 200, 201, 203,
210—212, 219, 220
Мешан 77, 80, 102, 174, 207
Медия 100, 106—109, 115, 116,
132, 152, 176, 190
Михраган-кадак 97, 102, 112
Мосул (Мавспл) 17, 183, 188,
190, 194
Мукран (Мекран) 128, 152
Мургаб 139, 142, 144
Мусайах (Музайах) 67, 68
Мушаррик 92

Наджаф 88, 95,
Наджд 83
Наджран 155, 164, 187, 204—
207, 212, 214, 216, 222
Намарик 72, 73
Намния 120
Намруд 130
Нахрбур 215
Нахр Джаубар 73, 176
Нахрейн 168, 200
Нахр Малик 168
Нахр Тира 102, 103
Нехавенд 105, 108—118, 132,
188, 190, 221
Нибадж 54
нижнее Междуречье 10, 52,
56, 61, 69, 77, 79, 102, 106,
160, 166, 192, 208, 213,
214, 219
Нимруз 115
Ниневия 161
Ниса 144, 177
Нишапур (Абаршахр) 132, 133,
143—145, 173
Ноубандаган 124

Оболла 53, 55—57, 63, 77, 79,
150, 184, 185
Оллейс 59, 62, 72, 74, 160
Оман 79, 122, 185

Парс (Фарс) 35, 36, 43, 50, 51,
79, 105, 106, 108, 109, 114,
120—128, 132, 136, 143, 151,
154, 156, 173, 181, 189, 194,
221, 223

Паса 124
Персидский залив 53, 70, 101,
121, 123, 128, 189, 190
Порат (Фурат) 79
Пушанг 156, 177

Равар 143
Рам Хормуз 35, 104, 105,
161, 162, 164, 190
Ранак 68
Рев-Ардашир (Рашахр, Ри-
шахр) 123, 124
Рей 88, 101, 114—118, 132,
136, 137, 156, 190, 194
Руйан 120
Русафа 68
Руххадж (Арахозия) 130

Сабат 64, 86, 88, 97, 98, 170
Савад (Ирак, Вавилония) 10,
40, 73, 79, 80, 86, 152, 165,
167, 198

Сакастан (Сиджистан, Систан)
128—131, 136, 137, 141, 142,
152, 179, 203

Сакатийа 73

Салман 82

Самган 161, 183

Сарат 83

Сарахо 133, 144, 158, 177

Сеерт 17

Селевкия-Ктесифон (Махозе,
Мадапп) 158, 218

Сиб 62, 69,

Синд 129

Синй 57, 68

Сираджан (Шираджан) 143

Сираф 189

Сирийская пустыня 63, 64, 65

Сирия 10, 13, 22, 25, 26, 29,
33, 54, 65, 66, 68, 69, 75, 92,
93, 102, 188, 191, 192

Систан (Сакастан) 38, 108, 127

Сиффин 78, 113, 210

Согд 133, 134

Спахан (Исфахан) 105, 108,
112—115, 125, 132, 133, 136,
141, 147, 156, 190, 194

Средняя Азия 141, 146

Стахр (Истахр) 105, 121, 124—
127, 140, 141, 152, 173, 177,
181, 182

Сура 97

Табаристан 30, 117—120, 136,
141, 177, 190

Табас 127, 133

Табасайн 133, 142, 143, 145,
164

Таввадж (Тавваз, Таус) 121,
122, 123, 125

Тазар 109

Таиф 71, 192

Тайзанабад 89, 200

Такрит 78, 203

Талекан 144, 177, 178

Тамис 119

Тафф 80

Тигр 55, 56, 63, 70, 77, 78, 80,
96—99, 101, 185, 186, 189,
192, 209

Тохаристан 133, 144

Тус 137, 144, 156, 173

Тустар (Шуштар) 161, 171, 190

Узайб 85, 86, 92

Фалалидж 63, 168, 192

Фарйаб 144, 177, 178

Фергана 134, 197

Фирад 68, 99

Фурат Бадакла 61

Хаварнак 88

Хайсун 130

Хама 68

Хамадан 88, 112, 114—116, 156,
192

Ханафис 67, 77, 167, 209

Хандак 95

Ханикип 100, 101

Хауран 68

Хафир (Хафар) 54, 55

Хаффан 72, 93

Хильменд (Хирманд), р. 130

Хира 52, 53, 55—57, 60—64,
66, 67, 70—72, 74, 75, 77,
80, 85—88, 96, 97, 101,
150, 163, 167, 186, 187,
191, 208, 209, 211, 212, 220

Хорасан 29, 30, 42, 72—75,
99, 108, 119, 127, 129, 131—
135, 137, 141—143, 145, 158,
164, 177, 191, 194, 203, 221

Хорезм 145

Хормузгөрд 59

Хормуз 200

Хормуз Ардашир (Хузистан
вачар, Сук ал-Ахваз) 103—
105, 213

Хувар 117

Хузистан (Ахваз, Бег Ху-
зайе) 17, 40, 79, 97, 101—106,
108, 109, 122, 123, 151,
156, 158, 161, 171, 172, 175,
179, 188, 200, 201, 203, 212,
221

Хулван 99, 100, 105, 107—109,
132, 141, 156, 190

Хумран 144

Хусайд 67

Хутарнийе 168

Шад Кавад 99

Шапур—хурра 123, 125, 126

Шараф 82, 83, 85

Ширвад 130
Шатт-эль-Араб 15, 77, 82, 101,
102, 185
Шахразур^а 156, 183
Шиниз 123
Шираджан (Сираджап) 127—
129
Шираз 123, 161
Ширриз 117
Шитата 64

Шумийа (Дар ар-Ризк) 76
Шуш (Сус) 17, 104, 105, 151,
158, 213
Шуштар (Тустар) 104—106, 171,
213
Шуштрэ (Шуштар) 17, 106
Эдесса 221
Япония 146

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Р а з д е л I	
Источники	16
Р а з д е л II	
Военно-политическая история арабских завоеваний	52
Р а з д е л III	
Арабы и покоренное население Ирана	147
Заключение	219
Примечания	223
Указатель имен	257
Указатель географических названий . . .	262

Алий Иванович Колесников

**ЗАВОЕВАНИЕ ИРАНА
АРАБАМИ**

(Иран при «праведных» халифах)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор М. Д. Панасьянц
Младший редактор Л. А. Добродеева
Художник В. П. Захарченко
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор Г. А. Никитина
Корректор Л. И. Письман

ИБ № 14438

Сдано в набор 13.11.81. Подписано к печати 30.07.82. А-11679. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 14,28. Усл. кр.-отг. 14,49. Уч.-изд. л. 15,6. Тираж 5000 экз. Изд. № 5059. Зак. № 917.
Цена 1 р. 60 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линий, 12